

Уже распустились

В некотором царстве в некотором государстве Шотландий и Англий жил-был добрый молодец. И был он всем хорош да пригож, но очень уж любил этот молодец виски. И так уж он его обожал, что жить без него не мог. А где виски, там и приключения. Батюшка с матушкой пока не поздно, и так пытались отвадить дитятко от пагубного зелья, и эдак — всё попусту. Но сколько верёвочке не виться, всё конец будет. Однажды коварное зелье всё-таки погубило молодца.

Глава 1 И живые позавидуют мёртвым

Глава 1

И живые позавидуют мёртвым.

Шквалистый тёплый ветер с силой и упорством дул в спину и подгонял вперёд. Даже для Шотландии эта ранняя осень выдалась особенно ветреной. Отросшая зелёная трава, потяжелевшая от недавнего дождя, словно причёсанная, улеглась в одну сторону, травинка к травинке, а стволы одиноких низкорослых деревьев гнулись, увлекаемые своей кроной, будто хрупкие барышни объёмными юбками. С таким помощником идти было несравнимо легче, но людям и тут погода не угодила — они сопротивлялись силе стихии, упрямо тормозя и медля, отклоняя спины назад и «укладывая» их на воздушный поток. Женщины заправляли лезущие на лица волосы за уши, придерживая подолы платьев, мужчины понуро и покорно перебирали ногами, не отвлекаясь от своих горестных мыслей. Никому не хотелось торопиться. В место, куда они все направлялись, обычно не спешат.

Сразу за катафалком человек двадцать медленно брели в компании местного священника отца Реджинальда Уэйкфилда, а впереди машины приходской викарий нёс свежесрубленный деревянный крест. Ветер жадно вырывал ношу из его рук, того и гляди, норовя опрокинуть мужчину с такой тяжестью.

— Джейми, подмени преподобного, — шепнула мама. — Смотри, он не донесёт крест до кладбища. Ему тяжело.

Фрейзер-младший скривился.

— А может, я лучше подменю дядюшку Лэма? — показал он глазами на покойника. — А то ему там по кайфу лежать, а мы тут...

— Джейми! — шикнула миссис Фрейзер.

Сын выдохнул, состроил досадливую гримасу, но всё-таки направился обгонять толпу. Он с удовольствием поддался силе ветра и пробежался вперёд.

— Преподобный отец, давайте я, — протянул он руки к кресту и только тут увидел, что викарий действительно еле идёт — всё-таки годами он был не на много моложе покойника.

— Спасибо, сын мой, — не мешкая, вручил помощник отца Реджинальда свою тяжесть парню. — Я чуть отдохну и подменю тебя на кладбище.

— Договорились. Буду помирать — позову Вас.

— Эм-м что, прости?

— Ничего. Ступайте с Богом. — Джейми перехватил основание поудобней и зашагал дальше, намереваясь опять погрузиться в свои горестные мысли, из которых его так некстати выдернула родительница.

Его цветущая, буйная, молодая жизнь дала трещину. Да. Увы и ах, но судя по всему, на этот раз судьба взялась за него всерьёз. Нагрешил!

Всё началось с того, что он забыл свой телефон в пабе на Duke street. Чёрт их с Клариссой дёрнул в ту пятницу так надраться. И вроде бы Джейми протрезвел слегка, но всё-таки нёсся сломя голову через центр Глазго, нарушая все правила, которые нарушались и даже те, которые не нарушались, уж больно жалко было новенький айфон.

И откуда только выпрыгнула эта чёртова кукла на Мазерати! Водить не умеет, сидела бы в каком-нибудь маникюрном салоне нога за ногу, а она на дорогу вылезла. Теперь страховка на следующий год обойдётся раз в десять дороже и свою красавицу нужно ремонтировать. А

на какие, спрашивается, шиши? Отец сказал: больше не даст ни пенса.

А тут ещё и дядюшка Лэм отдал Богу душу так не вовремя, и родители не упустили возможность наказать сына за отвратительное поведение и разбитую машину поездкой на эти похороны. И даже телефон новый не купили.

Крест оказался довольно тяжёл и неудобен, да и ветер тоже не помогал. Хотелось опустить «дровеняку» и тащить за собой как бревно. А ещё смертельно хотелось выпить. А ещё лучше — в пабе. И уж совсем идеально — с парнями. С «тёлками» пока связываться не хотелось.

«От них одни проблемы. Дрочить и то проще».

Джейми шёл и вспоминал по памяти дядюшкин «Стоунхендж», как он назвал этот, с позволения сказать, замок в первый же свой визит.

«Кажется, на втором этаже, там стоял какой-то шкафчик, там что-нибудь может быть. Потом ещё в спальне у дядюшки тоже наверняка что-то припрятано».

Старший мамин брат — Ламберт Бошан к пенсии совсем помешался на своей истории и антропологии и поселился в хайлэндсе, в небольшом имении Леох со старой развалюхой — трёхэтажным замком. В этот обвалившийся сарай дядюшка Лэм перетащил свою грандиозную коллекцию натасканного им за всю жизнь хлама, который громко именовал антиквариатом, и место его проживания уже совершенно отчаянно стало напоминать свалку.

Вообще-то Джейми в гости к дядюшке затащить было практически невозможно. И уж коль осуществимо, то очень затратно в плане вложенных, а если точнее, то угробленных, нервов и сил. Только однажды, после очередной попойки и прокола после неё с какой-то несовершеннолетней шлюхой, от которой отец потом сына еле отмазал, его сослали сюда, к Лэму. В такой глуши, в этой «грёбаной дыре» Джейми тогда от скуки и безделья чуть не тронулся умом и, позвонив маме, сказал, что, если они не заберут своего непутёвого сыночка, он начнёт пить уже абсолютно по-взрослому, уж лучше пусть сразу запрут его в погребе с виски. Тогда его всё-таки вернули в привычную среду обитания, тем более что подступал новый учебный год в Университете Глазго.

Да и сейчас пробыв в Леохе неполные сутки, он уже со всей злости скучал по своему городу и парням.

«Последний курс остался, — сжималось от ужаса сердце студента. — Ещё один год отучусь и всё, к отцу на работу. Господи, лучше уж в могилу к дядюшке!»

С кладбища возвращались все вразнобой, а за поминальным столом сидели молчаливые и хмурые.

Особенно Джейми. Воспользовавшись всеобщей занятостью, он проверил дядюшкин шкаф в столовой и ничего не обнаружил. А когда за упокой души Ламберта Бошана племяннику налили стопочку виски вместимостью чуть более пятидесяти капель, ему захотелось закрыться в туалете и выть. Громко, долго и тоскливо.

— Чёртов замок, чёртовы сквозняки, чёртов ветер, чёртова жизнь, — бубнил он себе под нос, пробираясь по ночной дороге в соседний посёлок Alltbeirhe в магазин. Это был последний оплот, остаточная надежда. Джейми перешёл через рельсы железнодорожного пути и увидел возле привокзальной площади скромную витрину маленькой товарной лавки, которая показалась ему прекрасней гламурного блеска всех вместе взятых бутиков Ниццы, куда они этим летом ездили отдыхать с парнями.

Возле входа неподвижно сидел и спал жирный трёхцветный кот. Огромный. Издалека Джейми вначале даже показалось, что это гипсовая скульптурка. Ветер гулял по короткой

шерсти животного, разделяя её на временные проборы, но кот не реагировал.

«Медитирует, что ли. Дзен отращивает», — улыбнулся парень.

Но, однако же, когда подошёл к двери, эта упитанная божья тварь посмела жалобно мяукнуть, хотя его щеками можно было загородить витрину.

Джейми, очарованный такой милой наглостью, купил пакетик сушеной рыбки и, выйдя из магазина, присел на пороге угостить усатого попрошайку.

Но и себя тоже не забыл.

Алкоголь приятно обжёг горло. Он проник только в желудок, а парню казалось, будто виски побежал огненной лавой сразу по артериям и вернулся даже из мозга уже с венозной, пьяной кровью. Тело разомлело, и внешний мир отступил. Ветер присмирел, холод ослабил хватку, словно туман над рекой поредела тоска. Полегчало.

Он поднялся и поплёлся обратно в замок, а кот, глотнувший рыбину как не в себя, посеменил следом. Только Джейми прошёл назад через рельсы, за его спиной пронёсся скорый поезд, даже не остановившись на таком маленьком полустанке.

«Счастливые чуваки рванули в Глазго или Манчестер, — парень поднял бутылку к глазам и посмотрел на лунный свет: сколько отпил. — Надо было две брать», — сделал он вывод.

Промилле в крови навяли воспоминание о прекрасной Тэйрин, которая на дне рождения Луска чуть не отдалась Джейми прямо в доме у друга. У этой бестии такая попка! Орешек!

«Плевать! Я себе ещё лучше найду. — И тут Земля покачнулась под ним. — Ик».

На Джейми Фрейзера «тёлки» вешались гроздьями. Всегда. Круглогодично и всесезонно. Отказы он мог вспомнить если только с подсказками и по фотографиям, настолько давно это было. К тому же, его слава плейбоя и ненасытного любовника бежала впереди своего хозяина.

— Джейми Фрейзер?! — восклицали красотки в ночных клубах. — Так вот ты какой, красавчик!

Красавчик ухмылялся и выбирал самую лучшую. Но даже её хватало в среднем дня на два, не больше. Только с солисткой их местной группы «Космические ранцы» Митти Сноум он встречался целую неделю. Слишком уж мелодичным голосом она кричала при оргазмах.

Наконец охмелев так, как ему хотелось и могло, Джейми остановился и высыпал из пакетика оставшуюся рыбу коту.

— Медитируй, — нагнулся и погладил он хитрюгу по широкой, гладкой спине.

Когда Фрейзер приближался к усадьбе, а уровень виски в бутылке — ко дну, он понял, что вот теперь-то готов заночевать где угодно и как угодно. А то в этот раз ему постелили на раскладных креслах в спальне вместе с родителями, поскольку весь Леох был забит роднёй — дядюшку все очень любили.

«Ещё бы горшок рядом поставили и бутылочку с молочком. Совсем за пацана держат», — скривился он тогда от перспективы и железно решил, что лучше уляжется на дядюшкиной могиле в обнимку с крестом, с которым и так почти сроднился, чем как «последний пубертат» будет храпеть в спальне с предками.

И вот сейчас Джейми собирался поберечь мамины нервы и свою жизнь — ибо от его теперешнего вида миссис Фрейзер очень расстроится, а мистер Фрейзер, скорее всего, устроит сыну испытание на живучесть — поковылял неровной походкой мимо немногочисленных жилых построек поместья и парадного входа замка заодно. Он точно

помнил, что у «Стоунхенджа» целых четыре входа и пошёл обходить его по кругу, и пересчитывать их все по одному. В окне столовой горел свет, и из открытой форточки слышались приглушённые голоса.

«Родственнички вместе горе переживают», — вздохнул парень, потому как далеко не со всеми из них был знаком лично и даже узнавал в лицо. Некогда ему поддерживать родственные связи. Он учится.

Джейми хотел задрать голову вверх и посмотреть на второй и третий этажи, но только его глаза доползли до балкона второго яруса башни, как в мозгах зашумело, закружило, и он начал заваливаться навзничь. Поэтому быстро вернул себе сравнительно вертикальное положение и поплёлся дальше.

Завернув за угол, парень увидел возле старых гаражей несколько припаркованных машин вместе с отцовским джипом. Он повёл глазами по номерам.

«Шотландия. Родная и любимая», — пьяно улыбнулся шотландец и повертел головой вокруг настолько быстро, насколько позволил вестибулярный аппарат. И тут ему на глаза попала какая-то дверь сразу же за округлостью фундамента башни. Что-то не помнил он её здесь раньше, а может, просто спяну не узнал, но всё равно был уверен, что она заперта.

А дверь взяла и поддалась.

— Ну к псмтрм... ик... — ступив через порог, он нащупал включатель и нажал, но свет загорелся только в начале, возле входа, дальше следовали несколько ступень вниз и коридор, окутанный неприятной тьмой. — Да и плевать. Может там... хоть сено... — Джейми храбро бросился преодолевать ступеньки.

Каменные стены обдали холодом даже по сравнению с промозглостью погоды на улице.

— Склеп какой-то, — проворчал визитёр. С каждым шагом тьма сгущалась, и идти дальше что-то перехотелось. — Бр-р-р, могильник, — разочаровавшись, хотел уже было повернуть назад, но тут глаза уловили что-то квадратное в темноте. Он двинулся туда. В шагах двадцати от входа стоял сундук с зазывно и гостеприимно откинутой крышкой. Кстати, ёмкость оказалась не квадратной, а вполне себе прямоугольной и довольно вместительной. Парень на ощупь потрогал ржавую ковку на краях и клёпки на месте замка. Глаза уже чуть привыкли к темноте, и Джейми увидел на дне какое-то тряпье.

— Дядя Лэ-э-эм, — пьяно протянул племянничек, — ты... ик... молодец. — Виски, выпитый на ходу и почти на голодный желудок, того и гляди просился наружу, зато притупил обоняние, и воняло от тряпья совсем даже терпимо. Джейми закинул одну ногу в сундук и завалил себя внутрь вместе с пустой бутылкой. — Пф-ф-ф... уф-ф, — пробовал он возмутиться пыли, но горизонтальное положение моментально дало о себе знать — глаза закрылись, и темнота поглотила его.

Он несколько раз просыпался, потому что не мог вытянуть свои длинные ноги. Приходилось всё время менять позу, но поспать всё-таки удалось. О таком счастье в спальне матери с отцом и мечтать не приходилось. Там замучили бы упрёками и руганью.

Джейми не понял, во сколько он проснулся, так сказать, окончательно — окон не было, телефона — тоже, внутренние часы молчали, как в рот воды набравши.

— Воды, — промычал бедолага. Воняло теперь уже вполне прилично, голова трещала ещё сильнее, в желудке — конюшня с казармой вместе взятые. — Он пошевелился и, резко подтянувшись на руках, сел. От его шевелений трухлявый сундук зашатался, хоть парню и показалось, что содрогнулась вся планета Земля. А может быть именно так оно и произошло, потому что крышка не устояла и упала на голову.

— А-а-а, мать твою-у-у, — Джейми пригнулся, схватившись за темечко. — Сучара негодная! — ткнул он в потолок убежища кулаком со всей дури и опять захныкал. Но тут же понял, что что-то ему в этом не нравится. — Чёрт, — забыл он о боли и потыкал опять пальцами в крышку сундука. — Э-эй, ты чего, — постучал сильнее. — Не дури, — подпёр он её обеими ладонями. — Дьявол! — Джейми засуетился и, встав на колени и скрючившись, упёрся в крышку спиной.

Тщетно!

— Проклятое хламьё! Я же задохнусь тут!

Он начал что есть мочи — а силушкой Бог не обидел — долбиться в крышку. Когда спине уже сделалось больно, вдруг как люк корабельного трюма откинулось днище, и Джейми полетел куда-то вниз.

Лететь было не очень далеко и почти даже приятно, но приземляться всё равно больно.

— А-а-агх-х-х... — упал он на спину. Мозги с тупой болью внутри сотрясло ещё сильнее, спину ушибло тоже неслабо, все кишки словно резиновые растянулись, а потом опять сжались. — Т-твою ма-а-ать! — застонал парень, схватившись за бока.

Вокруг была такая темень, будто он упал в банку с чёрной краской. Потирая ушибленное место одной рукой, другой Джейми пощупал то, на что свалился — утрамбованная земля. Пахло сыростью, деревом, гнильём и камнем.

— Ну, и что мне... делать? — глядя перед собой, но не видя ни зги и чувствуя себя абсолютно слепым, пробурчал он.

Кстати, тряпки, судя по всему, разлетелись в воздухе в стороны, поэтому амортизатор из них получился слабоватый. Где-то тут же упала и бутылка из-под виски.

Кряхтя и чертыхаясь, парень встал на четвереньки и попробовал подняться. У него получилось. Вытянув руки над головой, ничего не обнаружил, поэтому протянул их вперёд и сделал шаг. Потом ещё. В этой непроглядной темени, к которой не привыкали глаза, не появлялось никаких очертаний. Он шагнул ещё и ещё. И тут его ладони нащупали что-то деревянное. Какие-то сбитые отполированные доски. Он начал водить по ним руками и понял, что это бочка.

— Иисус, твою Черчилль, Христос! Виски! — Чуть не подпрыгнул на месте Джейми. — Чёртов дядюшка, у него есть погреб с виски! А-а-а, да я счастливчик! Спасибо тебе, Господи, что послал мне ту придурюшную на Мазерати! Погреб с виски! Мечта всего моего детства! Ай да дядюшка, ай да прохвост! — если бы не его состояние и ушибы, счастливчик принялся бы танцевать. — Я бы ни за что не умер, если бы у меня был погреб с виски.

Он прошёл на ощупь чуть вправо, чуть влево, но бочки не кончались.

— Ого! Вернусь сюда потом с парнями! Держись, Стоунхендж!

Тут ему сделалось прохладно. Его бомбер, в котором ходил на похоронах, имел шерстяную подстёжку, но холод погреба, это даже не тёплый атлантический шквал, он проникает медленно, верно и очень глубоко. Тем более, если почти не двигаешься. Джейми кое-как сообразив в пространстве, вернулся к месту падения и нащупал свои тряпки. По его трезвому теперь уже представлению, это оказались килты. Старые, поеденные мышами, но всё равно очень тёплые. Он сложил один из них и, укутавшись, опять направился на поиски выхода.

Ищите и обрящете. Пройдя чуть назад, он нащупал в темноте следующий ряд бочек и прошёл вдоль него сначала вправо, а потом влево. В конце именно этого коридора оказалась дверь.

Дверь как дверь. Старая и обыкновенная. Он начал шарить по каменной стене рядом, будучи убеждённым, что где-то тут имеется выключатель, но не нашёл. О том, чтобы открыть дверь самому, не стоило даже мечтать — она была заперта на какой-то древний, грубый, сильный запор. С такими двери просто так не открываются.

— Дьявол! Да что ж такое-то, ну! — долбанул он кулаком по стене рядом.

Отчаявшись, вернулся по бочкам назад, на свой ряд и прошёл в другую сторону. Предстояло ждать, пока его обнаружат, а это Бог знает сколько, поэтому необходимо найти какой-нибудь стол, на котором дегустируют виски и смотрят на его прозрачность и оттенки — может, удастся улечься хотя бы на него, а не на землю. Но и стола тоже не нашлось.

— Чёрт.

Ничего не оставалось, как вернуться на своё место, собрать в кучу барахло и усесться на нём.

И ждать.

Взгрозившись на килты, парень вспомнил про свою головную боль и тошноту. И тут понял, что и их тоже уже нет. Ничего нет.

— Мама должна про меня вспомнить, — потеплее закапывался он в хламьё.

Примостившись чуть поудобнее и прислонив спину к бочке, Джейми задумался.

«Странно как-то. Провалилось дно в сундуке, а очутился в подвале. Выходит, там вообще пола не было? Это потайной лаз в погреб? Дядюшка придумал? — перед Джейми как живой возник образ Ламберта Бошана. Этот мужчина и хитрость не вязались у племянника в одной системе координат ни при каких раскладах. Дядюшка был и слыл бескорыстным простофилей. Только он мог приобрести такую развалюху, угробив на неё все свои сбережения, и умереть в этом сарае. — Не, скорее всего, это очень старый лаз. Как же его тогда не заметили? Ничего не понимаю. А вдруг сюда уже сто лет никто не заглядывал? — Вопросов была тьма. Ответов — ноль. Приходилось только ждать. — Представляю, какой атомный в них вискарь». — Чуть не давясь слюной, ласково и нежно, как девушку по голой попке, погладил Джейми бочку перед тем как задремать, согревшись в хламье.

Проснулся он от металлического лязга где-то у себя за спиной. Спросонья едва понял: где он и что с ним, а увидев танцующий свет от какого-то живого огня типа факела, даже слегка зажмурился.

— Наконец-то, — принялся подниматься. Он ещё не понял: кто там пришёл и почему с факелом, но это уже не важно. Главное, что его сейчас освободят. Игнорируя боль в спине, он выпрямился и, скинув с себя тряпье, вышел из-за бочек навстречу вошедшему.

— А! — увидев его, застыл в нелепой позе молодой подросток лет семнадцати в килте и, вытаращив глаза, выставил на Джейми свой факел как копьё. — А-а-а... ты кто?! — спросил он почему-то на гельском. Фрейзер немного понимал этот язык, но почти не говорил на нём.

— Я Джейми. Племянник дядюшки, — начал объяснять он на английском.

— А-а-а! — заорал как ненормальный парнишка и отпрянул назад к двери. — Сесенах! А-а-а... — с криком ринулся он куда-то вон. — Сасенах! — удалялись его вопли. Он выбежал из погреба вместе с факелом, но забыл закрыть дверь.

— Твою мать, перепились они там, пока меня не было, что ли. — Направился за ним Джейми опять в темноте. Только он смог на ощупь дойти до двери и выйти из погреба, как к нему навстречу выбежали двое мужиков с факелом.

От их вида парень остановился. Во-первых, на них тоже висели килты тартанов какого-то весьма знакомого клана. Во-вторых, в руках они сжимали ещё палаши и скин ду*, а вид мужики имели, как у мужиков — дикий и дремучий. Тупые лица, перекошенные свирепостью и агрессией.

— Мужики, мужики, — поднял Фрейзер руки в защитном жесте, — я...

— Сасенах! — рывкнул тот, что со скин ду. Он что-то добавил на гэльском, и второй ему кратко ответил.

— Джентльмены, вы чего как из шестнадцатого века? Я Джейми, сын сестры хозяина этого замка.

— Сасенах! — рывкнул тот, что с факелом и палашом.

— Да вы что, издеваетесь?

— Сасенах! — кинулся на него первый.

— Э! Э-эй, вы чего? — оттолкнул его Джейми, но тут на него накинулся второй, а в конце коридора уже показалась несметная толпа таких же в килтах, но уже с вилами.

— Сасенах! Сасенах! — слышалось из их рядов, а парень в это время оттолкнул и второго, но тут к нему опять подскочил первый и приставил к горлу скин ду.

— Заткнись, — сказал он на гэльском.

«Бред какой-то, — позволил связать себе за спиной руки парень, оглядывая частокол, направленных на него вил. Его толкнули в спину и повели по коридору. — Где там вообще мама и отец? Они-то куда смотрят?»

Проведя по довольно длинному коридору, его вывели на улицу, и у Джейми отвисла челюсть — вместо зелёной травы и плиточных дорожек «обрадовало глаз» месиво грязи и лошадиного навоза. В одном углу горели костры под решётками, возле них работали молотами кузнецы, в другом валялись огромные мотки некачественной грязной шерсти, которую — Джейми это знал со школы — оставляли под дождём для предварительного сваливания.

«Ого! — посмотрел он в другую сторону и увидел возле ещё незаконченной стены пристройки, которая служила дядюшке главным хранилищем антиквариата, большое деревянное корыто, в котором замешивали что-то наподобие цемента непривычного бурого цвета. Такой оттенок объяснялся довольно просто — в раствор добавляли яичные желтки. Огромные тазы с уложенными пирамидками утиных и гусиных яиц стояли рядом. — Странно», — ничего не понял парень.

Мало того, что его стражники обмотались килтами, так во двор спешили женщины в старинных неопрятных одеждах с корсетами и привязанными шерстяными рукавами. Вид они имели ненамного более цивилизованный, чем их мужчины. Лица перепачканы, у кого-то видны ссадины или даже синяки. Про пацанят, прибежавших поглазеть, лучше и не говорить — маленькие чертенята, да и только. Рожек, правда, не хватает, но возле каждого по тощему костлявому огромному псу. Собаки, кстати, увидев задержанного, тут же завиляли своими облезлыми хвостами. Джейми мельком обернулся на замок — может, ещё и «Стоунхендж» изменился, пока он спал в сундуке. И его опасения подтвердились — замок словно офотошопили — почти новенький, ухоженный, какой-то жилой и тёплый.

«Слава тебе, Господи! — выдохнул Джейми. — Значит, это сон! Я скоро проснусь. Скорей бы. Выпить охота».

Вокруг слышалась гэльская речь, а его опять толкнули в спину и, подталкивая, потащили по направлению к ступенькам перед большой сводчатой двойной дверью. Джейми

хотел было подумать, что примерно так снимают кино, но больно уж масштабы смущали. Его втолкали по ступенькам и повели по очередному коридору. Это был проход на задний двор. Его он узнал сразу в отличие от самого двора. Но как тут узнаешь, если ещё вчера днём своими глазами видел там остатки теплиц и загородки псарни, оставшиеся от прежних хозяев.

Опознав хоть что-то знакомое, он принялся по возможности ориентироваться. Они прошли по первому этажу мимо главной залы, которую дядюшка именовал холлом, поднялись по лестнице и очутились на бельведере, после которого направились на третий этаж. Везде пахло горелой рыбой, а в воздухе висела пелена густого чада, разносимого сквозняками, очевидно, с кухни. Джейми знал, где она находится. Высокие маленькие окошки главной залы пропускали, мягко говоря, света немного, а тут и подавно еле справлялись с гущей дыма и копоти. Парню захотелось, чтобы его вывели на самый верхний башенный балкон и скинули оттуда. Наверняка, пока будет лететь, проснётся. Разговаривать со своими конвоирами он больше не пытался. Сказали же замолчать, так что уж тут такого трудного.

Его затолкали в комнату, служившую дядюшке библиотекой. Здесь и сейчас стояли два стеллажа с книгами в старинных переплётах, но этот мизер, конечно же, не шёл ни в какие сравнения с собранием помещанного на истории и антропологии Ламберта Бошана.

Равно как и у дядюшки, комнату устилали ковры. Красивые и дорогие. Пока ему развязывали руки, Джейми задрал голову на потолок и узнал каменный свод. Только сейчас с него почему-то смыли всю краску.

У окна с книгой в руках стоял мужчина в килте и шотландском твидовом пиджаке. На вид ему было лет не более пятидесяти: седые волосы, забранные в хвост, небольшие голубые глаза, тонкий «немногословный» рот, но весьма болезненный цвет лица с парой шрамов на щеке. Вид мужчины имел вполне цивилизованный, но всё равно какой-то ветхий. Всё на нём казалось каким-то мятым, не глаженным и в заметных пятнах. Однако это не мешало джентльмену — а перед Джейми вне всякого сомнения стоял джентльмен — иметь весьма величавый и гордый вид.

— Доброе утро, — поздоровался он на английском с чудовищным акцентом, но, тем не менее, закрыл книгу и развернулся к пленнику всем телом.

— Доброе. — Вежливо склонил голову тот.

— Твоё имя?

— Джеймс Фрейзер.

— Англичанин? — вскину бровь господин.

— Нет. Я шотландец.

— Ты, шотландец, почему рассказываешь на английский? — затем мужчина произнёс какую-то длинную сложную тираду на гэльском, из которой Джейми не разобрал ни звука.

Что на такое можно ответить.

— Я вырос в Англии, — нашёлся он.

— Вот как? — вскинул теперь уже обе брови его собеседник. — Кто отец? Фрейзер — большой клан.

— Мои родители — бродячие музыканты. — Джейми пытался что-то придумать наугад. Не знал он, что лучше говорить, а что хуже.

— Бродячие музыканты? — подошёл и положил книгу на стол мужчина. — Интересно. — Он посмотрел на джинсы, толстовку и бомбер парня. — У тебя не наша

одежда. И ноги, — ткнул пальцем в кроссовки. — Странно.

Парень мочал. В общем-то он и сам хотел сказать, что всё это очень странно, но прав тот, у кого ружьё, поэтому молчал.

— Все бродячий певцы — шпионы. — Припёр его к стенке господин. — Странно, ты сам в этом легко сказал.

«Чёрт. Дьявол», — заскрипел зубами Джейми. В принципе, он прекрасно знал всю историю противостояния англичан с шотландцами, только отказывался верить в то, что может оказаться ещё и живым (пока) свидетелем всего этого бардака. Поэтому на время отбросив спасительные мысли о сне, лихорадочно вспоминал все уроки истории Шотландии и выискивал выгодную ему линию. И ничего наскоро не придумал.

— На мне костюм для одной роли. Я его ношу, потому что больше нечего. Отпустите меня, пожалуйста, — сделал жалостливое выражение лица пленник.

Мужчина сделал ещё один шаг вперёд и указал пальцем на серьгу у Джейми в ухе.

— А это?

Фрейзер-младший уже года полтора, как повесил себе одну мужскую серьгу из платины в виде толстого гранёного кольца. Вот захотелось ему и всё тут. Жажда самовыражения не чужда даже тем, кому природа и так отсыпала щедрой горстью.

— Это означает, что я один ребёнок в семье и в бою меня нужно беречь, — тут же вспомнил Джейми где-то прочитанное объяснение.

Тут дверь открылась, какой-то мужик занёс в комнату тряпье из сундука и пустую бутылку из-под виски Джейми и, молча свалив всё это по центру ковра, вышел.

— Как ты попал в погреб с виски? — подошёл и взял бутылку господин.

«Вот так», — «сдулся» Джейми. Но всё-таки сообразил, что если уж между шотландцами и англичанами идёт противостояние даже в его снах, то лучше признаться в меньшем грехе и увести расследование в сторону.

— Выпить хотел.

Мужчина начал откупоривать бутылку, но не мог справиться с резьбой.

— Открой, — протянул он её владельцу.

Тот взял, открыл и отдал назад. Он стоял и удивлялся одновременно и суровости, и наивности своих захватчиков. Во-первых, руки-то ему связали, но обыскать забыли. В карманах джинсов валялся ключ от квартиры с брелоком в виде серебряной змейки, во внутреннем кармане бомбера лежали пластиковые карты Barclays Bank и сети заправок Sainsbury's. Потом развязали руки и оставили один на один со своим лэрдом. Который вручает Джейми в руки бутылку, а ведь ею вполне можно огреть его по голове и, приставив осколки к горлу, хотя бы взять в заложники.

В это время господин поднёс горлышко к носу и понюхал.

— Фу, — скривился он, разглядывая этикетку со штрих кодом. — Пойло. Это не мой виски. Такие помои я не... Где взял?

— Да это остатки. Родителей угостили.

— Ирландец свинья О'Тул?

— Да, наверное, — кивнул Джейми.

— Только он умеет такую отраву.

Дверь отворилась опять, и в комнату буквально влетел очередной представитель мужского населения своего времени. Выглядел он, как и джентльмен, сравнительно цивилизованно, очень высокого роста и очень крупный. Когда они с Джейми оказались в одном

пространстве, сразу же стало как-то меньше места и заметно тесновато. Примерно так же у парня всегда было с отцом. Им всегда и везде вместе казалось тесно, кроме разве что охоты, которой оба увлекались один другого фанатичней.

Вновь прибывший вошёл и молча повёл глазами по обстановке. Обменявшись взглядами с собеседником Джейми, он остановился ровно напротив Фрейзера и уставился на него злым, недовольным, презрительным взглядом. Этот человек был почти лыс, но бородат, с острыми буравчиками голубых глаз, но сквозило в нём что-то добродушное, прикольное.

— Привет, — протянул ему руку Джейми. — Я Джейми, а ты кто?

Лысый опустил глаза на его ладонь, потом вернул их обратно и произнёс пару слов на гэльском, видимо, что-то спрашивая у господина с хвостиком. Тот обронил неразборчивую фразу, и буравчики расширились и округлились.

— Ты всё врёшь! — вдруг заорал лысый на чистом английском. — Откуда ты узнал, что рядом с погребом находится оружейная комната? Ты перепутал двери! Признавайся!

— Да нет же! — всплеснул руками парень, автоматически подмечая, что даже у этого здорового господина ужасные жёлтые зубы и воняет изо рта как от несвежего дуриана**, который он с родителями когда-то пробовал в Тайланде. — Я вам честно говорю, что хотел виски. Подслушал у вас тут разговор про погреб, вот и... решился.

— Хорошо. — Поиграл желваками здоровяк. — Пока посидишь в башне. И если тебя народ не вспомнит, то...

Парень облизал губы.

— Т-то что?

— Придётся тебя повесить, — вынес приговор бородатый таким тоном, как будто речь шла о выгуле собаки.

У Джейми что-то зацепало в горле, он хотел бы ещё попытаться объяснить, что на самом деле они ничего не поняли, и что это всё чудовищная ошибка или чья-то дурацкая шутка, но господин с хвостиком позвонил в колокольчик, вошёл охранник и, взяв парня за локоть, потащил к выходу.

За дверью их ждали ещё двое.

По знакомым коридорам его привели к камере в нижней части башни, куда дядюшка Лэм сложил все старые ржавые унитазы и треснутые ванны, после того как поменял их в замке чтобы наполнить эту развалину хоть какими-то благами цивилизации.

Сейчас здесь стояла совсем другая дверь — кованая и сводчатая на петлях толщиной со шланг высокого давления. Её отворили, заскрипев петлями на весь хайлэндс, и Джейми замер на входе — изнутри завоняло таким смрадом, что потемнело в глазах. Сырой и затхлый воздух погреба показался ему сейчас свежим бризом с океана.

— Нет! Я не хочу! — попытался развернуться он к своим конвоирам, но его толкнули внутрь, он сделал пару неуклюжих шагов, поскользнулся на грязи и упал. А дверь заскрежетала и опять захлопнулась.

Фрейзер грязно и от души выругался. Его камера оказалась круглой, по периметру самой башни, со стен стекала вода, образуя лужи слякоти. Именно в неё он свалился своими джинсами Levi's. Стараясь не трогать ничего руками, потому что их потом не обо что будет вытереть, не говоря уже о том, чтобы вымыть, он кое-как поднялся и осмотрелся. Здесь в одном месте, на небольшой возвышенности у стены, лежал ворох свалывшейся прогнившей соломы.

Джейми справил малую нужду прямо в лужу, прошёл, уселся на солому и прислонился

спиной к каменной стене.

Этого не могло быть, в это невозможно было поверить, это не поддавалось никакому осмыслению, не выдерживало никакого, даже самого поверхностного логического анализа, но он, кажется, провалился в другое время. Именно провалился. Как в преисподнюю.

«Если завтра я не проснусь, и меня повесят, то точно я в другом времени. Но я должен проснуться! Обязан! Не могу же я родиться в одном столетии, а умереть в другом. К маме хочу! Мама. Господи, за что мне всё это! — схватился он за голову. — Я боюсь, мне холодно, я замёрз, есть хочу, пить хочу», — поглубже закутываясь в свой бомбер, Джейми нахохлился как воробей.

Сколько так просидел, он не помнил, но очнувшись, ему пришла в голову идея. Парень кое-как поднялся, стараясь обходить особенно грязные места, добрался до двери и принялся колотить в неё кулаками. Когда ему сделалось больно рукам, а он так никого и не дождался, и уже хотел было отойти, внизу двери отскочила какая-то затворка, наподобие лаза для кошек, и послышался голос. Слов опять Джейми не разобрал, только лишь понял одно: «Чего».

— Мне в туалет, — жалостным голосом запричитал арестант. — В туалет. Чёрт! — досадовал он, что не знает этого слова и не удосужился вспомнить что-нибудь аналогичное на гэльском.

В окошке голос заржал, и оно захлопнулось.

Джейми ударил кулаком в стену и поплёлся на своё место.

Не то тучи набежали, не то уже опустились сумерки, но в помещении потемнело. Убаюканный капаньем воды и тишиной, парень задремал.

— Привет, — вдруг услышал он сквозь сон и моментально распахнул глаза.

Первым делом метнулся жаждущими глазами на дверь. Но там никого не было. Он огляделся вокруг и, скользнув взглядом по окну, застыл в немом удивлении. Вернее, его накрыло шоком как цунами. На окне сидела маленькая человеческая фигурка, от которой шло несильное, матовое свечение, как от ночника. Фигурка была женской, тоненькой, не более семи дюймов, чем-то похожа на куклу Барби, только живая, и волосы забраны в пучок. Облачение её состояло из чего-то наподобие рыцарских доспехов только из пластиковых бутылок коричневого цвета. Они так плотно прилегали к её тоненьким, точёным формам, что напоминали гидрокостюм аквалангиста или серфингиста.

А ещё сзади на спине шевелились крылышки точь-в-точь как у стрекозы. Красивые. Лицо показалось Джейми настолько крохотным, что он еле разобрал его черты. Существо явно было девушкой, только какой-то мультяшной, ненастоящей. А девушкой, потому что сидя на подоконнике и закинув ногу за ногу, подпиливало ногти.

— Привет, говорю, — пропищало опять существо. — Да отомри ты уже!

— А? — нашёлся Джейми.

— Знаю-знаю, ты не ожидал меня увидеть, да и вообще такую как я видишь впервые и прочее, и прочее.

— Боже, — впервые в жизни у парня рука потянулась осенить себя крестным знаменем.

— Ну, хорошо. Я подожду, — чуть развернулось существо к окну.

— Ты кто? — выдохнул Джейми.

— Я фея. Зовут меня Мерседес Синдрилонская. — Существо вытянуло руку и полюбовалось на свой маникюр. — Я послана тебе в подмогу. Всем, кто попадает в прошлое, посылают одну из нас, фей.

Глава 2 Что едят за обедом пугала

Глава 2 Что едят за обедом пугала.

— Стало быть, я всё-таки попал в прошлое, и это всё не сон?!

— Да. Ты попал в восемнадцатый век.

— Да Иисус, твою Черчилль, Христос, восемнадцатый век! — схватился за голову парень.

— Так, без паники! — развела в стороны свои тоненькие ручки фея, и её крылышки сложились, а потом опять разъединились. — Подумаешь, «восемнадцатый век», — передразнила она подопечного, схватившись за свою золотистую головку. — Ну, восемнадцатый, ну, век. И здесь люди живут.

— Ага, ну да, конечно, — нижняя челюсть Джейми откинулась вниз по новой, потому как пока удивление властвовало над ним безраздельно. Но всё-таки, как бы там ни было, сейчас он готов был поверит в любого, хоть в Лох-несское чудовище, лишь бы оно вернуло его домой. — А как получилось, что я... так вот...

— Не знаю, — пожала плечиками Мерседес. — Дело фей — помогать, а не умничать тут.

— И ты мне поможешь?

— Конечно. Если ты будешь паинькой и не станешь лезть на рожон, я вытащу тебя отсюда. — Затрепетали прозрачные крылышки.

— И меня не повесят?

— Не успеют. Только после того, как тебе накинута верёвку на шею, прокричи, что отдаёшь себя в руки Господа и больше ни звука.

— А без этого никак нельзя? — чуть приободрившись, Джейми сник опять. Петлю на шею что-то не очень хотелось. — Ты же фея, а феи, они волшебницы. — Но тут же оглянулся по комнате и понял: не исключено, что и эта фея... не запомнил он её имени, тоже ему снится.

— Мы феи, а не фокусницы. Мы не делаем всё за человека. Чтобы вернуться, тебе тоже придётся потрудиться. Советую настраиваться именно на это. — Она убрала невидимую пылинку со своего плечика.

— Эм-м, Мерсе... дес Сирди... э-э... ломс... э-э

— Мерседес Синдрилонская! — фея взяла свою пилочку для ногтей как учительница — указку. — Син-дри-лон-ска-я, запомни. Мерседес Синдрилонская.

— Да мне бы хотя бы выговорить для начала.

— Хм-м, — скептически скривилось существо. — Здоровый, красивый, молодой и такой глупый.

— Я не глупый! — чуть отшатнулся парень.

— Да? Не глупый? А как же тебя в восемнадцатый век занесло? Все умные сейчас дома нежатся в обнимку с макбуками и айфонами, а ты?!

— Я непутёвый. — Подогнул он колени и положил на них вытянутые руки.

— Ты глупый! Не ценил то, что тебе дано было. Мама — умница, красавица идеальная леди, руководитель отсека в микробиологической лаборатории. Папа — настоящий мужчина, деловой человек, умнейший мужик, и что? И как ты это реализовал? Пошёл по пабам и барам?

— Ой, да ладно хватит! — отмахнулся рукой Джейми и отвернулся. — Этого я и дома наслушался.

— Вот видишь. Наслушался, да не задержал в голове. И если тебе так уж плохо дома, может, я пойду тогда да не стану с тобой время зря терять? — легко взлетела фея над подоконником.

— Нет-нет, ты погоди! — подскочил Джейми. — Это я так, увлёкся. А ты сама, где живёшь?

— В лесу. Как все эльфы и феи. — Опять уселась она на подоконник и свесила свои тоненькие светящиеся ножки в «доспехах».

— С гномами?

— Нет, гномы отдельно. Они слишком деловые эти гномы, — гордо вскинула подбородок фея и по-деловому сложила руки на груди. — Всё умничают да указывают. Считают нас стрекозами легкомысленными. Всё-то мы ерундой занимаемся, — тоненький голосок наполнился нотками укора и неподдельной обиды.

— А как ты про меня узнала? Ну, что я... это... тут вот...

— Нам всем это Алба говорит.

— Алба? Знаю: Албой называли древнюю Шотландию.

— Наша Алба ещё старше. Она помнит даже древних шетландцев, которые здесь были задолго до шотландцев. Она многое помнит.

— А тебя называли Мерседес в честь машины?

— Ну, вот ещё! — фыркнула фея, и её крылышки возмущённо заходили туда-сюда. — Когда я появилась, ещё и колеса-то не изобрели.

— Правда? Ого! — в восхищении распахнулись большие синие глаза Джейми с красивым, выразительным миндалевидным разрезом. — Да иди ты! А сколько тебе лет?

— Семьсот.

Парень нахмурился и сдвинул брови.

— Хах! — вдруг подпрыгнул он. — Ерунда получается. Народ колесил всю ещё за пять тысяч лет до нашей эры. Так что, кто-то тут врёт, — радостно развёл он руками, широко улыбаясь.

— Подумаешь, немножечко приукрасила, — недовольно скривилась Мерседес. — Всё равно я старше этих ваших Мерседесов и Астон Мартинов, хоть и самая младшая из фей. Поэтому мне нельзя облажаться с тобой. Нужно довести тебя до ума, тогда мне доверят одну бедняжку, которая попала к вам в двадцать первый век из двадцать пятого. Она там у вас вообще не может из дома выйти, чтобы её машина не задавила. Не привыкла к машинам, которые давят людей, — мастерски «перевела стрелки» фея.

— Ух ты! — загорелись глаза Джейми. — А что там в двадцать пятом веке ещё есть интересенького?

— Да ничего такого, — равнодушно махнула пилочкой Мерседес. — Все обленились до конца, только и знают, что сидеть с голосовыми ноутбуками да переодеваться десять раз за день.

— Мерседес Сарди...

— Синдрилонская!

«Всевышний, а фею с именем попроще они мне не могли послать?»

— Не могли.

Парень опешил.

— Ты и мысли слышишь?

— Конечно! — мадам Синдрилонская даже чуть подпрыгнула на месте, а приземлилась уже, поработав крылышками. — Я же женщина!

— Ага. Мерседес Сирди... ой, прости, Сидри...

— Так, ну, хватит! Называй меня фея Вжик или просто Вжикки. Так меня зовут знакомые эльфы.

— Договорились, — просиял Джейми. — Фея Вжик, я кушать хочу.

— О, всемогущая Алба! — схватила за головку Вжикки. — И за что мне всё это? Ладно, попробую что-нибудь придумать.

Пилка в её руках растворилась в воздухе, а потом исчезла и сама фея, да так быстро, что Джейми даже не смог уловить: она куда-то улетела или лопнула как мыльный пузырь.

Ему опять сделалось грустно. Он даже не стал задумываться над тем, как быстро и легко принял, что в его мире существует какой-то сундук времени и феи с их миром, которым правит какая-то Алба. Сначала хотелось есть. Джейми ждал Вжикки довольно долго, надеясь, что она появится с куском оленьего пирога, но вместо неё раздался лязг затворки в двери. Она открылась, в неё просунулся большой комок тряпок, после чего затворка с громким лязгом захлопнулась.

Снова обходя лужи и грязь, парень подошёл к входу и подобрал посылку. Размотав её, он обнаружил внутри кусок домашней колбасы и краюху хлеба. Колбаса была обугленная и горелая, а хлеб наоборот — сырой и вонял дрожжами, это не говоря уже о смердящих мышами и мочой тряпках, но Джейми принялся с аппетитом жевать тут же. Внутри колбасы оказалась вполне хорошая свинина, да и хлеб тоже показался съедобным, особенно вместе с мясом.

Съев всё до крошки, Джейми уже привычно уселся у стены и задремал. Он всё время просыпался и пытался улечься как-нибудь так, чтобы ноги не оказались в луже, или голова не попала под капли воды, поэтому промучился всю ночь. И это уже вторую подряд. Проваливаясь в сон, он опять погружался в тот самый сладостный, вожделенный мир с его школой и учителями, футболом и отличницей Шинейд МакАлистер, которая нравилась ему ещё в восьмом классе, и к которой он планировал «подъехать» чуть позже, когда она немного подрастёт и «созреет», а он — нагуляется и тоже «созреет». Просыпаясь, парень лелеял надежду оказаться дома в своей комнате в кровати, но всё ещё валялся на соломе у стены в замке в восемнадцатом веке. От несокрушимой силы разочарования делалось больно и душевно и даже физически, и он опять проваливался в сон.

Наутро, когда окошко сверху немного посветлело, ему уже казалось, что никакой феи не было, что всё это плод его воспалённого воображения, а настоящими были только вода, всё так же стекающая по стенам, да лужи всё так же воняющие гнилью. Очень хотелось принять душ или хотя бы умыться и почистить зубы, но парень не мог даже встать и пройтись, размять мышцы и немного развеять мысли — пришлось бы перепрыгивать через грязь.

Не зная, чем ещё заняться, он опять помочился в лужу и вернулся обратно, сел у стены.

Где-то через полчаса лязгнули железные запоры на двери, она заскрежетала и распахнулась. Вошёл мужик. Может, Джейми видел его вчера, но они все здесь показались ему на одно лицо, свирепые, угрюмые и с бородами, поэтому этого он встретил как незнакомца.

— Аидихт, — показал рукой незнакомец на выход.

Джейми не знал, что означает это слово, но жест понял безошибочно. Он послушно

поднялся и двинулся на выход. За порогом его встретили ещё двое и, резко развернув задом, связали руки за спиной.

Его не повели на лестницу, что бедолагу несказанно огорчило, а сразу направили к дверям заднего двора.

На улице было пасмурно, но даже от такого света он зажмурился. Глаза резало, будто засыпало стальными опилками, а в теле стонали все мышцы до единой. Чуть проморгавшись, он окинул взглядом двор, и его кровь остановилась в жилах — почти по центру двора стояла виселица. Парень чисто машинально рванул назад в дом.

— Нет! Не надо! Я не хочу! За что?! — сейчас Джейми даже разозлился на себя, что позволил какой-то эфемерной фее или не пойми какому-то насекомому, стрекозе, запудрить себе мозги и поверить, что ничего с ним не случится. Может, он что-нибудь придумал бы и выбрался отсюда.

Его удержали и, не мешкая, поволокли к помосту, ибо уже поняли, что «клиент» силушкой не обижен и, не ровен час, может доставить им столько хлопот, что мало не покажется.

Устройство лишения жизни через повешенье соответствовало времени, в котором эксплуатировалось — своего рода лобное место из камня и железных обручей, на нём закреплена перекладина с верёвкой и под ней невысокая скамейка — вот и все хитрости.

Сейчас толпа стояла чуть поодаль, и людей в ней явно поубавилось, особенно женщин с детьми. Однако, всё те же килты, всё те же перемазанные, неряшливые глупые лица, на которых не просматривалось какого-нибудь такого уж ажиотажа или любопытства. По всему видать, народ привык к подобным событиям и наверняка видел что-нибудь и похлеще. Везде слышался негромкий говор на гэльском.

— Нет! Пожалуйста, нет! — выкручивался Джейми, но держали его очень крепко и постоянно подхватывали, даже если он вырывал руку или плечо. В такой манере затолкали наверх. — Вы не понимаете! — кричал бедолага. — Я ничего плохого не сделал! Вы казните невиновного! Это грех! — Но, судя по всему, люди его действительно не понимали.

И вдруг все затихли. Из дверей замка вышел тот самый седой господин с хвостиком. Он поклонился, и все до единого, даже конвоиры Джейми, склонили головы в ответ. Мужчина принялся что-то говорить на гэльском торжественным тоном, но из его речи приговорённый понял только приветствие и слово «сасенах». После отмашки седовласого, Джейми накинута мешок на голову.

— Да что же вы за люди! Вы что, не понимаете, что совершаете ошибку. Мистер! Мистер, Вы не правы! Вы берёте грех на душу! — парень почувствовал верёвку на своей шее. — Господи, если ты есть, не дай свершиться беззаконию! — крикнул он, что есть мочи.

В первое мгновение ему показалось, что в голове выключили свет. Потом вырубил и весь окружающий мир. Шею будто растянули и разорвали по живому, а в грудь перестал поступать воздух. Джейми сильно и резко трепыхнулся, потом ещё раз и...

Упал.

Неимоверным усилием мускулов всего тела он разорвал ветхую верёвку на руках и ослабил петлю на шее.

И только поле этого слышал крики и вопли толпы. Начав опять дышать, счастливчик сорвал с головы мешок и попытался встать, но ноги подкашивались. Его подхватили под локти, подняли, поставили прямо и снова связали руки сзади.

Найдя глазами господина, Джейми увидел, что тот очень раздосадован, и, когда их

взгляды встретились, мужчина топнул ногой и круто развернувшись, скрылся в замке. Несостоявшегося висельника почти сбросили с помоста и опять начали толкать в двери. Но на этот раз повели сразу наверх.

«Опять к нему, — догадался парень. — Ай да фея, ай да умница. Может, и правда, вытащит отсюда? — от сердца немного отлегло, и Джейми уже приготовился к встрече с родителями. — Мама. Папа», — опять заныло внутри.

Его привели в ту же самую библиотеку. Седовласый ходил из угла в угол и нервно перекидывал вещи с места на место.

— Это плохо, — зло и громко наконец выговорил он. — Тебя повесить и всё, а теперь... — он подошёл к окну и сцепил в замок руки за спиной. — Теперь всё будет только хуже. Тебя нужно обезвредить. Выколоть глаза, отрезать уши.

— Э-э-э, вы чего! — отшатнулся парень. — Да что же это такое! Я вам говорю, что ничего плохого не сделал! Почему вы мне не верите?!

Мужчина сначала развернулся вполоборота, потом направился к своему пленнику и остановился ровно напротив.

— Долго на свете живу, — проговорил он вкрадчиво и старательно, но от этого его акцент не исчез и даже не смягчился. Джейми вообще стал подозревать, что господин не хочет хорошо разговаривать на английском принципиально, и совершенно преднамеренно коверкает язык своих врагов. — Господь тебе заступился, значит, ты теперь мне надоешь. — Седовласый опять вернулся к окну. — Нужно что-нибудь придумать на тебя. Может, обменяем на наш человек, если капитан Рэндолл сказать да.

И после этих слов, даже не дав парню ответить или хоть как-то отреагировать по поводу своей судьбы, он подошёл к столу и позвонил в колокольчик. Произнёс какую-то фразу, обращаясь к вошедшему конвоиру, и Джейми опять вытолкали из библиотеки и повели по коридору.

Ему очень не хотелось возвращаться в свою «канализацию», но, к счастью, на втором этаже лестницы в башне они свернули в другую дверь и пошли по балкону главной залы теперь уже в обратном направлении. Его втолкнули в небольшую, но довольно чистую комнату с каменным полом, на котором в углу лежал вполне сносный матрац.

— А сразу сюда нельзя было? — сделал несколько шагов по комнате Джейми, прежде чем дверь за ним захлопнулась. Окошко на улицу, в котором он уже приготовился ждать фею, теперь было почти как у них дома в туалете только с внешней стороны его заковали в решётку.

«Прям размером с мамино зеркало», — первым делом подумал парень, только лишь пройдя в «апартаменты».

Стены каменные, холодные, но сухие. Даже камин предусмотрен, но, очевидно, с лета ещё не топлён. Джейми повздыхал, покряхтел, но делать нечего, снял с себя джинсы и принялся чистить засохшую грязь на боку.

«И как это у мамы так всё ловко получалось?» — бился он над оставшимся грязным пятном.

Ему очень хотелось завалиться сейчас на это матрац, но он боялся, что тот, вероятно, полон каких-нибудь насекомых восемнадцатого века, устойчивых к холоду. Фрейзер вспомнил о своей куртке с капюшоном, которую по пьяни порвал, зацепившись за железную кованую изгородь в парке Семи озёр.

«Дурак», — обругал он сам себя, хотя хотел сказать совсем не это.

Но всё-таки улёгся, подложив руку под голову, и... заплакал. Слезы градом хлынули из глаз. Им овладевала сильная, непреодолимая тоска. Горькая и жгучая. Так захотелось сейчас, вот в эту самую минуту оказаться у себя дома. Да пусть даже и у дядюшки в замке. Да хоть у отца на работе или на занятиях Натана Шлейснера, его преподавателя по Мировому хозяйству. Так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь отменил весь этот кошмар. Никто не видел слёз Джейми, и от этого делалось ещё тоскливей, и чувствовал он себя ещё более одиноко. Сейчас можно было забыть, что он вообще-то красавчик, да и вполне себе «крутой перец» и всех «вертел». Сейчас он остался парнем, которому «повезло» попасть в непонятную передрагу и избежать виселицы.

Пролежал он так довольно долго. После того как приступ отчаяния и истерика после виселицы отступили, он встал, осмотрел камин и подошёл к окну. В него виднелись только подступы к замку, где расположились бродячие ремесленники — жестянщики и ткачи со своим товаром и услугами. Горело пару костров, стояло несколько повозок, меж которыми гуляли козы и паслись отвязанные лошади. Бегали ребятишки.

Вдруг он заметил идущую по тропинке довольно привлекательную девушку. Распущенные белокурые волосы, затянутая в корсет весьма тонкая талия, гибкие руки обнимали плетёную корзину, наполненную какой-то зеленью.

— Интересно, — высунулся он чуть больше, — кто такая?

Конечно же, по меркам двадцать первого века эта «ласси», как называют девушек на гэльском, показалась бы обыкновенной деревенщиной и «серой мышкой», но здесь и сейчас вполне сошла бы. Красавица подошла к замку и скрылась где-то вдоль его стен, а Джейми потёр пальцами свой скульптурный подбородок с уже хорошо отросшей щетиной и отошёл от окна. Он опять повалился за матрац и закинул руки под голову.

Он вспомнил своих «тёлочек». Тех самых, которые «лучшие». Среди парней он привычно оказывался самым высоким, самым красивым, самым выносливым — короче, самым-самым, поэтому, естественно, кому ещё могли доставаться самые-самые «киски». Только Фрейзеру. Но и они надоедали. Все эти бабы выматывали и часто устраивали истерики, пытались «всё вернуть» или «всё начать сначала», да только для них и Джейми это вот самое «всё» очень сильно различалось. Для него «всё» — это поход в паб, алкоголь, секс, потом утро, опять секс и — «всё». А для них «всё» было чем-то другим, но это уже их проблемы.

Забывшись в воспоминаниях, Джейми вздрогнул от того, что в замок двери вставили ключ и повернули его там четыре раза. Звук напоминал лязг гусениц танка.

На этот раз вошёл какой-то молодой парень, почти такой же, как и Фрейзер, только с усами.

— Выходи, — сказал он на английском.

Пленник поднялся, и только хотел было спросить, где здесь у них нормальные удобства, как тут же об этом забыл, поскольку уловил довольно вкусный запах еды. Мяса. Или ему так показалось с голодухи, но всё равно запах манил и дурманил мозг. Когда они вышли из комнаты и повернули на балкон главной залы, услышав ещё и незнакомые звуки, Джейми сделал шаг в сторону к ограждению и посмотрел вниз. По центру дядюшкиного холла выставили два длинных стола и накрыли их большими подносами с пищей.

Когда они входили в залу, на них посмотрел седовласый господин.

— Садись. Поешь с нами, — указала он остановившемуся у стола пленнику.

Парень тут же послушался, а его конвоир испарился.

За столами сидели в общей сложности человек двадцать-двадцать пять. В основном мужчины. Справа от седовласого склонился над своей посудой тот самый лысый, который влетел вчера в кабинет во время допроса.

На подносах лежали запечённое на косточке мясо, свёкла и солёные грибы. Возле каждого трапезника стояло по огромной кружке с какой-то жидкостью. Ели молча, практически не переговариваясь, некоторые даже не поднимали головы от посуды. В комнате не слышалось гомона, только постукивание, сопение и копошение.

Мясо оказалось вполне съедобным, да и грибы были не плохи. Какая-то прислуживающая женщина поставила возле Джейми такую же огромную кружку, и когда парень отхлебнул, то понял, что это не алкоголь, как он предположил, а что-то гороховое. Наподобие киселя.

Что там будет дальше и как, покажет время и седовласый господин, а сейчас парень решил полностью отжаться еде. Покушать он любил. Всегда. В любом веке и в любое время дня или ночи.

Поэтому ничего удивительного, что отдав процессу всего себя без остатка, не заметил, как в залу вошла девушка.

Ну, как девушка, вернее, девушка, конечно, но с гипертрофированными признаками восемнадцатого века. Без головного убора, без каких-либо украшений, огромное воронье гнездо чёрных кудрявых волос на голове, в платье больше напоминающем занавес какого-нибудь обедневшего театра, без корсета. Лицо с одной стороны было полностью покрасневшее и воспалённое как после сильнейшего солнечного ожога. Вероятно, именно ожогом объяснялось и отсутствие бровей с ресницами. Белок одного глаза красный с полопавшимися капиллярами, другой выглядел более нормально, но тоже как-то заплыл. Оба они смотрели исподлобья, угрюмо и мрачно — ни тени кокетства или слабости.

На девушку почти никто не обратил внимания, что её, судя по всему, ни капли не смутило. Видимо, здесь это было обычным делом.

Остановившись между столами, она громко поздоровалась:

— Добрый день, — сказала на гэльском очень грубым низким голосом, напоминающим звуки бас гитары.

В это момент Джейми поднял голову на гостью.

«О, Господи, а это что ещё за... бесноватый ёжик?» — опешил он.

— Добрый день, — поздоровался седовласый, а за ним наперебой и все остальные.

Девушка подошла к лысому, и тот подвинулся, не сказав ни слова и не выказав ни малейшего недовольства.

«Эта неменяемая ежиха его жена? — подумал Фрейзер. — Что-то больно молода».

Кстати, вошла она не одна. За ней семенил невысокий бородатый мужчина в рясе священника. Пока девушка усаживалась в голове стола, он быстренько приземлился с краю другого, едва войдя в залу, и, не дожидаясь, пока подадут посуду, тут же потянулся, взял с подноса кусок мяса и начал есть на весу.

Поскольку лысый отодвинулся в сторону седовласого, то представительница прекрасного пола уселась между ним и Джейми. Заняв место на лавке, она повернула голову в сторону пленника, а тот посмотрел на неё в ответ.

«Ну и пугало, — расширились глаза Джейми. — Господь Всемогуший, если такая приснится. Бр-р-р».

Что и говорить, столь близкий ракурс сыграл не на пользу девушке. Теперь, кроме

обожжённой кожи, парень различил угри на носу, ещё не засохшие сопли над верхней губой, а также привычную уже грязь на щеке, возле небольшой родинки. А потом он перевёл взгляд на её руки, сложенные на столе, и чуть не потерял аппетит на всю будущую неделю. Грязные, все в каких-то трещинах, с обломанными, неравной длинны чёрными ногтями, в заусеницах, царапинах и прыщах. Парень мельком взглянул на свои ладони.

«М-да, скорей бы домой», — вспомнил он салонный маникюр Клариссы — его подруги и открытой лесбиянки по совместительству. Он любил с ней пить. Она не кокетничала, не заигрывала даже уже с порядочными процентами промилле в крови, и в компаниях вырубалась предпоследняя, когда вертикально голову держал только он один. Именно её маникюр парень и запомнил, у остальных не успевал — слишком уж быстро девушки исчезали из его жизни.

Та самая женщина, которая принесла ему что-то гороховое, поставила перед «ежихой» посудину и кружку.

И началось.

Её чавканье, хлюпанье носом и чуть ли не рычание, когда она начала разделявать мясо, заставили Джейми в третий раз забыть о еде. Она ела как мужик. Но не как, допустим, мистер Фрейзер-старший, а как нормальный мужик восемнадцатого века — руками, локтями и ноздрями. В один прекрасный момент гостя задрала юбку до колена и вытащила оттуда скин ду. Она отрезала мясо от кости и, не обтерев нож и даже не облизав его, спрятала опять под юбкой.

«Господь Всемогуший! — вопило нутро парня. — Это что ещё за... троглодит?» — Тут он начал явно поторапливаться с едой, потому как, не ровен час, эта недодевушка — перемужик съест всё в своей тарелке и на подносе, а потом спокойно может подвинуть к себе и его блюдо тоже.

Но он не угадал. Произошло кое-что другое.

Всё это время «прекрасная незнакомка» то и дело поглядывала на него, неохотно отрываясь от своей порции, и ничего удивительного в этом Джейми не находил. Поскольку такую как она вряд ли могла заинтересовать его смазливая мордашка — если только на предмет того, чтобы съесть и его тоже — то наверняка она просто изучает незнакомца.

Так вот в какой-то момент девица передвинула свою посудину через стол, поднялась и, обойдя его, встала за спинами у сидевших напротив Джейми мужиков. Те расселись в стороны, подвинувшись точно так же, как и лысый, не проронив ни слова возмущения, и девица уселась, оказавшись почти напротив парня.

И начался Ад.

Она уставилась на него, как индеец племени Тьыт* на часы с кукушкой. Почти не моргая. Не пропустила ни единого движения, смело, не стесняясь, заглядывала в рот, да и вообще глаз с него не сводила.

У Фрейзера мороз прошёл по спине, но этот «троглодит» смотрел на него именно как обитатель восемнадцатого века на человека двадцать первого века.

Вероятно, увидев, всё, что хотело, пугало поставило локти на стол и, ткнув в парня пальцем, повернул голову к седовласому.

— Кто он? — спросило оно на гэльском, но Джейми это понял.

— Сасенах, — ответил джентльмен.

— Хочу, — опять ткнуло пугало пальцем в незнакомца, и добавило ещё несколько слов на гэльском.

Господин не ответил, а только опустил голову к тарелке.

Даже пред виселицей, даже с петлёй на шее парень не хотел домой с такой силой, как сейчас.

«О-о-о, нет! Только не это! Не надо! Она же меня зарежет и съест, не прожарив хорошенько! — полетели у него искры из глаз, а от мысли, что она может иметь на него какие-то притязания как на мужчину, он зажмурился. — Господи, помоги! Меня же хотели отдать какому-то капитану Рэндоллу! Уж лучше ему, да кому угодно, только не этому пятикантропу!»

Когда несколько человек встали из-за стола и, не поблагодарив, куда-то ушли, к Фрейзеру сзади подошёл мужчина, дёрнул за локоть и кивнул головой на выход.

Парень посмотрел в последний раз на пугало. Оно ответило ему тем же выражением лица, с которым появилось в этой комнате, съело всё своё мясо и «отравило» Джейми всю трапезу.

— Спасибо, — вылезая из-за лавки, поблагодарил он. — Всё было очень вкусно. — И улыбнулся.

Вообще-то Джейми привык, что его улыбка доделывала всё, с чем не смогли справиться мозги и врождённое природное обаяние. Не ошибся и на этот раз. Все замерли с кружками и косточками в руках. На так называемом лице пугала мелькнула какая-то одна эмоция, но оказалась столь мимолётной, что парень её не распознал. Не успел.

С тем и покинул залу. Его отвели сначала в уборную, а потом опять в комнату с камином.

После такого обеда он наконец-то впервые довольно неплохо заснул, и ему почти ничего не снилось. Даже пугало, хоть он и боялся поначалу закрывать глаза, полный впечатлений по макушку.

Разбудил его лязг ключа в двери. Она уже привычно распахнулась, и вошёл опять какой-то незнакомый мужик.

«Однако, много у них здесь незанятого мужского населения. Все безработные, что ли. Только и дела им, что гостей из будущего конвоировать».

Повели Джейми снова в библиотеку. Теперь седовласый сидел за столом, напротив него расположился лысый. Между ними стояла шахматная доска с разнобоем начатой партии.

— Проходи, — пригласил его лысый.

Парень сделал несколько шагов вперёд. Тут он рассмотрел, что фигурки на доске заменены деревянными брусочками больше походившими на домино, на которых резьбой по дереву вырезали изображение короля, королевы и иже с ними. Так же, отсутствовали цифры и буквы по бокам поля.

«Не понятно», — успел удивиться Джейми, однако разговор уже начался.

— Так вот, — продолжил лысый. Он вполне нормально говорил на английском, только медленно. — Мы хотим обменять тебя у капитана Рэндолла на одного члена нашего клана и послали гонца в форт Уильям. Если капитан согласится, ты едешь к нему. Если нет, то тебя хочет в работники наша племянница — леди Лаллиброх фон Туарах, поэтому отправишься работать к ней в имение. Это не очень далеко отсюда. Что умеешь делать?

У Джейми глаза расширились от ужаса. Но тут он вспомнил, что представился сыном бродячих музыкантов.

— Петь умею. Танцевать.

— И всё? — заговорил вдруг седовласый. — Бродячие музыканты всё уметь. Ты тоже

должен.

Джейми лихорадочно соображал: что ему выгодней — напроситься к капитану Рэндоллу или к пугалу. Что-то подсказывало, что у капитана будет лучше.

«Мне нужно поговорить с феей! Срочно! Почему она меня не предупредила?!»

— Я ленивый, — улыбнулся парень и в следующее мгновение чуть не оглох от дружного хохота джентльменов.

Лысый встал и подошёл к нему.

— Лалли таких и любит. — Хлопнул он парня по плечу так, что тот чуть согнулся в коленках. — Она любит таких пороть. Говорит: рисует на их спинах хлыстом замечательные узоры. А когда шрамы заживают, любит свою работу. — Успокоительно похлопал он Джейми по плечу и отошёл. — А рука у неё знаешь какая? — мужчина сжал свою ладонь в кулак, который своими размерами мог посрамить баскетбольный мяч. — Она рубит палашом не хуже мужика. И попадает гусю в глаз со ста футов. Так что, ты будешь в надёжных руках, парень.

«Господи, где там моя фея Мерседес Синдрилонская? Кажется, мне действительно пора домой!»

Глава 3 В круге втором

Глава 3.

В круге втором.

Где-то во дворе громко лаяла собака. Откуда-то издалека доносилось ржание лошадей. Совсем близко, наверное, прямо у стены замка, ругалась женщина и плакал ребёнок. Солнце, столь редкое и ценное для Шотландии любого века и тысячелетия, ненадолго выглянуло из-за туч, чуть позолотило картинку второй половины дня и тут же сползло за горизонт светить где-нибудь в другом месте.

Джейми сидел на матраце в своей комнате, ждал фею, и чтобы как-то скоротать время, думал.

Он всё не мог понять: как ему удалось провалиться из сундука в подвал, не оставив после себя дыры? Спросить об этом седовласого он, ясное дело, побоялся.

«Если бы там что-то осталось, из меня бы уже всю душу вытрясли допросами. Да мне и самому интересно, куда бы она вела, эта дыра? — почесал свою рыжую макушку парень. — Что там у них сейчас над погребом?»

И как, спрашивается, фея собирается ему помочь вернуться обратно? Лезть на этот потолок в погребе? Ну, хорошо. Допустим. Сейчас, чтобы попасть домой, он готов забраться по отвесной стене замка на крышу, но что-то подсказывало, что никакой дыры в погребе нет, и фея, скорее всего, придумала что-то другое.

«А вдруг мама с отцом начнут меня искать и тоже провалятся сюда? — от этой мысли замутило в желудке. — Нет уж. Лучше я к ним. Только побыстрее бы».

— О чём задумался? — услышал он знакомый тоненький голосок и вздрогнул.

Джейми подскочил с места быстрее, чем мог сам от себя ожидать.

— Фея! — радостно кинулся он к своей покровительнице. Парень подошёл к камину, на краю каменной облицовки которого сидела Вжикки.

— Привет. Как ты после сегодняшнего? — закинула она ногу на ногу. В руках у неё была какая-то крохотная книжечка.

— Когда мы пойдём в подвал, и я смогу попасть домой?

Фея вздохнула, резко опустив свои узенькие плечики, и поднялась.

— Значит, плохо. — Она медленно прошла по кромке камня до края, там развернулась и сложила тоненькие ручки на груди, прижав книгу к себе. На волшебнице красовалась какая-то странная коротенькая шубка, сделанная будто из новогоднего дождика, золотистые волосы распущены, красивые крылышки чуть подрагивали. А вообще личиком она напоминала Джейми красавицу Анджелину Джоли. — Ничего, привыкнешь, — вскинула подбородок Вжикки.

— Э-э-эй, ты чего! — дёрнулся парень. — Как это привыкну! Ты же обещала!

— А я и не отказываюсь. Ты обязательно попадёшь домой, если будет желание.

— У меня его столько, что хватит пару раз на брюхе проползти вокруг земного шара. Только скажи, что надо делать.

— Вот примерно это и надо, — ткнула пальчиком в пол фея, — ползти на животе, а не бросаться словами, как привыкли вы, мужчины. Что тебе сказали братья МакКензи?

Джейми моргнул.

— Это те шахматисты, что ли? — кивнул он головой куда-то на дверь.

Фея опять вздохнула и закатила глаза.

— Да. Ты живёшь в замке братьев МакКензи, — начала объяснять она, будто уже в сотый раз. — Один из них Колам, это такой м-м-м, — покрутила пальчиком в воздухе, — такой седой с хвостиком, — показала Вжикки себе за шею. — А второй из них Дугал, лысый.

Парень оттолкнулся руками от камина и отошёл к стене.

— Они послали гонца к капитану Рэндоллу с предложением обменять меня на какого-то пленника из их клана. Если тот не согласится, отправят работать к этому пугалу... этой, — почесал он висок, — как её... Ласси Мрок фон... Бах.

— Лаллиброх фон Туарах?

— Да. Вжикки, я не хочу к этому пугалу. Я домой хочу, — сделал брови домиком Джейми.

— Тебе стоит уехать отсюда.

— Почему? А как же сундук, вернее, дыра, через которую я провалился?

— Никакой дыры там нет. Тебе нужен такой же сундук, но уже в этом времени. Ты в него залазишь и проваливаешься домой.

— Но, — заморгал парень, — так и зачем мне куда-то ехать? Скажи, где этот сундук, да и дело с концом.

— Да? Ты так уверен? — сделал руки в боки Мерседес. — Ишь какой шустрый. Здесь живёт лэрд клана, между прочим, его охраняют как ларец с волшебной палочкой, с тебя глаз не сведут и ни к одному сундуку близко не подпустят.

— И что же делать? Может, тогда к капитану Рэндоллу?

— Оу, к капитану тебе интересно было бы попасть, — улыбнулась фея. — Это любопытно.

— Почему?

— Он гомосексуалист. Через четыре года его повесят за мужеложство.

— Чёрт! — ударил Джейми кулаком в ладонь.

— А что. Он мог бы на тебя запасть. Ты симпатичный.

— Но-но-но! — заслонился он локтём. — Не усугубляй.

— К тому же, капитан Рэндолл сидит в форте Уильям, и его охраняют уже англичане с мушкетами и пушками, а не эти бедолаги шотландцы с вилами. Поэтому, вероятнее всего, тебе прямая дорога к леди Лаллиброх.

От перспективы Джейми покрылся холодным липким потом в момент. Как по взмаху волшебной палочки.

— Ты ту леди вообще видела? — еле выдавил он из себя и сглотнул.

— Ну, знаешь ли. На тебя не угодишь. Уж какая есть. — Встала, отставила ножку в сторону фея и, сложив руки с книжечкой на груди, отвернулась к двери.

— Она, говорят, мужиков порет.

— Да тебя не мешало бы... разок, — смерила она своего подопечного скептическим взглядом с ног до головы.

— Да она же убьёт меня! — ударил себя кулаками в грудь Джейми. — Съест!

— Ну-ну, больше оптимизма, мистер Фрейзер! Выше голову! Женщина, между прочим, управляет поместьем! — вскинула пальчик вверх в назидательном жесте Вжикки. — И такого здорового работника не станет в гроб укладывать. Она тебя беречь будет. А если хорошо поработаешь, то ещё и наградит.

— Это чем же, интересно? Красивыми шрамами на спине?

— Килтом новым, например, — в раздумье ответила фея. Потом подумала и добавила: — Мешком морковки, — и прыснула со смеху себе в кулачок.

— Ага, оч-ч-чень смешно. Прямо обхохочешься. Я домой хочу, — с обидой отвернулся красавец к окну.

— Терпение, мой нетерпеливый друг. Значит так, — сделалась Вжикки уже совсем серьёзной, — завтра же тебя распределят в Лаллиброх. Это её имение. Ты на всё соглашайся. Говори, что рад и горд такой чести, понял? А потом жди меня в своей комнате.

— Понял. — Джейми смирился со своей участью и коль уж быстро домой попасть не получается, подумал о другом. — А ты это... я тут это...

— Что.

Парень замялся.

— А ты не можешь моим родителям дать понять, что я жив?

— Нет. Извини, не могу.

— Жаль. Мама там наверняка с ума сходит.

— Надо было об этом думать, когда пьяным в сундук прятался.

— Да знаю я! Знаю, — махнул он рукой.

— Тогда до встречи в Лаллиброх? — Мерседес сделал руки по швам, придерживая книжечку, и её прозрачные крылышки заходили туда-сюда, как бы разминаясь.

— А это далеко отсюда?

— Нет. Не очень. Миль двадцать, не больше.

— До встречи, — поникшим голосом попрощался подопечный. Уж очень не хотелось расставаться с Вжикки. Только она единственная одновременно и подтверждала, что он не сумасшедший, и подвергала сомнению здравие его ума.

«К тому же, она знает моих родителей», — сжалось сердце парня.

Следующий день Фрейзеру, как настоящему арестанту, разрешили погулять на крыше башни. С такой высоты он даже увидел какие-то окрестности и разглядел тот самый посёлок, где покупал виски в свой последний день двадцать первого века.

А на обед шёл теперь уже не только с аппетитом, но и опаской. Раз уж его отправят к этому пугалу, то наверняка оно ещё здесь. Не уедет же оно без него.

На этот раз, только лишь зайдя в зал, он первым делом высмотрел чудище в ряду сидящих за одним столом, и тут же ринулся к другому. Однако, ничуть не смущаясь, пугало взяло свои харчи в руки и опять уселось напротив.

И Ад возобновился. В круге втором.

От безысходности Джейми начали посещать совершенно безумные мысли.

«Может, она возьмёт меня смотреть, как я ем? А что, это я могу».

Но тут его отвлекло что-то в ногах. Он даже не сразу вспомнил ощущения, как уже заглянул вниз, под стол, и увидел пушистую серую кошку, отирающуюся туда-сюда о его кроссовки «Puma».

Джейми любил животных и, надо признать, пользовался у них полной взаимностью. Дети и собаки его вообще очень любили. Причём, с первого взгляда. Ну, и ещё женщины, конечно, куда уж без них. Дома у мамы правили балом два кота: Гамлет и Поршень, один наглее другого. Поэтому отцовский охотничий кунхаунд Ларс уже, наверное, с лёгкостью мог бы защитить докторскую по философии, живя под одной крышей с такими усатыми провокаторами и заводилами. Но он любил охоту. Он, его хозяин мистер Брайан Фрейзер и сын хозяина Джеймс Фрейзер. Уж что-что, а охотиться Джейми обожал. Не пропускал с

отцом ни единого собрания в клубе, ни единого сезона в Дэрбишире или Лоулэндсе.

Парень похлопал ладонью по лавке рядом с собой, и кошка тут же запрыгнула и уселась, обмотавшись вокруг лапок своим роскошным дымчатым хвостом под названием: «Павлины, удавитесь от зависти».

И тут пугало повело себя немного странно. Вместо того, чтобы удивиться или возмутиться, или ещё что-нибудь в этом роде, что принято в их мире пугало, оно с испугом уставилось на Колама, всё так же восседавшего во главе стола. Тот почувствовал взгляд, понял, что что-то не так, увидел кошку, и его кулак со страшным гулким стуком опустился на столешницу. Подносы с тарелками подпрыгнули с грохотом, а животное исчезло молниеносно, почти со скоростью феи Вжик. Джейми посмотрел по лицам своих сотрапезников. Мало кто из них поднял головы, за исключением разве что рыжеволосого, очень конопатого юноши, которого ещё вчера здесь не было, а сегодня он сидел рядом с Дугалом, на которого, кстати, очень походил внешне.

Но всё это померкло на фоне того сокрушительного факта, что пугало наконец-то опустило голову в тарелку и до конца обеда больше не взглянуло на своего потенциального работника ни разу.

«Чудны дела твои, Господи, — принялся Джейми соединять кусочки картинки воедино, но у него ничего не получилось. — Что-то тут не так», — сделал он гениальный вывод.

После обеда парень с нетерпением ждал вестей от братьев МакКензи, и действительно как смерклось, его повели опять в библиотеку.

На этот раз седовласый Колам сидел один в кресле возле стеллажей с книгами.

— Итак, вот что мы знаем, — положил он ладонь на страницу какого-то старинного издания, лежавшего у него на коленях. — Наш человек бежал от капитан Рэндолл.

«Ай да фея», — успел порадоваться пленник.

— Поэтому ты едешь к нашей племянниц Лалли, но мужем.

Джейми замер.

— Ч-ч-что? — он буквально задохнулся, будто его бросили в ледяную прорубь. — К-к-кем?

— Мужем.

Теперь у парня уже и кровь остановилась в жилах, словно тоже захотела прислушаться: уж не послышалось ли ей часом.

«Да в конце-то концов, какого чёрта!»

— Жениться на этом чучеле? — показал он пальцем на дверь. — Вы хотите, чтобы я сам повесился? Своими руками? — резко развернулся Джейми к Коламу всем корпусом, слегка навис над ним и потряс раскрытыми ладонями.

Мужчина не отреагировал на слово «чучело», что показало его полное согласие с эпитетом.

— Будешь, — спокойно кивнул он. — И не благодари. Для ребёнка бродячих певцов сделаться господин — удача очень. Это редко. Ты будешь держать Лаллиброх, а Лалли — дом. Ты её понравился. Такого ещё не было.

— Да уж, конечно! — воздел руки к небу парень. — Я впервые понравился женщине. Вернее, пугалу. — Уронил он их.

— Эта пугало говорит на четыре языка, — показал Колам почему-то три пальца руки. — А ты не знаешь родного.

У Джейми округлились глаза.

— На четырёх языках?

Колам кивнул опять.

— Она училась Франция четыре года, — показал он теперь уже четыре пальца. — И вернулась.

— Франция? — парень и верил и не верил, вспоминая Париж, в который ездил с мамой совсем недавно в гости к Бошанам. А потом перед его глазами появилось изуродованное лицо пугала. — Не может быть.

— Завтра венчаются. Вас обвиняет преподобный Мурта. Пока не будешь её муж, не выйдешь из комнаты. — Колам встал и позвонил в колокольчик. Тут же дверь открылась, и вошли два мужика.

«Оу, уже двое! Мальчишник?! — первым делом подумал Джейми, но одёрнул себя. — В сущности, какая мне разница? Всё равно меня здесь скоро не будет».

По лестнице они втроём попали на первый этаж и через двор проследовали к коридору, который вёл к погребу с виски. Проходя мимо заветной двери, парень чуть не пустил скупую слезу, но они быстро минули это место и остановились перед ступеньками с дверью в самом торце. Один из мужчин постучал, дверь открылась, на пороге стояла та самая симпатичная блондинка, которую Джейми видел у стен замка.

«Точно, мальчишник, — ухмыльнулся он про себя и заглянул в комнату. Там стояли стеллажи, заваленные тканями в клетку, а возле них женщина, обвешанная подушечками с иголками, что-то разрезала ножницами. — Швейная мастерская, — скривился Джейми. — Жениха ваять будут».

В принципе, килт он носил — и в школе, и в Университете, и на свадьбе двоюродного брата Мэла — и находил это интересным и приятным. Нравилось ему. Прикольно, когда снизу поддувает.

Симпатичная девушка отошла с дороги, и его ввели внутрь. Как оказалось, ему нужно примерить несколько пиджаков, чтобы их смогли подогнать по фигуре. Джейми уже слышал об акселерации и о том, что человечество в своей общей массе с веками становится всё выше и крупнее, поэтому не удивился, что ему подошёл только один, как и ожидалось, самый большой и длинный пиджак, зато его даже не пришлось подгонять — сидел как влитой. Затем ему выдали коричнево-зелёный килт клана МакКензи, поскольку цветов Фрейзера у них, разумеется, не нашлось, и отвели в спальню на третьем этаже с кроватью и растопленным камином.

На полу лежал ковёр, перед нормальным, «человеческим» окном стояло кресло. А вообще, Джейми казалось интересным видеть всю эту старинную мебель, вещи старинной работы ещё в хорошем состоянии. Непривычно как-то, особенно памятуя дядюшкин «хламятник».

Мальчишник восемнадцатого века сократили до одного кувшина с вином, которое Фрейзер, к слову, не очень любил — то ли дело виски! — но всё равно подтащил кресло к камину, плюхнулся в него и постепенно выпил всё до капли. Он опять вспоминал дом, маму, отца, парней: Дона, Гросса, Леона, Клариссу. Ему всё время хотелось найти пугало и спросить: есть ли в её этом Лаллимрохе или Лаллидрокке сундуки. Когда кувшин опустел, Джейми поднялся с кресла и подошёл к двери. Нажав на ручку, повернул её и потянул аккуратно сначала на себя, потом от себя, но дверь не поддавалась.

«Понятно. Как ещё можно удержать мужа этому чудищу. — Он опять вспомнил про Францию. — Скажите пожалуйста, — впечатлительно скривил губы жених. — Кто бы мог

подумать: четыре языка. Гусю в глаз со ста футов. Интересно, из чего она стреляет?»

Впервые в восемнадцатом веке он разделся и улёгся в кровать, и даже неплохо выспался, хоть и пришлось ночью перелечь на ковёр из-за клопов в матрасе.

Джейми очень не любил вставать по утрам. Очень. Особенно он не любил вставать по утрам, когда ему в этот день предстояло жениться. Пусть даже для него всё это было чем-то вроде шутки, спектакля, тем более что и в Бога-то он не верил. Так, сопровождал по воскресеньям маму пару раз за год в церковь для её же успокоения, да и всё.

Какие-то женщина с мужчиной принесли умыться и оставили на углу кровати рубашку, ремень, шейный платок, пиджак с беретом и сапоги с хосами*. Вообще-то, когда он надевал килт на праздники в школе и Университете, мама предварительно намётывала плед по клеточкам и заглаживала. Сейчас же предстояло самому сложить его как положено и подпоясаться ремнём. В общем-то, система была не самая хитрая, поэтому Джейми справился. И даже остался собой доволен — то, что не смог сделать он, доделали генетическая память, природная красота и статья.

Готовясь к встрече со своей невестой в церкви и дабы не тронуться умом от происходящего, Фрейзер повторял себе, что всё это временно, это не серьёзно, он сбежит отсюда как только сможет, поскольку они с парнями давно решили, что до алтаря их доведёт только что-нибудь очень уж страшное и из ряда вон выходящее. Какой-нибудь форс-мажор или полная безнадёга.

«По сути, так оно и вышло», — невесело усмехнулся Джейми, выходя из замка на задний двор в сопровождении конвоира. В это время лысый Дугал уже подходил к порогу с двумя лошадьми под уздцы.

— Твоя, — чуть подтолкнул он к парню гнедую кобылу.

Джейми не очень хорошо ездил в седле. Во всяком случае, гораздо хуже отца. Для охоты на лошадях он взял несколько уроков верховой езды, но практики всё равно не хватило. Однако с тем чтобы залезть, удержаться и слезть обратно, справлялся без труда. К тому же, на этот раз ехать предстояло не очень далеко, а именно в тот самый посёлок Alltbeirhe за будущей железной дорогой, куда он недавно дошёл пешком и купил последнюю свою бутылку виски двадцать первого века.

Естественно, населённый пункт предстал перед ним в несколько ином виде — разъезженные дороги и улицы, длинные избы из почерневшего дерева, крытые дёрном. Каменной оказалась только церковь да какой-то одинокий дом рядом.

«Интересно, она ещё была там, когда я покупал виски?» — подумал Джейми про церковь.

По дороге он пару раз оглядывался назад и видел, что за ними уже движется карета с его будущей женой.

Когда-то давно, после очередного прокола с «тёлочками», отец заговорил с ним о семье и посоветовал подумать над этим. В каком виде его сын подойдёт к тридцати. Джейми тогда, как и положено, отмахнулся, а наедине с собой задумался. Какой должна быть его будущая жена? Вернее, какой бы он хотел, чтобы она была? И понял, что взял бы в жены девушку, похожую на его маму. Такую же... настоящую. Умную, грамотную леди. Перед глазами встала одноклассница Шинейд МакАлистер. Проступало в этой девушке что-то такое, что заставляло остановиться и зависнуть. Мальчишка украдкой наблюдал за ней, как она читает книжку, пишет в тетради, отвечает у доски. Эта девочка была какая-то странная, другая и манящая. Но в пабе рядом с собой красавчик её не представлял, и это быстро

освобождало от наваждения. Он доподлинно знал, что очень нравится ей, и уже на первом курсе порывался пару раз позвонить, но быстро сбрасывал звонок.

«Нет. Ещё рано. Чуть позже», — решил тогда Фрейзер-младший.

А сейчас они подъехали к церкви, спешили и вошли. Сбоку средокрестия стояли две девушки. Певчие. А у алтаря Джейми с удивлением увидел того самого священника, с которым пугало пришло обедать в первый раз.

«Преподобный Мурта», — быстро вспомнил он имя. На скамейках сидело человек десять мужчин и женщин в очень бедных, но опрятных одеждах.

Они с лысым Дугалом встали по обе стороны от священника и приготовились ждать.

Никакого органа, разумеется, не было. Только лишь в дверях показался Колам под руку с племянницей, как девушки запели, а немногочисленные прихожане встали возле своих лавок.

Невеста шла в платье цвета хаки с вышивкой, в корсете, обозначившем довольно тонкую талию, поверх головы накинута какая-то тюль с неплохой вышивкой по краю.

Её ладонь почувствовалась в его руке как грубая, сильная, но всё равно маленькая и женская.

Преподобный Мурта открыл свою книжечку и приступил к церемонии. Джейми не слушал из совершенно принципиальных соображений, уставившись в одну точку невидящими глазами. Он очень старался оглупеть до крайности. То представлял, что он бабочка, у которой вообще нет мозга, то инфузория туфелька, и ему не нужно думать. Именно в такой стадии отупения жених повторил слова клятвы и ничуть не поумнел, когда откуда-то на подносе появились серебряные кольца, которые оказались большеваты и ему, и невесте.

В один из моментов, после каких-то слов священника, Дугал, выхватил из-за пояса кинжал, подошёл к молодожёнам, взял руку Джейми и полосонул по внутренней стороне запястья. Было слегка больно, но вполне терпимо, поэтому парень лишь чуть поморщился. Когда мистер МакКензи проделал то же самое с запястьем невесты, она даже не дёрнулась. Их кровоточащие раны приложили одна к другой и связали вместе. В этот, поистине прекрасный, трогательный момент священник, обойдя вокруг брачующихся и, дав поцеловать крест, что-то проговорил, потом убрал книжечку и с ожиданием замолчал.

— Что? — словно очнулся Джейми. — Что надо делать?

— Объявляю вас мужем и женой. Жених, можете поцеловать невесту, — повторил для непонятливых преподобный Мурта на английском.

И тут Джейми не справился с эмоциями. Он совсем забыл! Он абсолютно забыл, что нужно ещё и целовать! Каким бы ты ни был в данный момент тупым, но целовать — это не бином Ньютона, и даже не велосипед изобретать, ума много не надо. Парень засуетился, задёргался на месте, как вошь на гребешке. Казалось, ещё чуть-чуть и сиганёт в окно. Но рядом стоял Дугал со своим кинжалом, поэтому муж всё-таки повернулся к своей «временной» жене и упёрся взглядом в накидку. Это было то, что надо. Тюль хоть немного скрывала «прекрасное» лицо любимой и на все времена единственной. Только он обрадовано потянулся к её губам, как преподобный остановил его рукой и поднял занавесь.

«Вот и целовал бы её сам, раз такой умный», — заворчал про себя Джейми.

Ни статус жены, ни более-менее нарядное платье, ни накидка, ни расчёсанные волосы не прибавили красоты и очарования его теперь уже жене, ни грамма. Всё то же оловянное выражение глаз, «недалёкая» мимика, и даже покраснение вроде бы ещё усилилось. Вернее, оно будто стало темнее, с коричневым оттенком. Брови и не думали появляться, ресницы —

тем более.

Он зажмурился и почти на ощупь прикоснулся своими губами к губам девушки. Как это ни странно, но гром не грянул, молнии не сверкнули, крыша не обрушилась и даже стёкла из окон не повывлетали. Парень отстранился и только тогда открыл глаза.

— Не смотри на меня, — вдруг зашептала на чистом английском женушка своим фирменным басом. — Это я пьяная возле камина уснула, а дрова выпали, и мне обожгло, — объясняла она практически без акцента и усилий. И так же легко и непринуждённо тут же обратилась к преподобному на гэльском.

«Мама! Мамочка, забери меня отсюда! Пожалуйста! Мне страшно! Иисус, твоё Черчилль, Христос, что со мной будет! Я погибну! Я уже погиб!» — вопило у новоиспечённого мужа внутри в этот момент. Только тут он начал подозревать, что вернуться домой будет очень и очень нелегко, и его приключения только начались.

Вообще-то Джейми надеялся, что их сразу же, как молодожёнов, отправят в имение пугала, в этот Лаллидорф или Лалликрох, но ошибался.

Выведя из церкви, новобрачных усадили в карету, и когда за окошком показались знакомые башни Леоха, парень засуетился.

«При чём здесь Леох? Её имение в двадцати милях отсюда». — Он хотел было спросить это у своей жены, но побоялся. От одного её баса у него слабли коленки, и мутило под ложечкой. Поэтому, как только мимо кареты проскакал лысый Дугал, Джейми тут же его окликнул и спросил: почему они направляются назад в Леох.

— Сейчас будем пить и брак консумировать, — обронил как и в чём не бывало мистер МакКензи и поскакал себе дальше.

У парня по спине прошёл озноб, на лбу выступила холодная испарина, а во рту сделалось как-то липко и противно.

— Кон... — промямлил он, — кон... гхм... суммировать... ага, — Джейми украдкой скосил глаза на супружницу, но та сидела со своей фирменной миной, с которой впервые появилась на обеде.

«Господи, помоги мне. — Паника взяла за горло и слегка сдавила. — Нет-нет, должен же быть какой-то выход. Он должен быть. — Джейми смотрел на жену и понимал, что говорить ей о том, кто он и откуда, чтобы она его не трогала и разрешила ему не вступать с ней в половое сношение, бесполезно. — Ещё прикончит со злости раньше времени. Что же делать? Что же делать? В конце концов, у меня на неё просто не встанет. Я не смогу. — Парень лихорадочно перебирал пальцами. — Господи, а вдруг это пугало ещё и девственница? — У него имелась пара опытов такого рода и оба в крайней степени отрицательные. Всю нелепость происходящего в обоих случаях скрашивал только алкоголь. — Может, напиться?» — В общем и целом, это была неплохая идея, хоть после своей последней индивидуальной попойки в одну персону и всего того, что ему приходится после неё расхлёбывать, он поклялся, что больше никогда, и ни за что, и ни в какую, и ни-ни.

Тем временем они вернулись в замок, где, как оказалось, уже накрыли столы. На этот раз их вдвоём с пугалом посадили рядом с Коламом во главе стола. Гости, с плохо скрываемым любопытством, уставились на мезальянс красавца с чудовищем. Джейми пробовал было возмутиться, что во взглядах что-то не просматривается сочувствия, на которое он так рассчитывал, справедливо полагая, что мужчины должны из солидарности и поддержки нервно теревить свои береты в руках, а женщины разрыдаться в голос над его загубленной молодостью и так бездарно, практически впустую профуканной красотой. Но

народу оказалось совсем не до сострадания. Да и какой там, если виски течёт рекой. У парня сердце кровью обливалось при виде того, как эти чёрствые, бездушные люди то и дело метали в себя стаканы с волшебным напитком. А вот им с новобрачной налили ничуть не больше, чем на похоронах дядюшки.

«Я вообще не понял: чья это свадьба, их или моя?!» — Начал входить в роль молодожён, и чтобы как-то пережить это безобразие, склонился к своей тарелке и начал есть. Он ел как последний раз в жизни — много, жадно, старательно, тщательно и на совесть пережёвывая.

Но и тут его ждало очередное разочарование — заметно опустошить подносы с яствами ему не дали, поскольку тосты в честь молодожёнов у гостей внезапно закончились, и виновников с их торжества выдворили. Какая-то женщина и двое мужчин довели их до очередной двери на третьем этаже и, внеся свечи и графин с виски, оставили вдвоём.

Джейми не успел опомниться, как жена первым делом мышкой юркнула в дальний угол и спряталась там за стойкой полога кровати.

«Не понял», — удивился он, расстёгивая заколку на килте. Но, в принципе, его это устраивало полностью и целиком, поэтому, только лишь расслабив ремень, он плюхнулся в кресло и налил себе полный стакан виски. Тут же на кровати лежали его джинсы с бомбером и кроссовками, но и без них Джейми одолевали мысли о Лаллиброх и возвращении домой. Кстати, теперь об этом можно расспросить и пугало.

Краем глаза он взглянул, как оно там замерло за стойкой.

«Оно там в засаде что ли? Сейчас как выпрыгнет, как накинется. Изнасилует ещё».

— Виски будешь? — спросил он и опрокинул в себя вожделенный стакан.

Пугало чуть выглянуло из-за занавеси.

— Я не знаю. — Прозвучало с его стороны, и Джейми громко и бурно поперхнулся алкоголем. Голосок был тоненький, а интонации жалостливые.

— Твою... мать... — постучал он себе по груди и отставил стакан. Отряхивая капли с пиджака и килта, всем корпусом развернулся в сторону голоса. Ждал, что оно скажет ещё что-нибудь, но не дождался.

— А ну, скажи... кх... ещё что-нибудь... кх, — попросил он заинтересованным голосом.

— Не скажу, — раздалось опять из-за стойки всё тем же тоненьким голоском.

— Почему?

Небольшая пауза и пугало полностью вышло из своего укрытия.

— Я боюсь, — шмыгнуло оно носом и почесало за ухом. Девушка осталась стоять, ломая пальцы и низко опустив голову. Голос, к слову, так и остался тонкий, женский или даже скорее детский какой-то.

— Я тоже, — признался Джейми помимо воли. Что-то зазвучало в её интонациях такое, что давило на него и заставляло говорить и делать именно то, что он говорил и делал.

— Правда? Это хорошо! — тут же уже веселее подскочило к нему пугало. — То есть, я хотела сказать, а ты чего боишься?

Джейми задумался над ответом.

— Тебя, — в полном шоке сам от себя объявил он.

— А я — тебя, — слегка подпрыгнула на месте девушка и пару раз хлопнула от радости кончиками пальцев как в ладоши. Она улыбнулась, и Джейми завис. Странно и непонятно было видеть такую милую, женственную улыбку на всё том же обезображенном лице.

«Нос от соплей отмыли», — отметил он машинально, потому как всё остальное сбивало с толку и заставляло начать думать с самого начала, а это уже ни к чему. Он жаждал конца!

— На. Выпей, — подвинул он ей стакан и плеснул в него виски.

Девушка схватила и опрокинула в себя махом.

— Это у тебя от страха голос изменился?

— Ага, — кивнула она.

— Да ты не бойся. Если ты не захочешь, то вообще ничего не будет.

— Да я бы с удовольствием, а как же дядя?

— А они-то тут при чём? — округлил он на неё глаза.

— Ну, как там... — сделала она витиеватый жест рукой, — на свадьбах потом простынь вывешивают.

— Погоди-погоди, так ты всё-таки девственница?

— Конечно! — жена чуть обиженно потупилась, но всё равно покраснела ещё больше, если такое вообще возможно. — Я же первый раз замуж вышла!

Тут Джейми вспомнил: когда и с кем он тоже «первый раз замуж вышел». Эх, давно это было. В пятнадцать.

— Тогда... — парень посмотрел по комнате, — давай... А давай просто кровью простынь измажем и всё.

— Давай. А где мы её возьмём?

— У меня есть килтпин**, наколем себе пальцы. Только утром. Сейчас не мешало бы поспать.

— Я не могу спать в Леохе. — Оглядела она спальню оценивающим, немного брезгливым взглядом. — Здесь у них постели не просушивают и поэтому клопы. А я в Париже от клопов отвыкла. У меня в Лаллиброх их нет.

— А сундуки у тебя в Лаллиброх есть?

— Полно. А зачем тебе?

— Да так просто. Люблю спать в сундуках.

Пугало задумалось.

— Станный ты какой-то, — окинуло оно мужа взглядом с ног до головы. — И английский у тебя тоже странный.

— А это правда, что ты разговариваешь на четырёх языках?

— Ага, — кивнуло головой. — Я знаю гэльский, французский, английский и испанский. — Стало загибать пальцы.

«Что-то у них тут с пальцами не то», — успел вспомнить Джейми седовласого Колама.

— Круто.

— Что-что? «Круто»? А это на каком?

— На моём. — Он опять налил ей виски. — Пей.

— Нет, я больше не могу, — отрицательно помотало головой пугало.

— Как это не можешь! Значит, пьяной возле камина валяться ты можешь, а с мужем выпить ты уже не можешь.

Пугало замялось, пару раз стрельнув глазами в Джейми, как бы не решаясь что-то сказать.

— Я наврала, — выпалило оно, наконец.

— Наврала? Зачем? — сдвинул брови муж.

— Прости меня, пожалуйста, я не хотела. Это по привычке. Я для Колама и Дугала придумала, что это от камина, — показало пальцем на обожжённую щёку, — а на самом деле, от пороха на охоте.

— Ты любишь охоту?! — подпрыгнул Джейми.

— Больше всего на свете! — подпрыгнуло пугало.

— Я тоже! Я тоже очень люблю охоту!

— Это хорошо! Я обязательно возьму тебя с собой на охоту, — оно прошло и уселось на кровати. — С тобой Колам не будет ругать. Он сказал: ещё раз поймает меня в Трулиновом лесу, саму пристрелит. Ругается.

Джейми опять задумался.

— Колам тобой командует, да?

— Да, — обиженно надуло губы пугало. — Он и замуж выдать хотел. Мне ведь уже двадцать один. Давно пора. — Водило оно пальчиком по узору покрывала. — Дядья волнуются. Не хотят, чтобы я выходила за кого-нибудь из другого клана. Тогда Лаллиброх отойдёт тому лэрду, а Колам не хочет. Он жадный. Они давно мне подыскивают кого-нибудь из МакКензи, а я не хочу.

— Поэтому ты разговаривала грубым голосом?

— Угу, — старательно закивало головой пугало, и его кудрявые локоны-пружинки, побалованные недавней встречей с гребешком, заплясали друг с другом джигу. — Чтобы никто не хотел на мне жениться. Чтобы я была страшная. Колам сказал, что скоро отдаст кому-нибудь насильно, а все члены клана они такие преданные Коламу и Дугалу, а я не хочу быть им преданной. Они долго не давали согласие на брак моих родителей, потому что папа был французом, и даже по имени, которое он мне дал, не зовут. Называют Лалли в честь Лаллиброх. Фу, как куртизанку какую-то.

Джейми слушал и понимал, что девушка жалуется. Хочет высказать ему свою боль, просто чтобы пожалел, посочувствовал. И вот-вот его предательская рука уже потянулась взять её ладонь и сжать с поддержкой и состраданием, и вот-вот в голос уже пробрались участливые интонации, а на кончике языка сгруппировались слова доброты и человечности, но он тут же одернул себя.

«Не выдумывай, придурок. Тебе домой нужно!»

— А у тебя не было кого-нибудь другого на примете кроме меня?

Девушка погрузилась ещё сильнее.

— Он был. Но потом он, — она замялась. — Ай, да не важно, — махнула рукой. — Поэтому я подумала, что нужно замуж за кого-нибудь совсем чужого. Чтобы и Лаллиброх остался в клане, и всяких преданных МакКензи в моём доме не было. К тому же, ты красивый. Вот, — опять улыбнулась она и прихлопнула ладошками по покрывалу.

После этих её последних слов Джейми, тот самый Джейми, который слышал точно такое и даже большее, гораздо большее, не раз, не два, и не двадцать, вдруг засмутился, хоть слова «смущаться» отродясь в его лексиконе не значилось.

«Мне точно нужно домой. Я здесь становлюсь сам не свой», — потрянул он головой, пока его словарный запас обошёл «малой кровью».

Так проболтав ещё часа полтора, они, наконец, озаботились сном и простынёй. Пока Джейми пробовал проткнуть палец килтпином, пугало вытащило из-под юбки скин ду и, полосонув по основанию большого пальца, откинула покрывала и измазала всю простынь своей кровью.

— А давай всю ночь не спать! — загорелись её глаза.

— Давай! — обрадовался Джейми, но ещё через полчаса они легли «валетом» перед камином на ковре, постелив на него юбки пугала и укрылись килтом Джейми.

— Эй, — позвал её парень, — так как тебя всё-таки зовут?

— Клэр, — сонным голосом отозвалось пугало. — Клэр фон Туарах МакКензи Фрейзер
леди Лаллиброх. А тебя?

— Джеймс Александр Малкольм МакКеллен Фрейзер.

— Спокойной ночи, Джейми.

— Спокойной ночи, Клэр.

*Хосы — шерстяные шотландские гольфы. Часть национального костюма.

**Килтпин — заколка для подола килта.

Глава 4 Коровные сундуки Лаллиброх

Глава 4

Коварные сундуки Лаллиброх

Только лишь появившись в Лаллиброх, Джейми едва окинул равнодушным взглядом подворье и первым делом направился в дом на поиски сундуков. Их действительно оказалось предостаточно: на кухне, в холле, в спальнях и даже на чердаке.

«Порядок, — потирал руки парень, держа под мышкой свою бутылку из-под виски; наполненная виски Колама, она составила единственное приданое мистера Фрейзера. — Фее будет где разгуляться».

У него заметно поднялось настроение.

А Клэр, приехав домой, переоделась и, пока не стемнело, отправилась в поле.

Джейми познакомился с младшей сестрой своего «пугала» — пятнадцатилетней Лири и подслеповатой кухаркой, миссис Фитц. А также двумя работниками: Рупертом и Ангусом. Парень опасался всех четверых одинаково.

Ангус хорошо знал английский, потому как рос в доме Дугала, да и Лири неплохо выучила этот язык от Клэр. Но общался Джейми всё-таки больше с говорящими только на гэльском Рупертом и кухаркой.

Пока жена работала в поле, мужа оставили в помощь миссис Фитц на кухне. Это была довольно полная женщина зрелых лет, рыжая, с маленькими голубыми добрыми глазками и улыбкой в уголках губ. Она провела хозяина по постройкам, чтобы знал, где брать воду и куда выкидывать отходы, а он, воспользовавшись случаем, жадным взором искал «дополнительные» сундуки вне дома. Чем чёрт не шутит, может быть, именно здесь и находится «тот самый», заветный?

За ними увязались любопытная Лири да два дворовых пса разной масти, но одинаково неопределённой породы.

Свинарник оказался пуст.

— Все свиньи сейчас на желудях, — разъяснила девчушка, пока миссис Фитц какой-то деревянной мотыгой отгребала от входа расползающуюся грязь. — Желуди опали с дерева.

В отгороженных «яслях» за стеной сарая возилась свиноматка, своими габаритами и звуками достойная соперничать с небольшим легковым автомобилем и его прогнившим глушителем. Вокруг неё суетились штук двадцать пять вполне взрослых отпрысков — один грязнее и счастливее другого.

В конюшне из обитателей их встретил неприветливым фырканием одинокий огромный вороной конь в отдельной укреплённой загородке. Даже через решетку и доски проглядывалась особая стать и отменные размеры. Джейми залюбовался.

— Это Донас, — поясняла Лири во время того, как они с миссис Фитц подбирали разбросанную морковь и складывали в корыто. — Вот если обидишь нашу Клэр, мы тебя на него посадим и выпустим, чтобы он тебя со скалы сбросил. Ну, или с моста. Он любит сбрасывать, — гордо похвасталась новоиспечённая родственница. В этот момент кухарка посмотрела на Джейми и что-то сказала девчушке на гэльском.

— Точно! Забыла напомнить, — спохватилась Лири. — При нём с Клэр лучше не ругаться и голос на неё не повышать. Он запомнит и потом может укусить или затоптать. Она его маленького выходила, от болезней вылечила, и вот какой он вырос, —

назидательным тоном рассказывала девушка и, как взрослая, по-деловому похлопала ладошкой по загородке. — Пока её нет дома, его из конюшни никто не выводит — боятся.

Джейми всё это было душераздирающе скучно и мучительно индифферентно. Чтобы не зевать, он сделал очень серьёзное лицо, понимающее всю важность правильного поведения с Донасом.

Зато на псарне его ещё издалека встретили улыбками и дружным поскуливанием. В основном здесь смешали легавых и борзых.

— У нас есть ещё много пастушьих, но они почти всегда в горах, — махнула Лири рукой куда-то в сторону дороги и потрепала по холке одну из собак.

За конюшней находился птичник, где туда-сюда бегали коричневые куры.

— Гуси и утки на озере, — проходя мимо, пояснила Лири.

А вот сундуков больше не оказалось.

«Очень жаль», — растянул губы Джейми.

А вообще, жизнь в восемнадцатом веке показалась ему весьма простой и незатейливой. Телефонов не было, холодильников тоже, телевизоров и кофеварок — тем более. Не имелось даже газовых плит, чайников со свистком и часов. Поэтому никто не знал, что и как в соседских поместьях, и не вспоминал об этом каждые десять минут. Всё, что готовилось на кухне, тут же съедалось в столовой; вместо телевизора перед сном беседовали у камина; вставали по солнцу и ложились по луне.

Этим же вечером все собрались за ужином. Муж всё поглядывал на жену — скоро предстояло идти укладываться спать, а ему необходимо ещё как-то улизнуть на встречу с феей.

«Только вот ещё бы знать: куда?» — озадачился Джейми, поскольку отдельные комнаты работникам полагались, а вот мужьям — нет. Муж должен спать с женой, и Вжикки вряд ли пожалует к ним с Клэр в спальню. Поэтому, пораскинув мозгами, подопечный решил попробовать для начала камин в главном холле.

«Только бы не помешали», — обвёл он досадливым взглядом сотрапезников. Тревоги прибавляло ещё и то обстоятельство, что он почти не понимал гэльского и не знал, о чем говорят все эти люди.

Что касалось супружеского долга, то вроде бы первая брачная ночь мало чем отличилась от добрачной, поэтому здесь угрозы своим планам Джейми не видел. Насколько он знал девственниц, эти, ещё не вкусившие прелестей соития и оргазма, несведущие особи с «неразбуженной» сексуальностью могли вполне себе мирно сосуществовать с потенциальным половым агрессором в одной комнате, даже в одной постели. Просто не знали, чего лишаются.

С мыслями о том, чего лишается он, парень решил пока не пересекаться. Он — отдельно, они — отдельно. Хотя, если уж быть честным, красавец чувствовал, что привыкает к внешности «пугала», хоть её ожог и стал ещё темнее. Или это так подействовал выпитый виски, или её деловитость вкупе с искренними улыбками и заразительным смехом, или то, что девушка перестала изображать из себя брутального троглодита, или ещё чего, но Фрейзеру сделалось любопытно увидеть её с нормальным лицом, в привычной обстановке, в окружении только близких ей людей. То есть, без нового мужа.

«Ещё неизвестно, какой она окажется тогда, — облизал он пальцы после медовых лепёшек. — Если, конечно, всё-таки начнёт расчёсываться».

— За недельку подправлю дела на неделях — и отправимся на охоту. — Клэр намазала

хлеб чем-то наподобие мягкого козьего сыра.

— А он останется здесь? — ткнула пальцем в Джейми Лири. — Ты не возьмёшь его с собой?

— Возьму, — кивнула миссис Фрейзер. — Джейми поедет с нами. Он тоже любит охоту, — улыбнулась она и переглянулась с мужем.

— Угу, — согласился тот.

«Только я привык стрелять из «фалькона» или «вэйпена». Ружья дешевле трёх тысяч фунтов отец не признаёт. А вот интересно, из чего стреляете вы?»

Но всё-таки до ближайшей охоты здесь задерживаться не планировал, потому и эти разговоры тоже вошли в него через одно ухо и через другое вышли.

Дорога из Леоха в Лаллиброх, потом поездка по полям и ужин с виски сделали своё дело, — только лишь войдя в спальню, Клэр стыдливо скинула верхнее платье и мышкой юркнула в постель. Перекинувшись с Джейми парой фраз по поводу его впечатлений, отвернулась и тут же уснула.

Поначалу его даже позабавило, как жена стеснялась своего вида в одной сорочке, хотя та сорочка, по сравнению с «наноплатами» из полосочек и треугольничков красоток в ночных клубах, больше походила на паранджу, но потом ему сделалось даже немного обидно. Вообще-то, в постели с ним девушки так быстро не засыпали. Не было подобного. Фрейзер он или нет?! Допустим, она девственница, но чтобы так равнодушно проигнорировать такого красавца, как он, — это чуть ли не вызов!

Муж тихонечко хмыкнул про себя и отвернулся к догоравшему камину: «Подумаешь!»

Нет, он её не хотел, конечно, и даже не представлял себе секса с таким... пугалом? Да вроде бы она уже не казалась каким-то уж чучелом или чудищем. Обычная деловая молодая женщина восемнадцатого века с грузом взрослых проблем, насколько он понял из её разговора с преподобным Муртой по дороге в Лаллиброх.

Клэр со священником всю поездку — то на французском, то на английском, то на гэльском — обсуждали какие-то посевы, наделы, урожаи, здоровье лошадей, собак, овец, цены на рынке на сахар и свечи, шерсть и виски. Джейми ехал рядом, молчал и с каждой милей всё сильнее чувствовал себя бродягой, выброшенным на обочину жизни. Поэтому, до того момента, как они подъехали к имению, у него появился ещё один серьёзный стимул к поиску сундуков. Становиться таким же трудолюбивым, ответственным и замороченным на хозяйстве, как его новоиспечённая женушка, он не собирался, да и вообще боялся этого, как топора осина.

С таким же страхом отмахнулся и от вывода, что его жена, по сути, оказалась обладательницей тех самых добродетелей, которые он так жаждал видеть в своей будущей спутнице жизни. Согласился с собой только в том, что красота в человеке — совершенно не главное. Это дело такое... относительное, сиюминутное. Уж это Джейми точно знал. Вот она, самая лучезарная из всех отборно прекрасных, стоит перед тобой, а затем открывает рот — и всё как рукой сняло. И куда что делось? Таких Фрейзер опасался больше других. Он боялся узнать в них себя до поры до времени.

А эта вот, занятая такая, деловая, всё знает, во всём разбирается, ответственность какую несёт и не гнётся, не хнычет. Все мысли о хозяйстве да об охоте. Уже третьи сутки ни слова о платьях, прическах и что сейчас носят в Париже.

«Она действительно похожа на мою мать», — сделал неутешительный вывод проигнорированный муж, однако кручинился и восхищался отнюдь недолго — время тикало.

Только лишь жена задышала ровно и умиротворённо, он, подавляя жгучее желание укутаться поуютнее и поспать впервые за долгое время в нормальной постели без гнилой соломы, вонючих луж и клопов, аккуратно выбрался из-под одеяла, поднялся с кровати и подошёл к двери. Выйдя из комнаты и тихонечко закрыв за собой створку, в коридоре, в стоящем в торце кресле, увидел Ангуса.

«Приехали», — ухнуло в пятки сердце Джейми.

— Эм... а... я... Я на кухню водички попить, — пролепетал он первое, что пришло в голову и чуть не ударил себя по лбу — у них в спальне с Клэр стоял кувшин с водой.

Ангус молчал.

Тогда Джейми сбросил с себя все маски и решил идти ва-банк.

— Слышь, чувак, выпить охота нормально. Давай вместе, а? — жалостно скривился он.

Или поняв, или проигнорировав странное, но звучное «чувак», Ангус тут же поднялся и двинулся по коридору, показав следовать за ним.

На этот раз они очутились на кухне. Поскольку его приданное, бутылка виски, осталось в спальне, Джейми по аналогии с замком дядюшки Лэма направился к примеченному заранее буфету, но работник остановил его жестом и отогнул небольшой гобелен сбоку окна. Как оказалось, в стене выдолблена глубокая ниша, где стояли три бутылки с виски.

Мужчины так же молча сели и разлили по стаканам. Чокнувшись «тарой», они опрокинули в себя первые порции.

— Что, не даёт? — вытер усы Ангус.

Джейми чуть не поперхнулся, но замешательство сыграло ему на руку.

— Да ты не смущайся, — по-свойски махнул рукой работник. — Клэр у нас девушка с норовом, но она лучшая из всех, кого я знаю. Поэтому ты... — мужчина похлопал своей грязной мозолистой ладонью по лежавшей на столе холёной, а по местным меркам, даже утончённой, кисти господина, — потерпи.

— Угу, — с готовностью согласился тот и подлил себе и Ангусу по новой порции.

За разговорами и рассуждениями они быстро «приговорили» бутылку и взяли ещё одну. Джейми почти забыл про фею. И если её саму удерживал в голове, то смутно припоминал, зачем она ему, собственно, нужна, не говоря уже о её сложном имени.

Пока Ангус отвернулся нарезать хлеба, новоиспечённый господин, бывший сын бродячих музыкантов рухнул на стол головой и тут же вырубился.

Он очнулся, когда тот же Ангус с Клэр тащили его назад в спальню, а на следующий день проснулся только к обеду — то есть опять в лучших традициях своих каникул двадцать первого века. И весь день провёл так же.

Он ни сколько не удивился, что Клэр встала рано утром и уехала в поле, но очень обрадовался тому, что она не разбудила его и не взяла с собой. Он полностью смог отдалиться горю, что пропустил, а если называть вещи своими именами, то попросту пропил встречу с феей.

«Всё. Сегодня нужно спойть Ангуса. Как бы ему так подливать, чтобы самому не надраться?»

Но когда этой ночью вышел из спальни, в заветном кресле его уже ждала бутылка виски в компании Руперта.

С этим всё прошло ещё лучше — они плохо понимали друг друга и от этого больше пили и веселились. Руперт оказался простоват и туповат, и Джейми удалось его спойть примерно к середине ночи. И только хотел оставить отключившегося собутыльника и направиться к

камину в холл, как припёрся Агнус и попросил отнести «готового» друга в его комнату. Тут же проснулась Клэр, отругала их всех, но, разумеется, это не помогло, и на следующий день, точнее, ночь, всё повторилось.

Только наоборот.

На этот раз Джейми долго не выходил из спальни из боязни в «кресле соблазнов» увидеть миссис Фитц. Он понятия не имел, как действовать с этой женщиной, и даже предполагал, что тут у него шансов нет вообще от слова «никогда». Эта подслеповатая кухарка видела его насквозь и ещё пару футов под ним. Поэтому, что и говорить, он очень насторожился, услышав, что в дверь кто-то тихонечко скребётся.

Памятуя вчерашнюю взбучку от миссис Фрейзер, Джейми крадучись выбрался из постели, отворил дверь и увидел на пороге преподобного Мурту.

— Не желаешь ли исповедаться, сын мой? — пропел юродивым голосом священник.

— Гхм... — крикнул новый хозяин и почесал макушку.

«Я бы с удовольствием, да тебе же хуже будет, боюсь. — Джейми оглядел фигуру преподобного с ног до головы и с сожалением сжал губы. — Если я тебе сейчас исповедаюсь, ты имя Господа своего забудешь».

И тут священник вынул из-под рясы бутылку виски.

Мистер Фрейзер облизнул губы, но всё-таки решил держаться.

— «Клэрасил» ругаться будет, — заговорщическим шепотом пожаловался он, сделав бровки домиком, и кивнул себе за спину на спальню.

— Кто? — повернулся к нему ухом преподобный. — Клэра...

— Да это я Клэр «Клэрасилом» называю.

— А-а-а... понятно. Верно, она будет ругаться, но ты же муж! — сделал зверское лицо святой отец. — Хрясь кулаком по столу — и всё, я сказал!

Но наоборот — так наоборот!

За бутылкой виски преподобный Мурта полночи исповедовался Джейми о том, как ездил с Клэр в Париж, поскольку с детства состоял при ней и её младшем брате, Фергюсе, кем-то вроде гувернёра и учил их грамоте. И как его в этом рассаднике порока и безнравственности блудницами соблазняли, да не поддался он, как бы тяжело ни было. А ещё о нелёгких буднях священника и том, что молодёжь совсем от рук отбилась и знать Господа не хочет, и его нелёгкий труд — образумить безбожников.

И Джейми понравилось.

Взрослые мужики принимали его за равного, относились, как к одному из них, даже лучше. Здесь он был только Джеймс Фрейзер, а не Джеймс Фрейзер, сын умного и всего такого из себя положительного Брайана Фрейзера. Над ним, так сказать, не довлела «тень отца Гамлета». Красота, и только. Свобода!

Да, «Клэрасил», конечно, ворчала и дула губы, но что делать, если муж вкусил сладость сущности взрослого, самостоятельного мужчины, главы семьи и поместья.

Познакомившись с мужиками, он начал день за днём проводить с ними — на конюшне, на псарне, за деревней у мельника. А скоро, кстати, он отправится ещё и на охоту. Казалось, Клэр настолько привыкла справляться в полях одна, что даже не просила его помочь. Они мало общались — только за трапезами и перед сном.

Именно в это время Джейми сумел обратить внимание на дом, узнать лучше двор, изучить все постройки и тропинки вокруг. Да и вообще парень немного успокоился, поскольку повесить его уже вроде бы никто не грозился, «пугало» оказалась вполне

дружелюбной и симпатичной, во всяком случае, пока никаких пороков и экзекуций не наблюдалось, поэтому путешественник во времени стал замечать мир вокруг себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Если уж попал в прошлое, грех не узнать, как тут всё устроено», — стоя у окна, постучал он костяшкой пальца по старинной добротной деревянной раме.

Вообще-то, всё здесь для Джейми выглядело так, будто сделано вручную. Хотя, при ближайшем рассмотрении, так оно и оказалось. Ну, может, только килты ткали на станках.

Обратив внимание на ложки, вилки, тарелки, струны для резки сыра, шумовки и половники, чайник с двумя носиками и сковороды, парень не мог хорошим словом не помянуть консерватизм англичан и шотландцев — всё выглядело почти так же, как и у него дома. Может, ещё и потому, что матушка любила старинные столовые приспособления и приборы вслед за своим старшим братом, который часто и с охотой всем этим добром с ней делился.

Только ножницы в доме Клэр выглядели как посылка Гулливеру из страны великанов в страну лилипутов; ими удобно было только килты резать да лошадям гривы подстригать.

Столового серебра у леди Лаллиброх не имелось, только украшения и замки в дверях дома, а вот медной утварью забиты несколько сундуков. Парню сразу же не понравились глиняные кружки — огромные и лёгкие, сколько в них не наливай, всё кажутся пустыми. А вот медную, тяжелую, с неровными стенками, словно вылепленными ребёнком из пластилина, он был не прочь забрать с собой и показать отцу. «Он оценил бы», — вертел Джейми одну такую, прихлёбывая из неё крыжовниковый морс с листьями дикой вишни.

Вместо ковров почти везде лежали свалянные из овечьей шерсти войлочные циновки немаркой расцветки «перец с солью», на стенах висели такие же, но белые. От их шерстяного, мохнатого вида Джейми делалось теплее не только снаружи, но и внутри.

А вот так называемая мягкая мебель хозяину не понравилась. Даже в том самом «сундуке времени» на поеденных мышами килтах лежать было мягче, чем на диване в холле у Клэр. Деревянный диван с обивкой из качественного гобелена своими манерами и повадками больше напоминал гаубицу — такой же тяжелый, бестолковый, жесткий, а на звук — громкий и скрипучий. Он отзывался на любое движение на нём. Как ни ляг, всё неудобно, везде давит, чуть шевельнулся — на улице начинают лаять собаки, думая, что в дом лезут воры. Джейми со щемящим чувством тоски вспоминал шведские диваны у него дома — огромные, полностью матерчатые, все такие округлые и с кучей мягких подушек.

Зато парень как ребёнок обрадовался очень даже уважительной причине не бриться — у Клэр бритв не имелось за ненадобностью, а Руперт с Ангусом ходили с бородами. Джейми благодарил небеса, что небольшая щетина ему шла (а что не шло?), скорее всего, ещё и поэтому лень его часто побеждала и дома, поскольку это нудное, бесполезное занятие выматывало и взрывало мозг даже в двадцать первом веке с его удобствами.

То же самое в восемнадцатом делала необходимость, как стемнеет, везде ходить со свечой.

«Как в церкви», — поднимался он по ступенькам и загораживал ладонью пламя от сквозняков, которые в лестничной шахте чувствовали себя как дома. Во всех смыслах. Он явно ощущал, что его глаза начинают отдыхать от экранов ноутов и айфонов, но тут же напрягала эта крошечная тьма после сумерек.

Свечи воняли, дезодоранта не было, шампуня — тоже. Как выяснилось, весьма громоздким образом мыли головы.

Ещё с утра Клэр с Лири ходили в тюрбанах из полотенец. Как подслушал из разговоров Джейми, они намазывали локоны хлебным мякишем, а после обеда смывали и натирали головы скисшим молоком со свежим яйцом и кашцей из листьев ежевики. Споласкивали вечером отваром льна и вереска над корытом в кухне.

«Пф-ф... жуть», — забрался пятернёй в свои рыжие кудри Джейми от таких издевательств над личностью. Слава богу, ему, как хозяину и обладателю не очень длинных локонов, разрешалось просто помыть их мылом, которое, кстати, очень экономили. Та же миссис Фитц мыла руки на кухне песком и глиной с берегов близлежащего озера, принесёнными Рупертом и Ангусом.

Зато Джейми весьма повезло с тем, что его жена жила во Франции и, приехав оттуда, распорядилась сделать у себя в Лаллиброх почти нормальные туалеты, а для восемнадцатого века и по сравнению с ужасами Леоха — и вовсе прогрессивные и передовые.

Новый хозяин почти не совал нос на кухню, поскольку миссис Фитц казалась ему даже строже Клэр. А однажды ему довелось увидеть, как Лири с её подружкой Вехтой из посёлка уехали друг напротив друга в углах войлочной циновки в холле и катали туда-сюда деревянный цилиндр размером с небольшой пылесос. Как выяснилось, таким образом в восемнадцатом веке взбивали масло в молоке.

«Ну и ну», — вспоминал Джейми прилавки супермаркетов, как тротуарной плиткой, уложенные пачками масла различной жирности, отдушки и предназначения.

Пока молодой муж и хозяин осваивался и обживался, в одно прекрасное раннее утро пришла пора супружеской чете всё-таки отправиться на первую совместную охоту.

Конечно же, для Джейми, который до этого отстреливал зайцев, сурков и рябчиков в обширных угодьях, отведённых клубу Шотландии, показались немного детскими походы Клэр на небольших участках клана МакКензи, но даже там, без отца, он сумел заблудиться. А когда на него сзади прыгнул молодой дикий кабан, опрокинув охотника, и встал копытами на спину, парню почудилось, что на него поставили чугунный кухонный стол с каменными ножками, да ещё и хрюкающий, как динозавр.

Вся жизнь пронеслась перед глазами. Только вепрь прикусил ему ухо с серьгой, как грохнул выстрел — и животное рухнуло как подкошенное опять же на спину Джейми.

Как оказалось, жизнь ему спасла жена, своим выстрелом убившая кабана прямо в глаз. После она рассказала, что не иначе как Господь ей помог, направив в ту сторону каким-то колокольчиком; она пошла на звук трели.

«Значит, фея рядом!» — обрадовался Джейми.

Излишне говорить, что по возвращению стресс он снимал с помощью виски. А утром случайно, будучи ещё во хмелю, услышал, как Клэр плакала и жаловалась в столовой преподобному Мурте на французском, что, вероятно, всю жизнь ей суждено мучиться одной и биться с этим поместьем.

Джейми учил французский в школе и университете, поэтому знал его гораздо лучше гэльского и даже смог разобрать суть диалога.

— Я надеялась, муж мне помощником будет, но, видимо, не получится, — вздыхала жена.

— Ну, так скажи ему, что он поганец и лентяй, — советовал преподобный.

— Так ведь я сама такого выбрала. К тому же он красивый.

— А если красивый, то причешись!

— И что? Расчёсанная или нет, всё равно возле него... дурнушка.

— Ты глупая.

— Нет, не глупая. Он мне не помогает и никогда не будет мужем. Да мне и не надо, ты знаешь, почему.

«То надо, то не надо. Настоящая женщина», — вздохнул Джейми, но совестно ему всё-таки сделалось, чуть ли не впервые в жизни. Он поплёлся во двор, вылил себе на голову ведро воды, вернулся в столовую и заявил, что готов приступить к обязанностям.

Клэр подскочила и с визгом повисла у него на шее. Она повела себя с ним как с братом, другом, но парень тут же почувствовал, что уже довольно сильно соскучился по девушкам. Ещё терпимо, конечно, но уже проблематично. Запах её волос ударил в ноздри и заставил организм «заиграть». Тем более, ожог у жены почти сошёл, начали показываться брови и ресницы, приходил в норму цвет лица.

Когда они на лошадях ехали по улице имения, чтобы встретиться с селянами по поводу аренды, Джейми будто заново посмотрел на своё «пугало».

Солнце играло лучами в её локонах. Девушка улыбалась и искрилась счастьем, что едет уже не одна, а с мужем. Оказалось, у неё очень женственные пухлые губки, аккуратные чёрные бровки тонкой дугой, неплохие ресницы, которые наконец-то позволили оценить миндалевидные голубые глаза. Да и цвет лица, после того как сойдёт покраснение, и летний загар обещал быть в лучших шотландских традициях, — молочная бледность со здоровым румянцем.

«А сразу так нельзя? — любовался парень. — Обязательно нужно было из меня заику делать своим «пугалом»?»

Но когда они начали выяснять дела с арендаторами, Фрейзеру сделалось уже не до того.

Клэр совещалась с группой собравшихся у дверей местного аптекаря мужчин. За время разговора дело доходило и до смеха, и до повышенных тонов, и до откровенной ругани. Но пока жена справлялась, муж не вмешивался.

На обратном пути попросил растолковать ему суть беседы. Он ехал, слушал размеренный цокот копыт лошадей и сбивчивое объяснение Клэр и тихо уходил в шок от того, насколько эти люди, включая его жену, тёмные и несведущие в делах хозяйствования, не говоря уже об экономике в целом.

«Какой там восемнадцатый век?! Это же палеозойская эра кембрийского периода!» — шевелились рыжие кудри у него на голове.

Всё начиналось с того, что, оказывается, всю документацию, бланки, печати, росписи заменяли пальцы. Всё объяснялось и подтверждалось на пальцах. Клэр расспрашивала людей про урожай, не требуя доказательств и не проверяя их показания. Она верила им на слово, а ведь они могли сказать всё что угодно.

«Я бы на их месте так и сделал», — веселился Джейми.

В свою очередь жена отчитывалась перед людьми за свои отношения с лэрдом: сколько отвезла ему ржи и мяса с салом. И люди опять же верили ей просто так.

Парень был в шоке.

«Чисто дети. — У него текли слюнки. — Таких на члене провертеть — одно удовольствие, да жаль я в избииении младенцев не участвую».

Он проучился на экономическом факультете университета Глазго четыре курса, но сейчас, рядом с женой, ощущал себя Уорреном Баффеттом. С высоты своей компетенции начал потихоньку втолковывать ей японскую систему поощрений и теорию рисков Маршалла и Найта, да плюс немного, самую малость, об экономике аренды.

— Пока ты не дашь почувствовать людям, что от их труда тоже что-то зависит, толку не будет. Вот как вы рассчитываетесь?

Леди Лаллиброх часто заморгала.

— Мы с Рупертом и Ангусом едем и собираем плату.

— Вот видишь! Это ты забираешь у людей, а нужно сделать так, чтобы они забирали у тебя. Ты должна раздавать, — сделал он ударение на слове «ты».

— Как это?

— Попробуй так, чтобы они возделывали все поля вместе, а потом ты им платишь. Отдаёшь им или деньги, или продукты, — проповедовал без пяти минут экономист современную систему взаимоотношений в сельском хозяйстве.

Девушка задумалась и ответила не сразу.

— Они побоятся, что я им мало заплачу.

«Разумеется, побоятся! — скрипели зубы у Фрейзера. — Ни договоров, ни штатных списков, ни номеров для налоговой — ничего».

Он, конечно же, изучал историю экономики, но на деле всё оказалось намного безнадёжней.

— А ты заплати нормально. В конце концов, им не охота куда-то срываться и искать лучшей жизни. Ты должна внушить, что лучше, чем у тебя, нет нигде. — Джейми говорил, а у самого кулаки сжимались, что не может поведать о знакомых современных примерах и находках двадцать первого века. Да даже о Генри Форде и его системе премирования и конвейере не рассказать.

А Клэр, знай себе, «подливала масла в огонь»:

— А откуда я знаю, где лучше, а где хуже?

У парня посыпались искры из глаз.

— О нет! — прихлопнул он себя по лицу, но осторожно, чтобы не испугать лошадь. — Это пипец!

— Что?

— Ничего. Ну, хорошо. Вот у тебя много навоза от скота. Договорись с арендаторами, что удобрения твои, но вносить будут они, и излишки поделите поровну. Всё лучше, чем выкидывать или засорять свои наделы.

— Да не хочу я! Зачем мне это?

— Как «зачем»? Чтобы оптимизировать использование ресурсов, свести к минимуму потери и корреляцию.

У Клэр от терминов расширились глаза, и пружинки встали дыбом, но она справилась с собой и сказала просто:

— Не хочу.

— Почему?

— А зачем? Чтобы половину отдать Коламу на строительство крыла замка для любовниц Дугала или капитану Рэндоллу?

Джейми ухватился за последнее имя:

— Капитану Рэндоллу?

— Да, — неохотно ответила девушка. — Есть тут такой... англичанин. Он собирает военный налог и мне мстит.

— За что?

Она сделала недовольную гримасу, как бы не желая распространяться на эту тему.

— Считает, что я погубила его брата Фрэнка, — низко опустила голову леди Лаллиброх. — И он прав.

Для Джейми этот капитан Рэндолл был пока только тем, «кто по мальчикам», — и всё. Оказывается, у него ещё брат имеется. Или имелся.

— Ты его убила что ли?

— Можно и так сказать, — отвернулась в сторону жена и посмотрела на край озера, открывающийся с дороги. — Всё равно узнаешь... Лучше сразу тебе рассказать. Мы познакомились с Фрэнком во Франции. Он учился в университете Декарта на медицинском, я — в школе в Норме, но встретились как-то на ярмарке. Он был очень хорошим. — Клэр говорила так, чтобы муж разделил её симпатию к брату капитана Рэндолла.

— Извини, что произношу это в твоём присутствии, — как бы спохватилась она. — Ты — мой муж, я обязана любить тебя и быть тебе верной до конца своих дней, и буду, но Фрэнк действительно лучший из всех, кого я знала. Он совсем не такой, как его брат. — Она замолчала.

— И что же вам помешало? — Джейми хотел показать, что совсем не обижен. Заодно и самому себе.

— Не что, а кто. Мой младший брат Фергюс застал однажды Фрэнка, когда тот выходил из моей комнаты утром, но мы только разговаривали! — с мольбой посмотрела она на мужа. — Это правда!

— Я верю тебе. — «И как они живут тут все с такими понятиями?»

— А Фергюс не поверил. Он вызвал Фрэнка на дуэль, тот его убил и попал в Бастилию. Он там... умер. — На глазах девушки появились слёзы.

Джейми опустил голову.

— Мда...

— Извини, что рассказываю. — Она вытерла глаза ладошкой и шмыгнула носом. — Ты — мой муж, я не должна с тобой разговаривать о других мужчинах. Ты не рассердился на меня?

— Нет. — «Если посчитать всех, кто выходил из моей спальни, мы до Леоха доехать успеем».

Признание жены о каком-то Фрэнке отрезвило Джейми, и следующие две ночи он провёл в обнимку с камином в холле — опять вспомнил о фее. Ему удалось завоевать доверие Руперта и Ангуса, и они сняли осаду с двери их с Клэр спальни. Теперь появилась возможность ночами аккуратно пробираться в большую залу.

В первую ночь, никого не дождавшись, он вырубился к утру, во вторую почти сразу же уснул на тамошнем диване-«гаубице». Потом корил себя за лень и слабость, но тут же надеялся, что ещё ничего не проспал, и фея, если появится, в любом случае его разбудит.

«Прожила же она как-то семьсот лет. Авось не пропадёт, пока не отправит меня отсюда».

А до этого времени парень решил действовать сам и, так сказать, пошел по сундукам. По всем подряд. Не знал он: должен тот стоять исключительно на земляном этаже или же подойдут и чердачные?

Однажды, воспользовавшись отсутствием жены дома, Джейми попробовал залезть в один из сундуков и даже решился накрыться крышкой. Но она легко закрывалась и открывалась, а когда, проигнорировав такой пустяк, он стал биться в дно ногами, на шум прибежала миссис Фитц и, подняв крышку, спросила, не нужно ли ему чего.

Он постоянно вспоминал маму и, зная миссис Фрейзер, был убежден: она ищет своего пропавшего сына и верит, что он жив, и не сдастся, пока не увидит. А отец всячески будет её поддерживать и наверняка, в обход полиции, уже нанял детектива.

Но его мытарство длилось недолго — много времени отнимали поля, где они убирали остатки фасоли и тыквы; вереск и чечевицу срезали наёмные рабочие. А через некоторое время Клэр засобиралась на пастбища. Где-то далеко в горах, вместе с отарами Колама, пасли её овец. Подходило время их навестить.

Джейми ехать не хотел, во всяком случае, совсем не жаждал. Однажды фею он уже пропил, потом прогулял, теперь осталось ещё и проездить. И что докатился до того, что не смог отпустить жену одну, его абсолютно не устраивало. Парень был жутко недоволен собой, а перспективы и развитие событий откровенно пугали.

Так вот, навьючили они лошадей и отправились глубже и дальше в Хайлэндс, на север.

Джейми ехал хмурый и сосредоточенный — весь в себе. Он всё пытался проследить момент невозврата и понять, как дошёл до жизни такой.

Вначале было дело. Как-то так незаметно, из раза в раз, сделалось очевидным и даже привычным, что они с Клэр отлично могут оставаться наедине, вдвоём, бесконечное количество времени о чём-то болтать или что-то мастерить. И их не тянет зевать, не хочется закрывать глаза под потолок и быстрее смыться хоть куда-нибудь подальше. В один прекрасный момент такой факт игнорировать сделалось совершенно невозможно, потому что парня перестало тянуть к виски.

«Это что-то новенькое», — заторможено почесал он затылок, вспоминая, что не брал ни капли в рот уже дней пять. Что самое непонятное и настораживающее — не тянет! Он покачал головой: «Ох, не к добру эти перемены».

А пока они неспешно следовали по дороге на Томдаун. Девушка что-то щебетала про Францию и тамошнюю охоту, про двор короля, которому её представил младший брат отца, Жюль фон Туарах, и про то, как там красиво, чисто и скучно.

— Имя французское, а фамилия — немецкая, — заметил Джейми.

— Они выходцы из Саксонии, — пояснила Клэр. — Так что я тоже сассенах, — лукаво улыбнулась она.

— Я не сассенах, — ухмыльнулся мистер Фрейзер. — Я шотландец.

Лицо Клэр полностью зажило, девушка начала расчёсываться и оказалась прихорошенькой. Не красавицей, конечно, но смотреть на неё было несказанно приятно, даже любоваться.

«А если ей ещё там всякие салоны красоты и студии маникюра, «настройки»*, то...» — Джейми и сам не знал или не хотел, что же означает это самое «то».

«А актриса какая!» — помог он сам себе перескочить с мысли на мысль.

Всё это относилось к внешней стороны вопроса, не самой главной. Но необратимой ситуация сделалась из-за того, что в Клэр открылись смешливость и весёлый нрав; она была не прочь над кем-нибудь подшутить, могла посмеяться даже над собой.

Джейми очень нравилось, как она по-доброму общается с сестрой, как терпеливо занимается с ней науками. Поэтому он всё чаще замечал за собой какие-то нехорошие щемящие нотки внутри, когда дело касалось жены, и именно перед поездкой понял, что уже не владеет ситуацией и устал бороться с упрямыми фактами.

А когда к такому убойному комплекту парень добавлял энергичность, сноровистость и, самое главное, беспрецедентную честность и искренность леди Лаллиброх, то всё больше

чувствовал, что ему того и гляди начнёт сносить крышу, поскольку захватывало дух от его «Клэрасила» иногда весьма конкретно.

Перед самой поездкой до него вдруг дошло: ему очень жаль, что не встретил её в своём времени. Фрейзер был бы не прочь забрать её с собой в сундук, потом жениться там, дома, в двадцать первом веке, зарегистрировать брак и заняться с ней сексом (а может быть, и любовью) в первую же брачную ночь. Короче, всё начать сначала.

При первых проблесках таких мыслей он пробовал трясти головой, чтобы выбить всю эту муру, но потом плюнул и махнул рукой. «Один чёрт, не помогает».

Как сделал вывод Джейми, девушка вообще-то от природы являлась весёлым, не унывающим человеком, но обстоятельства и то, чем ей довелось заниматься, плюс ответственность, которую приходилось нести каждый день, сделали из неё довольно властную, решительную, а иногда даже резкую особу. Бойца.

Однажды он спросил, порет ли она мужиков.

Клэр кивнула и заулыбалась:

— Было пару раз. С соседскими парнями. Одни увели у меня корову, другие забрали плуг у кузнеца, сказав, что это я прислала. Но я стараюсь, чтобы о порке знали все, и приукрашиваю. Иначе весь скот разворуют, растащат. Бояться должны, понимаешь?

— А мне Дугал говорил, ты работников пореешь.

— А-а-а, вон ты о чём, — опять засмеялась миссис Фрейзер. — Да это Руп и Ангус однажды были зимой на свадьбе у родственников в клане МакМанус и полезли там к каким-то девушкам. Их поймали и выпороли. Дугал увидел у них полосы на спинах, и они сказали, что это я.

— Зачем?

— Потому как он считает, что я плохо управляю поместьем, всех распустила.

Ехали медленно и долго. Джейми почти не смотрел по сторонам. Не очень он любил все эти озёра, болота и косогоры, только в рамках охоты, не больше. Некоторые его парни частенько выезжали на берег какого-нибудь очередного «лох», но он присоединялся редко. Его — это пабы, клубы, красивые дома и тачки, такие, которыми управляет твой спинной мозг — только задумал, а она уже послушалась. А вот сейчас от созерцания этой суровой шотландской картинки каменистых гор и словно плюшевых холмов как-то незаметно пришло ощущение, что, пожалуй, единственная крепкая связь между временами — природа. Горы, деревья, леса, озёра, реки и всё тот же чертополох. Если не видеть построек и оказаться в дикой местности, то почувствовать разницу между веками практически невозможно.

Наконец, перед сумерками, Клэр скомандовала свернуть с дороги и заночевать в знакомом месте.

— Тут недалеко есть пещера. Её я знаю. А если уедем дальше, то, может, негде будет расположиться.

Пока расседлали и стреножили лошадей, разожгли костёр, принесли воды из небольшого озера рядом — уже стемнело. Быстро разогрели гороховые блины с курятиной, поели, запили горячим, обжигающим травяным чаем и легли спать. Укутались, как и положено, пледами, подстелив овечьи шкуры.

Джейми не очень уютно себя чувствовал при температуре в пять градусов по Цельсию, да ещё и так, что ни плечи по кровати раскидать, ни ноги вытянуть куда-нибудь «на север». Трезвым он так не спал.

Но это оказалось только началом.

— Ты извини, но нам лучше сегодня спать тесно, — придвинулась к нему Клэр.

Она копошилась и укладывалась удобней, а парень уже понял, что это конец; он опять почувствовал её запах. Запах женщины даже сквозь вонючие овечьи шкуры, в пропахшей костром пещере, в секунду смог поставить мужским мозгам «импичмент» и отстранить их от дел.

И за работу тут же принялись инстинкты.

Ему страшно, на разрыв аорты, захотелось её поцеловать. Джейми казалось, что от этого зависит его жизнеспособность или даже жизнестойкость. Грудную клетку, не говоря уже о других частях тела, стянуло сильнейшим спазмом, будто кожаными ремнями, требуя расслабления одним совершенно определённым способом — снять напряжение к чёртовой матери!

Он чуть приподнял девушке голову за подбородок; та с удивлением распахнула глаза. Не дав ей опомниться, парень лизнул её губки, потом ещё раз и пососал нижнюю.

А дальше — искра, буря, безумие.

И невесомость космоса.

Девушка всю дорогу ничего не понимала, но всё-таки проявляла чудеса послушания и готовности сотрудничать. Может быть, именно это сыграло решающую роль, но Джейми очень понравилось. Очень!

Он потом ещё полночи лежал и перебирал причины, желая разобраться в себе и понять, что же такого особенного сейчас произошло и почему ему не то что хочется ещё — к этому он привык, — хочется всегда. Да-да, именно всегда! Словно купил тачку, которую сделал бы собственными руками, если б умел; услышал песню, что сам же сочинил; приехал в город, который построил. Так, как ему хочется, нравится, чисто для себя и под себя, под свои вкусы и приоритеты.

До этого он замучил бедную Клэр вопросами — «как ты?», «тебе не больно?», «тебе больно?». Когда она ответила: «Я потерплю», — Джейми взвился, словно это ему предложили потерпеть, тогда как раньше терпение считал одной из главных женских добродетелей вообще.

Клэр же была такая искренняя, самоотверженная. Парень заметил: в том, в чём она ничего не понимала и не разбиралась, девушка не пыталась умничать и делать вид всезнайки, а быстро подчинялась навыкам и опыту. Это он заметил ещё на кухне, где она полностью доверяла миссис Фитц и не пыталась учить её «как на самом деле надо».

Он доподлинно знал, что сейчас Клэр не получила ровным счётом никакого физического удовольствия, а даже скорее наоборот, но всё-таки её личико источало полное удовлетворение и счастье, глаза лучились восхищением в сумраке ночной пещеры, куда только лишь чуть-чуть проникал свет луны.

Правда, всё это внезапно оборвалось.

— Ты что наделал, грешник?! — вдруг возмутилась жена, когда поняла, что он кончил себе в руку и вытирает её о плед.

— В смысле? — опешил жутко счастливый и радостный, но тяжело дышащий Джейми.

— Так нельзя делать! Ты что, забыл?! — постучала она указательным пальчиком себе по лбу.

— Что «нельзя»? Что «забыл»?

Девушка задохнулась и яростно засопела, словно злясь на то, что не может говорить.

— Это!

— Да что «это»?! — уже взревел Джейми.

— Ты сам знаешь, — не сдавалась Клэр, не желая озвучивать смущающие пикантные подробности.

— Ты — моя жена, я — твой муж. Что ещё я обязан знать?

— Вот именно, что жена и муж. Семя мужа должно оставаться в жене всегда, потому что иначе — грех. Мы согрешили! Не бывать между нами счастьем! — налились слезами её глаза.

Джейми застыл, перестав дышать. И отмер только после того, как услышал хлопанье носом.

— Ну, ладно, извини, я забыл, — подвинулся он опять и принялся гладить её по голове. — Не расстраивайся. Мы обязательно будем счастливы вместе, вот увидишь.

— Нет, не будем. Господь нас накажет. Это всё из-за меня. Я какая-то несчастливая. Из-за меня погибли брат и Фрэнк! И вот опять что-то не так.

— Да всё так! Не печалься! — прижал он к себе девушку, хоть сам вообще мало что соображал. Джейми знал только одно: оставлять в прошлом детей он не собирается. Ни мальчиков, ни девочек. Это совершенно ни к чему.

«И как быть?» — встал вопрос настолько неожиданно, насколько внезапно разгорелась страсть.

Фрейзер прикидывал и так и этак, но всё время упирался в восемнадцатый век. Даже если женщины и умеют использовать какие-то травы или способы, то как, спрашивается, убедить Клэр их применять? Какие доводы приводить? Что он не хочет от неё детей? Или что потом всё равно бросит, и ей же будет хуже одной с ребёнком?

В конце концов Джейми не придумал ничего лучше, чем воздержание. И опять вернулся к мыслям о фее.

«Валить надо отсюда скорее, да и всё», — отвлекался он от желания послать всё подальше и повторить с Клэр только что проделанный фокус счастья. И даже самому себе боялся признаваться: держит его только то, что ей наверняка сейчас очень больно.

Поэтому проснулся настроенным на скорое возвращение, что в свете последних событий как-то притупилось в нём уже в который раз.

На следующий день они доехали до пастбища, где работали пастухи и собаки. Мужчины отчитались перед владелицей: сколько овец не уберегли, какая шерсть, сколько стричь не получится, сколько баранов готовы к спариванию — и так далее. Поговорив с пастухами и выпив с ними чаю и виски, муж с женой отправились обратно.

На этот раз они ночевали в той же пещере, но Джейми уже не тронул девушку, хоть и стоило ему это много чего и ещё больше. Он подозревал, что она расстроится и опять обвинит во всём себя.

И так оно и произошло. «Я тебе не понравилась», «я неумеха», «я страшная», «я плохая» — слышалось на утро через слово. Парень уже хотел было согласиться, но всё-таки набрался терпения и всю дорогу утешал и оправдывался.

— Клэр! Клэр! Капитан Рэндолл приезжал! — неслась к ним во всю прыть Лири, как только они показались на подворье.

* «настройки» — имеется ввиду tuning (англ) — настройка, регулировка.

Глава 5 Времена "царя" гороха

Глава 5

Времена «царя» гороха

— Когда? — тут же всполошилась Клэр. — Когда он приезжал?

— Вчера. Но мы ему ничего не дали. Сказали, пока тебя нет, ничего не дадим. Он сказал, что позже заедет.

— Хорошо. Где Руперт? Позови его. Пусть подальше спрячет мешки с пшеницей с Рыбного поля.

— Он где-то здесь. Сейчас позову. — Девчушка кинулась прочь.

Таким образом, не успев переступить порог, Клэр тут же окунулась в хлопоты по дому; Джейми где-то старался помочь, а где-то — просто не мешать.

Тоскливо сделалось парню как никогда. Вдвоём с женой даже в каменной пещере было гораздо веселей и приятней. Там они принадлежали только друг другу, а тут...

С одной стороны, его здесь никто не ругал и не укорял, но с другой — он никогда не станет настоящим хозяином Лаллиброх и главой семьи. И жить так можно, только если тебе некуда податься, а ему есть куда.

Поэтому парень решил сегодня же ночью подождать, пока Клэр уснёт, и рвануть в главную залу.

Сказано — сделано.

Он сидел на диване-«гаубице» в холле, смотрел на ярко горящие поленья в камине и чувствовал себя предателем. И чёрт бы его побрал, если понимал, кого предаёт и насколько.

Его будто распилили на две части в непонятном процентном соотношении. Одна часть невидимым канатом от солнечного сплетения тянула к матери с отцом домой, другая — уговаривала распрощаться с беззаботной, бесцельной жизнью молодого оболтуса и шалопая и понять, что его место рядом с женщиной, которую можно расценить как благословение Господне.

— О чём задумался? — прозвучало в тишине холла, и Джейми дёрнулся как укушенный.

— Фея! Наконец-то! — просияло его красивое лицо.

— Ты ещё не передумал возвращаться? — сразу же приступила к делу Вжикки, поскольку их в любой момент могли прервать.

Сегодня на волшебнице красовалось платье из лебединого пуха, похожее на маленькое облачко, а на ножках — белые сапожки из пера. На левом запястье, на верёвочке, висел такой-то шарик из такого же пуха, похожий на обыкновенные снежки, в какие зимой играют ребяташки. Золотистые волосы Мерседес затянула в хвост на макушке.

— Нет конечно! С чего ты взяла? — поднялся с дивана подопечный и приблизился к облицовке камина.

— У тебя полная голова мыслей о жене.

— А... жене, — почесал затылок Джейми и опять отошёл в центр комнаты. — Да... жене. Я решил: если вернусь домой, в будущее, Клэр от этого только будет лучше.

Мадемуазель Синдрилонская заинтересовано склонила свою крошечную, аккуратную головку набок.

— Неплохая попытка, мистер Фрейзер, — сделала она шаг вперёд. — Это интересно. И что же, по-твоему, выиграет леди Лаллиброх?

— А зачем я ей? — развёл руками парень. — Я здесь не рос. Многого не умею. Да почти ничего не умею, — обречённо махнул он. — Гвоздя ни разу в жизни не забивал.

— Ты знаешь экономику, которую тут вообще никто не знает. А забивать гвозди можно научиться.

— Пф! Подумаешь, экономика. — Джейми старательно избегал смотреть на Вжикки и блуждал глазами в полумраке ночи по предметам холла. — Справлялись же как-то без меня. И сейчас не пропадут.

— Но ведь ты исчезнешь бесследно. Об этом ты подумал? — Фея взялась за свой снежок двумя руками.

— В смысле? — наконец поднял на неё взгляд подопечный.

— Я о том, что ты исчезнешь — и все посчитают тебя умершим. А знаешь, что пока не найдут твоего трупа, на Клэр вряд ли кто-то решит жениться? О, Алба, как тут жарко топят! — Она раздраженно поморщилась и заглянула вниз, в разгоревшееся окно камина. Вжикки неуловимым движением руки превратила свой снежок в веер и принялась им обмахиваться, отчего её платье сделалось похожим на шевелящиеся под водой заросли водорослей. — И даже если кто-то осмелится, священник никогда не освятит брак, потому что может сотворить грех многожества.

— Правда? — подскочил обрадованный парень. Ему было несказанно приятно услышать, что Клэр больше никому, кроме него, не достанется. — Это классно!

— Да что ты говоришь?! Ты обрекаешь девушку на одиночество! Всемогущая Алба, какой эгоизм! — схватила за голову Мерседес.

Джейми сник моментально.

— А ты точно фея? Что-то больше на Мефистофеля похожа. Разве для тебя не лучше, чтобы я убрался отсюда? Тебе вообще не надоело со мной возиться? Кстати, спасибо, что спасла меня на охоте.

— Пожалуйста... — Вжикки сделала многозначительную паузу, — не учи меня быть феей. Всё хорошенько взвесить и учесть в твоих же интересах.

«Может, я смогу побывать дома, а потом вернуться?» — Джейми вспомнил о мыслях, которые уже давно и не единожды посещали его буйную голову.

— Нет, — отрезала фея. — Это тебе не аттракцион и не исторический музей в Лондоне. Тут парень сник окончательно, ссутулился, подошёл к дивану, тяжело опустился на него, как столетний старик, и уронил голову на руки.

— И что же, мне домой не возвращаться? — медленно произнёс бедолага уже совсем упавшим голосом без какого-либо намёка на оптимизм и браваду. — Ну, не умирать же мне в самом-то деле! — резко выпрямился он и, разведя руки в стороны, с возмущением посмотрел на свою покровительницу.

Та передёрнула плечиками.

— Это как посмотреть.

— То есть?

— Ты не так уж далёк от решения. Есть один способ, но, боюсь, он тебе не понравится.

— Понравится! Вот увидишь, мне понравится! Что надо делать? — опять подлетел к камину Джейми.

— Надо притвориться, что ты умер. Тебя похоронят в гробу, и оттуда сможешь провалиться в своё время. В восемнадцатом веке ещё нет кардиограмм, это сработает.

Джейми застыл на вдохе.

— Ого.
— Угу.
— Это...
— Знаю.

— А выпить для храбрости можно? — спросил он так, на всякий случай. Укладываться в гроб даже на время Джейми не собирался и сразу же отнёс для себя такой вариант.

— Кому что! — всплеснула руками фея. — Нельзя!

— Ужас.

— Но ты ведь уже побывал в захлопнутом сундуке. Там разве не страшно? — продолжила изображать из себя Мефистофеля волшебница.

— Тогда я был в стельку пьяным.

Вжикки на это промолчала.

— Как-то неожиданно всё это, — скривился парень. — Я могу подумать?

— Разумеется. Когда решишься, я навещу тебя.

— А как ты узнаешь, что я решился? — вовремя спохватился Фрейзер. Как-то не уютно он себя чувствовал без прочной и желательной обоюдосторонней связи с покровительницей.

Фея застыла и посмотрела на подопечного, как на глупого подопечного.

— Этот диван, — сложила она веерок и ткнула им в предмет мебели, — на котором ты всегда вертишься в нетерпении, ожидая меня, издаёт такие звуки, что соловьи в моём лесу теряют музыкальный слух.

— А... гм... — глупо улыбнулся Джейми. — Ясно.

После этого разговора парень ходил задумчивым и смурным. Наконец-то до него дошло, что для возвращения домой придётся попотеть. Без фанатизма, конечно, но тем не менее.

«Не хочу в гроб, — хмурил он брови. — Чёрт знает что. Должен быть какой-то другой выход».

Но сейчас судьба Клэр начала волновать его даже больше собственной. Он передумал многое и разное и всё надеялся, что произойдёт что-нибудь такое, что сдвинет его мысли с мёртвой точки. Причём мёртвой во всех смыслах.

И оно произошло.

Как-то раз они с Клэр, Лири и Ангусом возвращались с поля.

Джейми вызвался заехать в посёлок к кузнецу — забрать лопаты с железными наконечниками, которые тот обещал наковать к сбору морковки. Правда, у парня имелись свои резоны на такой манёвр.

Возвращаясь от кузнеца с готовым заказом, он заглянул к сапожнику, поскольку местные боты носить не смог — уж больно грубы и неудобны, — и в голову пришла идея починить кроссовки. Рита, конечно, делала хорошую обувь, крепкую, но только для асфальта, тротуарной плитки и беговых дорожек от немецких производителей покрытий спортивных снарядов и сооружений. В неравной борьбе с грязью и дорогами от колёс тачанок и телег они грозились испустить дух и оставить своего хозяина на милость «кандалам», как называл он тяжёлые грубые сапоги восемнадцатого века.

Хоть и кузнец, и сапожник уже знали мужа госпожи Клэр, но ни тот, ни другой на английском не разговаривали, а Джейми ещё плохо знал гэльский, поэтому ему пришлось очень долго (особенно сапожнику) объяснять, что от него требуется и из чего сделана подошва кроссовок фирмы Рита двадцать первого века.

Подъезжая к своему дому, ещё между стен сараев, он увидел во дворе красные мундиры.

— Джейми! — услышал парень и обернулся; к нему со стороны заднего двора неслась Лири. — Там капитан Рэндолл затолкал Клэр в дом! Они так кричат друг на друга! — схватилась за щёки девчушка. Из её глаз выплёскивались страх, ужас и слёзы.

Первой же мыслью было рвануть в дом и заживо замуровать капитана Рэндолла в ту самую нишу на кухне, где, как выяснилось позже, Клэр прятала от своих работников виски.

— А ты как? — сильно сжал он поводья в кулаках.

— Я убежала.

Джейми быстро спешил и, привязав лошадь к ближайшей яблоне, спрятался за углом сарая, чтобы оглядеть двор. Двое солдат спокойно стояли и разговаривали у стены дома недалеко от входа, возле них на земле лежал связанный Ангус, чуть поодаль валялся застреленный дворовый пёс Пишт.

«Суки», — заскрежетал зубами Фрейзер. Он пожалел, что Руперта сейчас нет с ними — тот повёз миссис Фитц на ярмарку в Глес за растительным маслом.

— Их двое? — поинтересовался у Лири.

— Да. — Девчушка примостилась напротив и, вытирая слёзы, также осматривала территорию.

— Пистолеты в доме заряжены?

— Нет. Только в конюшне.

— Выпусти собак, — скомандовал он и, пригнувшись, поскольку не забывал о своих габаритах, направился к лошадям.

— Ага, — обрадовано послушалась Лири и, тоже пригнувшись, кинулась в другую сторону — к псарне.

— И не показывайся сама! — успел приказать сдавленным шепотом ей вслед Джейми.

Он вошел в конюшню со стороны сенника и бросился к пистолетам, спрятанным в ящике под грузилами для выпрямления вожжей и подпруг. Фрейзер так и не научился стрелять из этих неудобных, неуклюжих и травмоопасных обрубков и уже тем более перезаряжать их, но выбора у него не было.

Он схватил оба пистолета и подошёл к воротам конюшни.

Ждать почти не пришлось. Через несколько секунд со стороны псарни вывалилась стая их охотничьих собак. Почуввав кровь, животные принялись яростно лаять, наматывая круги вокруг солдат, того и гляди при первом же необдуманном движении норовя наброситься. Пока красномундирники от них отмахивались, парень проскользнул в дом.

— Я тоже потеряла брата, как и ты! — сразу же врезались ему в уши надрывные восклицания Клэр. — И его убил твой брат! Я также могу тебе мстить!

— Это было не убийство, а честная дуэль, — ответил ей почти невозмутимый незнакомый мужской голос, — которую, кстати, начал твой полоумный братишка.

— Но Фрэнка не я бросала в Бастилию! Я тоже горюю о нём, ты это прекрасно знаешь.

— Ложь! — рывкнул незнакомец, и раздался стук, скорее всего, кулаком по столу.

— Нет, не ложь! Я любила твоего брата, потому что он не был такой трусливой скотиной, как ты, и не прятался за спинами солдат!

— Заткнись, сука! — Тут послышались шаги, а потом — какая-то возня.

Джейми понял, что его выход, и появился в дверях.

Картинка, которую ему довелось застать, чуть не вынудила отбросить оружие и кинуться рвать этого солдафонского ублюдка голыми руками; тот припёр девушку к стене лицом, задрал ей сзади платье и шарил под ним рукой.

— Уберите руки от моей жены, сэр, — процедил Джейми с порога, наставив на капитана Рэндолла один из пистолетов.

Мужчина замер.

— Считаю до одного — и сношу вам половину башки. Ну!

Капитан отпустил девушку и, подняв руки, сделал шаг назад. Джейми вошёл в комнату и остановился в углу.

— А теперь разворачиваемся и медленно, без резких движений, на выход.

Джек повернулся и с интересом взглянул на своего обидчика. Его лицо не омрачилось ни испугом, ни тревогой, а даже наоборот: озарилось нешуточным восхищением. От неожиданности он опустил руки и сделал пару шагов вперёд.

Джейми тоже немного рассмотрел этого налётчика. Капитан оказался намного младше, чем он ожидал, с воинственным худощавым лицом с двумя вертикальными складками на щеках и такой же горизонтальной на месте рта. Самих губ у человека не было.

«Прирождённый военный, — сделал вывод Джейми. — Это чревато».

Одёргивая юбку, Клэр повернулась передом и прислонилась к стене. Её измождённое личико было всё в слезах.

— Жены? Вы муж этой дурёхи? — скептически скривился капитан, ткнув себе за спину указательным пальцем.

— Руки вверх, я сказал! — сверкнул глазами Джейми, и его фигурный рот исказился оскалом. — Я муж этой женщины, хоть вас это никоим образом не касается. Вон из моего дома!

— Беру свои слова обратно, Клэр. — Рэндолл поднял руки вверх опять. — Раз уж на тебе женятся такие... — смерил он фигуру парня с ног до головы оценивающим взглядом, — солдаты. — Его глаза по новой зажглись восхищением, и он облизал кожу вокруг отсутствующих губ.

Для Джейми, как для человека двадцать первого века, не осталась незамеченной эта совершенно особенная мимика. В принципе, в глазах геев своего времени он нередко замечал и вопрос, и надежду, и зачастую нескрываемый восторг, и даже мольбу. Потому взгляд капитана прочитал практически безошибочно.

«Извини, мой сладкий, я не из твоего петушатника».

В этот момент ему ужасно захотелось остаться в восемнадцатом веке хотя бы на ближайшие четыре года и дождаться-таки, когда вздёрнут этого ублюдка.

— Вон! — гаркнул он так, что взвинченная как струна Клэр подскочила от испуга и приложила руку к груди.

— Что же, — качнулся мистер Рэндолл с пяток на носки и вскинул подбородок, — я ухожу. Но я ещё вернусь. За вами, — ткнул он указательным пальцем в Джейми, — молодой человек, — и, сделав движение, будто стреляет из пальца, опустил руки и стремглав вылетел из комнаты.

Клэр с немymi, неслышными рыданиями сползла по стене и осела на пол.

Джейми выглянул в коридор, дабы убедиться, что капитан действительно избавил их от своего «приятного» во всех отношениях общества, после чего ринулся к жене.

— Клэр! — отложил он пистолеты в сторону и присел рядом.

Из неё рвались рыдания, она не могла выговорить ни слова, только отдельные звуки.

— Я... да... не... — Плечи девушки вздрагивали так, что выступающие лопатки с несильным гулким стуком бились о стену. — Это... не...

— Клэр, успокойся, — убрал он ей за ушки непослушные «пружинки». — Пожалуйста, не плачь. Я не дам тебя в обиду, — погладил жену по волосам.

— Он... — всхлипывала девушка. — Он... меня... по... тро... гал. — Она закрыла лицо ладонями.

— Я ему руки оторву!

Клэр сильно замотала головой.

— Ты... меня... вообще... не захочешь.

— Клэр...

— Джей... — подняла она лицо, которое выглядело так, будто на него вылили кружку воды. — Джейми, что со мной... не... так? Почему всё так... не... правильно?

Парень провёл руками по её мокрым щёчкам.

— Так будет не всегда. Всё наладится, мы будем счастливы.

— Фергюс... убит, Фрэнк... умер, папы и мамы нет, я теперь... грязная.

— Никакая ты не грязная! Не выдумывай!

— Для тебя... я слишком страшная и... простая, — уже вовлеклась в выяснение отношений девушка; капитан Рэндолл отошёл на задний план.

— Клэр, не говори ерунды, — скривился Джейми.

— Ты разговариваешь... как в Лондоне, а... я...

— Клэр! — муж чуть приподнял её лицо за подбородок. — Ты самая лучшая! Ты... — он запнулся. — Я не знаю, что такое любовь, но мне кажется, я люблю тебя.

Её выразительные голубые глаза с мокрыми слипшимися ресничками распахнулись в неподдельном изумлении. Но тут же потухли. Хотя от неожиданности девушка немного успокоилась.

— Ты не берёшь меня... ночью, — отвернулась она в сторону.

Джейми поморщился: «Вот как ей объяснить?!»

— Да не мо-гу я! — с досадой воскликнул он, ударяя себя в грудь при каждом слове. — Рано нам ещё детей заводить!

Клэр вытерла лицо рукавом, после чего прямо и открыто, с вызовом, посмотрела на мужа.

— Джейми, зачем... я живу? Лири скоро станет взрослой. У неё будет своя семья. Ты меня... не любишь, детей... не хочешь. Джейми, — схватила она за его плечи, — люби меня! Пожалуйста! Хоть одну только ночь! Я очень люблю тебя и всё для тебя сделаю, только не отталкивай меня.

В её глазах было столько всего, что парень даже отшатнулся. Раздув ноздри, он принялся безумным взглядом блуждать по комнате и увидел стоящую в дверях с ножом в руке Лири.

— Они уехали? — спросил тут же.

— Лири, почему ты с ножом? — побелела Клэр.

— Там Ангуса нужно развязать, — немного заторможено ответила сестра. — Да, уехали.

— Оу, точно! — спохватилась леди Лаллиброх. Джейми поднял её, и она тут же, на ватных ногах, кинулась во двор.

Парень думал до самого вечера. И когда они с Рупертом закапывали застреленного пса, и когда собрались все за ужином, и перед сном всё прикидывал так и эдак, перечислял доводы в пользу того, чтобы остаться жить с Клэр, и тут же себе возражал. И всё больше

приходил к выводу, что должен забыть свой двадцать первый век ещё и потому, что не в силах бросить жену, просто не имеет право.

«До неё нет никому дела! Дядьки спланировали замуж, у Руперта с Ангусом одна выпивка да девки на уме, — негодовал он, даже задним умом не вспомнив себя двухмесячной давности дома у папы с мамой. — Её этот... «заднеприводный», живьём сожрёт или оберёт до нитки. Нужно подождать», — решил он.

Но тут же вставал вопрос ночей с Клэр. «А если забеременеет? Тогда что? А ничего, — тут же отвечал себе. — Сама говорит, ей нужно ради кого-то жить. Возможно, ребёнок придаст сил? А может, пронесёт?»

Таким образом, к ночи, свои мозги он всё-таки уговорил, потому как тело, во главе с его главным членом, а также всеми руками и ногами, уже давно было только «за».

И Клэр этой ночью наконец-то почувствовала себя счастливой. Джейми, кстати, тоже. Он постарался забыть весь свой предыдущий опыт и подойти к девушке не с высоты компетентности и навыка, а с равного положения влюблённого человека. Она как ребёнок радовалась любой его ласке. Улыбка не сходила с её личика, даже когда он двигался в ней, и Клэр открывала для себя сладостно-мучительные ощущения близости.

Только лишь однажды парень запнулся, когда заметил у Клэр волосы в подмышках. Всё дело в том, что за двадцать один год своей жизни Фрейзер видел такое впервые. Ему довелось, а может, даже посчастливилось, сталкиваться и с «бразильской» депиляцией, и с интимной стрижкой, и с интимным пирсингом, и с татуировками в зоне бикини у девушек, но волосы в подмышках — не было такого.

«Прикольно, — улыбнулся он про себя. — Чего только не насмотришься в этом восемнадцатом веке».

Однако же муж озаботился удовольствием и жены тоже. Даже когда она в полузабытии один раз назвала его Фрэнком, сделал вид, что не услышал.

Преодолев и этот барьер и наладив свою сексуальную жизнь, Джейми начал подумывать, что, в принципе, остаться здесь вполне можно. Хотя ему ещё не посчастливилось полюбить фасоль с горохом, в избыточных количествах и с навязчивой регулярностью появляющихся на столе Клэр, и, слившись с этими бобовыми в гастрономическом экстазе, «изменить» с ними любимому мясу, но, как оказалось, жизнь своей семьёй в отдельном доме и времени имеет немало плюсов.

И как только он начинал соглашаться с подобными мыслями, тут же перед глазами появлялось лицо мамы.

«Это невыносимо», — тупой болью отзывалось нутро.

Таким образом, со временем, чем больше счастья выпадало на их долю с Клэр, тем меньше радостей доставалось одному Джейми. Только лишь представив, что он так до конца жизни не увидит отца, маму, бабушку Джейн, дедушку Патрика по отцовской линии, не пожмёт руку Леону и Гроссу, не посидит на лекции у мистера Фостера, любимого преподавателя по социологии, не перекинется словом с Клариссой, Джейми становилось тошно нечеловечески.

В такие моменты начинали навязывать своё общество мысли о том, что всё здесь, в этом прошлом, плохо, неудобно и отвратительно. Нет тайленола, да и вообще таблеток не имелось. С похмелья ему предлагали противную простоквашу или солёную овсянку. Это угнетало.

Джейми вспоминал упругие мощные струи горячей воды в душе у папы с мамой дома,

ощущение скорости машины под сиденьем, звук молнии на джинсах, запах любимой туалетной воды Virus, энергетику большого города Глазго, пульт от телевизора в руке, яркий свет настольной лампы, красивые, красочные картинки в интернете и многие другие мелочи, собирающиеся внутри него в огромный тоскливый клубок, иногда мешающий есть и пить; кусок не лез в глотку.

А тем временем осень подходила к концу. Наступала зима.

Встретили с пастбищ овец, остригли и загнали в сарай. Собрали последний урожай моркови и капусты.

Джейми уже давно сетовал, что в восемнадцатом веке не сажают и не едят картофель. Так, пробуют как некую диковинку и незнакомую культуру. Он посоветовал Клэр купить и высадить этот овощ вместо гороха.

— Картошка вкуснее. Я потом научу тебя готовить её. Я ел в Лондоне. Очень вкусно. — Парень уже не знал, куда бы деться от тех бобовых.

Провели Самайн — праздник сбора урожая. Все хорошенько выпили и повеселились.

Освободившись от работ в поле, Клэр стала больше посещать небольшую церквушку в имении, в которой читал молитвы преподобный Мурта, и несколько прихожан пели псалмы.

А вообще, Джейми поразила набожность людей в восемнадцатом веке. Его и дома-то у себя порядком раздражало, когда мать то одни, то другие самые интересные и нескучные вещи причисляла к греху, тем самым делая их как бы запретными. Крепкое, «вкусное» словцо, например, поминание чёрта или дьявола вслух, «сочный» секс до брака, сладкий сон до обеда — всё это и многое другое заставляло миссис Фрейзер сжимать рот в тонкую линию, а её синие, как у Джейми, глаза обдавали сыночка с ног до головы осуждением и укором. Но даже она по местным меркам могла бы с лёгкостью сойти за еретичку.

Спасало только то, что не особо набожной оказалась леди Лаллиброх. Нет, конечно же, она грозилась Руперту и Ангусу гневом Господним за их похождения, Лири тоже внушала послушание, суля громы и молнии от Всевышнего за лень и невежество, но никаких таких уж особых подвигов во имя Господа или чего-то карательного, дабы умиловить Бога, от своих домочадцев не требовала. В отличие от миссис Фитц; та осеняла себя крестным знамением, как дышала, и каждый свой шаг соотносила с Божьей волей. А Клэр упоминала с Богом, как о всемогущем, разумеется, но всё-таки больше, как о человеке, нежели о ком-нибудь бестелесном и эфемерном. А про священнослужителей так уж и говорить не приходилось. Она постоянно подтрунивала над преподобным, в шутку уличала его во грехе чревоугодия и грозилась всё рассказать Господу на ушко.

Работы на полях не осталось, поэтому Клэр отпустила миссис Фитц к сестре в соседнее имение МакНэри до Нового года, а Руперт с Ангусом отправились в отпуск.

— Женились бы уже что ли да осели где-нибудь здесь неподалёку, — ворчала Клэр, замешивая тесто на кухне. — А то как мартовские коты в ноябре, ей-богу!

Днём управлялись со скотом и доводили до ума урожай в подвале, а вечером чесали шерсть да пряли на ножной прялке.

Клэр очень удивилась, что Джейми не умеет вязать чулки:

— Это странно. А кто же тебе их тогда вязал? Отец?

Парень чуть со стула не свалился, после того как представил, что его отец, мистер Брайан Фрейзер, владелец крупной компании по производству строительных материалов, которого он сам без галстука, портфеля и ключей от машины видел разве что на охоте, сядет в кресло-качалку и примется вязать что-нибудь на спицах. Картинка рвала сознание в

лоскуты.

— Нет, не от-т-тец, — заикался не то от сдерживаемого хохота, не то от тоски по родителю Фрейзер-младший. — Дядюшка. У меня дядя очень любит вязать.

— Повезло тебе с дядей, — вздохнула ничего не подозревающая Клэр. — А у меня вот дяди никогда ничего мне не связали.

Пару раз они ездили на ярмарку в Глес, где Джейми показал себя во всей красе. Он сразу понял, что долго торчать на базаре, на этом собачьем холоде, не намерен.

«Долго не выдержу», — окинул он взглядом площадь — снующих туда-сюда людей, ржущих лошадей, блеющих овец и кукарекающих петухов.

— Люди должны расставаться с деньгами легко и весело, Клэр, — сообщил он жене, выискивая глазами в толпе волынщика.

Джейми заплатил музыканту, чтобы тот играл самые весёлые мелодии именно рядом с их местом. Затем нашёл за близстоящими домами какой-то шест, вбил его возле их прилавка и на верхушку прикрепил всё, что попало под руку: сноп травы, какие-то шарфы, валявшиеся у них с Клэр в повозке, несколько пустых бутылок из-под виски. Ветер теребил ткань, траву и бутылки, привлекая дополнительное внимание.

Ну а уж как торговался муж, так миссис Фрейзер только рот открывала. Врал парень много, громко, с удовольствием и знанием дела. Без зазрения совести пророчил женщинам только одних сыновей от их с Клэр чеснока, а мужчинам — обострение зрения от их морковки до такой степени, что они перестреляют всех волков в округе.

— Ты что! — шипела жена и дёргала его за рукав. — Так нельзя! Это нечестно!

— Зато быстро! — фирменно улыбался ей Джейми и подмигивал.

Они действительно распродали всё ещё до того, как другие успели приехать и разложить товар.

— Джейми, я боюсь за тебя, — со всей серьёзностью заявила Клэр на обратной дороге. — Ты такой... шустрый!

— За шустрых не надо бояться, — расплылся в удовольствии от комплимента парень.

— Надо. Бояться нужно за всех, на кого затаил зло капитан Рэндолл, — вспоминала она мелькнувшие в толпе ярмарки красные мундиры. — Ты не знаешь этого негодяя. Он на всё способен. Не зря же его Чёрным Джеком зовут.

«Нам бы только четыре года продержаться», — припоминал Джейми предсказание феи, но сам уже научился перезаряжать пистолеты и стрелять из них. Клэр умоляла его, если что, не убивать капитана, иначе их потом со свету сживут, не поверив, что он им угрожал.

— Он стоит на страже закона, и он джентльмен. Нас никто и слушать не станет.

А Джейми ехал и думал о том, что наконец-то смирился. Он окончательно выбрал Клэр. Ему казалось, именно с ней его настоящая жизнь. Маму с отцом, конечно, жаль, но в этом мире много того, что вызывает печаль и досаду, но всё-таки неизбежно.

Поэтому, решив не мешкая объявить об этом фее, в одну из ближайших ночей он пробрался в холл и принялся там скрипеть диваном-«гаубицей» что есть силы.

— Привет! — громко поздоровалась волшебница. — Ты не меня ждёшь?

— Тебя, — оглянулся на камин парень, но не подскочил и не обрадовался. — Привет.

— Хм.

Фея села на край облицовки, свесила свои тоненькие ножки и сложила их одна на другую. Оделась она совсем не по-зимнему — в коротенькую юбочку, будто из мягкой коры дерева, и курточку из кожицы апельсина или мандарина, а скорее, лимона.

— Ты остаёшься?

— Да, остаюсь, — серьёзным «взрослым» голосом заявил мистер Фрейзер.

— Окончательно решил? — тоже оставила кокетство и зазнайство Вжикки и спросила очень грустно и с сочувствием.

— Да, — кивнул парень и, низко опустив голову, вперился взглядом в пол.

Они довольно долго молчали.

— Ну что же, раз ты всё окончательно решил, то тогда это наша последняя встреча, — пожала плечиками Мерседес.

— Да, — опять грустно кивнул Джейми.

— Ты не боишься остаться здесь без меня?

— Боюсь, — тут же признался он, поднял голову и посмотрел в чернеющее ночью окно. — Очень боюсь. Поэтому точно знаю, что будет чувствовать Клэр, если я её брошу.

— Угу. Что же, тогда прощай, Джейми?

— Прощай, фея, — поднялся парень с дивана и остановился ровно напротив камина.

— Желаю тебе семейного счастья с этой милой девушкой. Никогда больше не пей и не прячься в сундуки, а не то провалишься ещё куда-нибудь.

— Что, правда? — распахнулись его красивые глаза.

— Я пошутила. Прощай, Джейми.

— Прощай.

Не дожидаясь, пока фея исчезнет, Фрейзер развернулся и поплёлся к ним с Клэр в спальню.

Он почти бесшумно отворил дверь и также аккуратно её закрыл. Обернулся и замер — на краю кровати неподвижно, как изваяние, сидела леди Лаллиброх.

— Клэр, ты чего? — немного стушевался муж.

— Джейми, кто ты? — громко, решительно и требовательно спросила жена.

У него перехватило дыхание.

— В каком смысле? Ты о чём?

— Только не ври мне, пожалуйста. Я ещё у Колама в Леохе почувствовала, что ты не такой, как все мы. Ты будто с неба или из-под земли — другой какой-то. Разговариваешь, как в Букингемском дворце, считаешь, как волшебник, знаешь какие-то непонятные вещи о небе.

«Интересно, когда это я проговорился про космос? — почесал затылок парень. — Надо меньше пить».

— А ещё ты иногда уходишь спать в холл и там разговариваешь сам с собой.

«Она не слышит фею? И не видит?» — Джейми лихорадочно просчитывал варианты своего поведения в свете только что вскрывшихся фактов.

— На дьявола ты не похож, на святого — тем более. Так кто же ты?

«Хм... А почему это на святого не похож? Я, между прочим, морковку под дождём копал. Боялся, вот-вот крылья за спиной прорезаться начнут».

Он тихо прошёл по комнате и сел рядом с девушкой в темноте спальни.

Фрейзер молчал и думал. В принципе, Клэр уже вполне была способна усвоить информацию о его приключениях и путешествиях во времени. Если она мистера Рэндолла в глаза назвала трусливой скотиной, то и сейчас не должна убежать, роняя тапки и осеняя себя крестным знаменем.

— Я из будущего, — выдохнул он так, будто скинул с себя тяжёлый рюкзак, который

протащил на плечах через весь Хайлэндс.

Клэр молниеносно развернулась к мужу лицом с огромными круглыми глазами. В их чернеющей синеве отражался свет луны из окна.

— Ты только не паникуй и сразу не кричи, хорошо? Я тебе всё расскажу, — положил ей на ногу ладонь парень.

Пока он повествовал о том, где жил и как, Клэр не знала, как ей реагировать. Девушка пребывала, видимо, в полном шоке, да ещё ко всему прочему половину слов не понимала. А однажды даже не выдержала: на слове «асфальт» остановила рассказчика жестом и попросила произнести ещё раз. Потом повторила сама дважды и только когда почувствовала, что выговорила почти правильно, разрешила продолжить.

«Так вот как она выучила четыре языка», — улыбнулся про себя Джейми.

Но зато она быстро ожила, услышав знакомое и очень её интересующее слово.

— Фея! — радостно и громко хлопнула в ладоши. — Бог мой! Ты правда видел живую фею? И этот человек говорит, что он обычный! Ты особенный, Джейми! Ну, что же было дальше? — уже совсем как девчонка из двадцать первого века на пижамной вечеринке, развернулась она к мужу всем телом и села, прижав острые коленки к груди.

Какой угодно реакции ждал парень на свои признания, но только не такого вот восторга. Клэр почти не волновало, что он либо абсолютно сумасшедший, либо авантюрист, либо действительно прошёл сквозь время. Ей главное фею увидеть!

Джейми продолжил. Когда дошёл до момента мыслей о маме, девушка моментально сникла.

— Так вот почему ты такой грустный последнее время. Я бы также переживала, если бы моя мама была жива. Оу! — подскочила она и положила руки мужу на плечи. — А давай тебя отправим в твоё время! Там тебя капитан точно не достанет.

— И что он тогда сделает с тобой? — накрыл он её ладони своими.

— А я тоже сбегу. Вот Лири чуть подрастёт — выдам её замуж и уеду куда-нибудь на юг. Джейми, я не переживу, если ты всю жизнь со мной будешь тосковать по своим родителям.

— Моя жизнь теперь с тобой, Клэр. Я твой муж.

— А невеста у тебя в твоём времени была?

— Нет. — Он мысленно перекрестился, что даже не пришлось врать.

— Ладно, хорошо, на эту тему мы позже поговорим, а пока расскажи мне о фее.

— Почему тебе так интересна фея? — На Джейми опять нашло уже подзабытое ощущение какого-то сна или сумасшествия.

— И ты ещё спрашиваешь?! Знаешь, сколько я старалась их увидеть в лесу, когда за черникой да за ежевикой ходила, — убрала растрепавшиеся «пружинки» себе за спину Клэр. — Но они прячутся. И эльфы, и гномы тоже. За милю чувствуют, когда приближается человек.

— А их кто-нибудь видел? — попробовал он добавить хоть немного здравого смысла в тему сказок и мифов.

— Видели, но очень давно. В старину ещё, — махнула она рукой куда-то за стену. — Раньше люди лучше были, добрее. Вот эльфы их и не боялись. А сейчас... — вздохнула леди Лаллиброх.

Джейми рассказал, что всё время разговаривал с феей в холле, и если Клэр слышала только его голос, то, скорее всего, не сможет увидеть Мерседес Синдрилонскую.

— Кого? — округлились глаза у девушки.

— Но все зовут её просто фея Вжик.

— Жаль, что я её не вижу и не слышу, — сделала бровки домиком Клэр и грустно положила подбородок на коленку.

Они ещё какое-то время разговаривали и всё-таки улеглись спать, но на следующий день и дальше Фрейзеру уже нельзя было грустить и кручиниться, чтобы не расстроить этим Клэр.

— Джейми, если ты вернёшься, то постепенно забудешь меня, и у тебя всё будет хорошо. А если останешься — будешь до конца дней своих жалеть, что не решился. И на меня это ляжет грехом.

— Нет! Ты здесь ни при чём. Это мой выбор.

— Если с тобой что-нибудь сделает капитан, я себе этого никогда не прощу.

— Ничего он со мной не сделает.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Однажды, в деревенском трактире, уже вернувшийся с «мартовских» подвигов Руперт прослышал, что капитан Рэндолл встал неподалёку лагерем с отрядом солдат.

— Господи, — прижала руку к груди Клэр.

— Якобы он к Рождеству поборы решил учинить, — разминал работник кулаки. — Говорят, уже полностью обобрал соседние Инверчарна и Клэшгор. Скоро до нас доберётся. Джейми выслушал это спокойно и сосредоточенно.

— Вот он-то мне и нужен, — задумчиво пробубнил парень себе под нос. — Руп, — хлопнул он слугу по плечу, — не за погоны, а за виски, как только увидишь его в деревне, дай мне знать, хорошо?

— Что ты задумал? — подскочила к нему Клэр.

— Не переживай. Хочу посекретничать с капитаном — только и всего.

Но когда он на следующий день проснулся рано утром, Руперта уже в доме не было — Клэр послала его в помощь мельнику чинить главный вал.

«Ох уж эти мне женщины», — скривился мужчина и отправился в трактир сам.

Ему не пришлось ходить туда даже неделю. Уже на третий день, как только он пришёл и сел за полюбившийся им ещё с Рупертом и Ангусом стол, к нему подсел трактирщик и, загородив собою выход из лавки, принялся болтать всякую чепуху.

Но то, что для человека восемнадцатого века коварство и хитрость, в глазах парня двадцать первого века — дважды два — четыре.

Что и говорить, Джейми ни грамма не удивился, когда на пороге показался капитан Рэндолл собственной персоной, и трактирщик подскочил, будто ужаленный.

«Ну-ну. Иди ко мне, мой сладкий», — улыбнулся Фрейзер про себя.

— Кого я вижу! — с порога развёл руками Джек. — Какая встреча! Молодой человек, — он вошёл и остановился возле их стола, — говорят, тебя зовут Джеймс.

— Да-да, Джеймс, мой капитан, — протира лавку какой-то тряпкой трактирщик и пятился задом.

— Виски, — бросил ему Рэндолл и грузно и основательно, как перед долгим разговором и знакомством на многие годы, опустился на скамью. — Как здоровье дражайшей супруги? — улыбнулся он парню.

— Вашими молитвами, — тоже не сдерживая улыбки, ответил Джейми.

Капитан задохнулся на вдохе: улыбка парня подействовала на него как удар под дых.

— Вот как? Ну что ж, это интересно, — шумно выдохнул он и расстегнул камзол. — А я вот тут со своими орлами недалеко стою. В Клорроре. Может, слышали?

— Слыхали. — Джейми, насколько не разучился, постарался великосветски кивнуть. Всё-таки с мамой и отцом по всяким приёмам и вечеринкам пройдено немало. С детства.

— Приехали бы с Клэр ко мне в гости. Всё-таки не чужие люди: мой брат убил её брата и сам погиб от этого, — развёл ладонями мистер Рэндолл.

— Отчего же не приехать? Зима на дворе. Делать всё равно пока нечего. Может, и заскочим как-нибудь. — Парень делал вид, что склонен умиловить грозного командира.

— Вот и хорошо. У меня к тебе есть небольшое предложение. — Мужчина сжал рот в морщинистую точку на лице.

«Вот как? Уже предложение? Шустрый чувачок. Клиент археолога», — не то обрадовался, не то огорчился Джейми.

— Предложение? Ну, так... это... — будто в неуверенности повертел он свою рюмку, — давайте его сейчас обсудим. Зачем тянуть?

— Да и правда, зачем? — восхищёнными глазами пожирал его лицо Чёрный Джек. Подошёл трактирщик и поставил перед ним порцию виски.

— За счёт заведения.

Капитан кивнул и, когда гостеприимный хозяин удалился, сделался очень серьёзным.

— Но здесь обстановка не та, — скрестил он руки на груди и, поставив локти на край стола, чуть поддался вперёд.

— Да что вы говорите? Очень жаль, — наоборот откинулся на спинку лавки Джейми. — Очень! Вы разожгли моё любопытство. Теперь я точно спать не буду, пока не побываю у вас... э... Где вы, говорите, расквартировались?

— В Клорроре.

— Всё, решено, — хлопнул Джейми ладонью по столу. — Ждите нас с Клэр в гости.

— Да знаешь, — обвёл недоверчивым взглядом заведение капитан, — можно и без Клэр. Ещё подслушает чего не то. А бабы, они ведь... сам понимаешь, — потёр он свой гладкий и округлый, как у женщины, подбородок.

— Ну что же, я спрошу у неё. Возможно, она и сама не захочет...

И тут Джейми заметил, что мистер Рэндолл подвигается ладонью к его руке, лежавшей на столе. Он расценил это сигналом к действию.

— А теперь, капитан, — резко ринулся он вперёд и что есть силы кулаком пригвоздил эту руку Чёрного Джека к поверхности стола, — слушай меня внимательно. Я уже отправил с экспедицией знакомому в Лондон письмо, что ты балуешься мужеложством.

Рэндолл дёрнулся и побелел.

— Правильно понимаешь, — медленно кивнул парень. — Так вот если этот человек узнает, что со мной или Клэр дурное случилось, да ещё и твоё имя по касательной с этим дурным промелькнёт, он тут же даст команду опросить всех твоих солдат. А то ты там пригрелся, как петух в... петушатнике. На мой взгляд, засиделся ты в солдатах, пора тебе в евнухи.

— Ты блефуешь, — выдернул руку Джек.

— А ты проверь! Только сначала мой английский акцент прибавь к тому, что я появился здесь под видом сына бродячих музыкантов. — (Капитан стиснул челюсти, у него заходили желваки.) — Верно сложил, — опять кивнул парень.

Мистер Рэндолл выпрямился и выпятил грудь. Его глаза выражали бурную мозговую

деятельность.

— Да ты знаешь, кто я? — прошипел он наконец с плохо скрываемым страхом в голосе.

— Ты тот, кого рано или поздно повесят за мужеложство. Ребятки из Кентербери очень любят таких, как ты, на перекладинах развешивать, — зло, но в то же время весело прищурился Джейми. — А раз ты у нас солдатик, то могут ещё и подкоптить костерком из можжевельника для аромата. И когда ты будешь стоять на виселице с петлёй на шее, вспомни меня и поблагодари Клэр, что дала тебе, придурку недоделанному, возможность прожить лишних несколько лет.

Тут Чёрный Джек не выдержал и вскочил. Он хотел было выбежать, уже рванул к дверям, но вернулся и опрокинул в себя своё виски.

— Красивый, глупый щенок, — процедил он сквозь зубы и, громко стукнув стаканом о дерево поверхности стола, вылетел из трактира.

— И тебе не хворать, — кивнул ему вслед Фрейзер.

Глава 6 Чёрный Джек в красном жилете

Глава 6

Чёрный Джек в красном жилете

— Как, как? Интервет?

— Нет. Интернет. Это когда ты в телефоне или ноуте пишешь какое-нибудь сообщение, и его тут же получает человек на другом краю планеты в своём телефоне или ноуте.

— А что такое телефон?

— Ну-у-у, это устройство такое, оно работает на аккумуляторе.

— На чём?

— На аккумуляторе.

— Как интересно. А что ещё у вас есть?

— Много чего. Машины, например.

— Это такие, на которых парчу и марлю делают, да? Я во Франции видела такие машины.

— Нет. Это такие, на которых ездят как на телегах. Автомобили.

— А-а.

— Им в бензобак заправляешь бензин, мотор сжигает его, а энергия идёт на то, чтобы двигать цилиндры в моторе. И ты садишься в эту машину, и едешь. Она железная.

— Железная? Вся-вся?

— Да.

— Ого! И это всё придумали люди?

— Да. Это и ещё много чего. Телевизоры, например.

— Теле...

— ...визоры. Это такие экраны, на которых показывают то, что зафиксировала камера. Снимают изображение, а потом показывают по телевизору. — Джейми понимал, что с каждым словом запутывает девушку всё больше, но ему доставляло несказанное удовольствие смотреть на её растерянное личико в свете мерцающих углей камина. Оно было незабываемым. Как у ребёнка, который открывает для себя мир — удивление, зависание и благоговение.

— Мне так повезло, что ты к нам сюда свалился, — под конец улыбнулась она. — Я и про фей узнала, и про будущее. Не каждому такое счастье дано.

— Да, узнать будущее — это интересно.

— А ты в каком году родился?

— В девяносто пятом, а ты?

— В тысяча шестьсот восемьдесят седьмом. На сколько я тебя старше? Что-то не могу быстро посчитать.

— На триста восемь лет.

— Кошмар, — зевнула Клэр. Они разговаривали о своих временах всю ночь напролёт. — А бочки у вас, наверное, уже бронзовые, да?

— У нас вообще нет бочек.

— А как же вы патиссоны на зиму солите?

— В стеклянных банках.

— В стеклянных? Ого! Стекло — это очень дорого.

— Нет. Не очень.

К Рождеству солдаты со своим командиром всё-таки убрались из этих мест, а после нового года Клэр с Джейми засобирались в гости к Коламу.

— Отвезём ему четыре мешка ржи, мешок пшеницы и бидон мёда. Ну и там ещё... мелочь, — предложила Клэр.

— А не жирно с него четыре мешка? — нахмурился муж.

— Жирно конечно, но в этом году урожай, поэтому я отдаю ровно десятую часть.

— А ты не можешь ему сказать, что собрала меньше ржи, чем сорок мешков?

— Как это?

— Ну... немножко уменьшить.

Девушка замерла в нерешительности.

— Соврать?

— Да.

Она сглотнула, и на её личике отобразились нешуточные удивление с опасением.

— Нет, Джейми, — покачала головой жена. — Я не могу ему соврать.

Парень только растянул губы в скептической гримасе и тяжело вздохнул.

— М-м-мда... тяжело, — улыбнулся он и почесал затылок.

В подарок дяде племянница заказала местному кузнецу масляный фонарь для чтения книг. Когда работа была готова, и Лири с подругой принесли его от мастера, Джейми посмотрел и чуть не вскрикнул — он видел это фонарь у дядюшки в «хломятнике». Конечно, стёкол уже в нём не имелось, но витиеватое литьё серебра осталось таким же искусным, хоть и почерневшим. Фонарь сделали в виде кружки для пива, с ручкой сбоку, чтобы другая сторона могла освещать пространство без помех.

«Скорей всего, каждая вещь в коллекции имеет вот такую же какую-нибудь историю, — сжалось сердце парня от того, что раньше не понимал увлечения своего почившего дядюшки. — Жаль. Надо было расспросить его».

Ехать верхом на лошади целый день двадцать миль, которые на своей красавице Фрейзер мог бы преодолеть за двадцать минут, для него являлось суровым испытанием. Но зато Колам их встретил действительно очень радушно — всё время шутил и даже выказал восхищение тем, как изменилась Клэр, и как хорошо сейчас Джейми разговаривает на гэльском.

— Вот теперь ты настоящий шотландец. Молодец. — Похлопал он по плечу парня, которого совсем недавно собирался вздёрнуть на виселице.

Чуть позже откуда-то приехал Дугал. И вёл себя абсолютно противоположно брату — всё время огрызался, не смотрел ни на кого и много пил, не пьянея.

— Наверное, любовница бросила, — сморщила носик Клэр.

На этот раз за столом появилась жена Колама — Труна и с ней ещё несколько женщин. Новогодняя трапеза оживилась, и зал наполнился весёлым гомоном голосов.

Чуть позже, когда гости отдали должное виски, к ним присоединились скрипач и волынщик, и начались танцы.

Как это ни странно, но Джейми любил звуки волынки. Всё-таки генетическая память — это мощная вещь. Поэтому, он даже пару мелодий станцевал с женой, вернее, только лишь держал её, а она делала необходимые движения.

К полуночи все уже были изрядно во хмелю и усталости.

— Я смотрю, только мы с тобой тут не качаемся, да? — подсел к Джейми Дугал. —

Тогда нам с тобой и пить, — чокнулся он своим кувшином с кружкой парня. — Ну и как тебе Лаллиброх? Как жена?

— Хорошо, — медленно опустил голову Фрейзер и тут же поднял.

— Она, наверное, тебе командовать не даёт? — с гордостью посмотрел на племянницу мистер МакКензи. — Да-а-а... Лалли у нас такая.

— Джейми, пошли спать, — подошла к ним на слабеньких ножках Клэр.

— Э-эй, подожди, женщина, — сделал на неё отгораживающий жест рукой Дугал. — Мы сейчас с твоим мужем сходим в подвал. Я покажу ему такой виски! — потряс кулаком размером с детскую голову. — Так ведь? Пойдёшь со мной в подвал? — брутальным, дружеским голосом предложил он Джейми.

Тот скривился, но только для проформы — на него смотрела жена, а предложение было, мягко говоря, заманчивым. Во всех смыслах.

«Хоть посмотрю там, что да как на потолке. Может, дыра заметна?»

— Клэр, я туда и сразу обратно, хорошо? — поднял он жалобные глаза на супругу. Вспомнил, что вообще-то в его времени такой взгляд называют: «Глаза кота из Шрэка» и улыбнулся сам себе.

— Только не перепейте там. Я тебя на третий этаж не дотащу, — буркнула жена.

— Мы не пьянем! — хлопнул Джейми по плечу Дугал.

Муж поднялся, поцеловал Клэр в губки, и она неровной походкой направилась к лестнице. А он с её дядей развернулись в сторону коридора. По пути мистер МакКензи вытащил факел из кольца на стене и прихватил с собой.

Они вышли на знакомый Фрейзеру задний двор и завернули в пристройку, которая вела к оружейной комнате и погребу.

Когда хозяин отомкнул двери, гость вошел первым и сразу же принялся ориентироваться в помещении.

— Вот, иди сюда, — закрыл дверь, вставил факел в какой-то канделябр мистер МакКензи и потащил парня куда-то в сторону. — Вот здесь очень хороший виски. Уже шесть лет стоит. Моя младшая дочь родилась, когда Колам перегнал его и залил.

— Да-да, сейчас, я только тут посмотрю. — Парень запрокинул голову и увидел, что потолок подбит брёвнами и поэтому место, где он упал, скорее всего, не заметно.

«Во всяком случае, спрятать его тут легче лёгкого». — С грустью уронил он подбородок на грудь и в этот момент услышал, что дверь опять открывается. Она слегка закрипела, потом резко распахнулась с громким грохотом, и на пороге появились трое солдат в красных мундирах.

Дугал тут же схватил Джейми сзади и заломил руки за спину. Только Фрейзер высвободил одну, как за неё ухватились двое солдат. Запястья пронзила боль от тонкой тугой верёвки.

— Извини, — вышел вперёд и встал перед ним мистер МакКензи. — Я на тебя не злюсь, но они опять схватили моего Хэмиша. — Похлопал он мужа племянницы по плечу. — Капитан Рэндолл хочет тайно обменять его на тебя. Сам понимаешь: ради сына я пойду на всё.

Джейми только тяжело дышал и смотрел исподлобья. Он думал о том, что если не вернётся из подвала, Клэр может подумать, что он от неё попросту сбежал в своё будущее.

— Дай с женой попрощаться, — процедил сквозь зубы.

— Не могу, — покачал головой Дугал. — Извини.

— Да пошел ты! — сплюнул на земляной пол Фрейзер.

Солдаты молчали как немые, только каменной хваткой держали его под локти. Не иначе, как капитан угрожал им нешуточным наказанием в случае провала.

— Давайте быстрее, — наконец произнёс один из них на английском. — Нам затемно нужно проехать в форт.

Дугал отступил в сторону, и Джейми поволокли на выход.

Как и положено, его усадили в телегу с деревянной клеткой, и потом они примерно часов пять тряслись по дороге. В Лаллиброх он привык носить килт, но к Коламу надел свои джинсы с бомбером — неприятно, когда зимой поддувает. Летом — другое дело.

Они подъехали к воротам форта, и их быстро впустили. Телега проследовала по территории двора и подкатила к одному из строений.

— На выход, — привычно скомандовал один из солдат.

— Да пош-ш-шел ты, — в ответ процедил сквозь зубы арестант, не трогаясь с места. Все бока ломило, мышцы ныли, кости скрипели как телега, голова болела, про нутро и говорить нечего — там когтями скреблись даже не кошки, а медведи.

— Твоё счастье, что капитан приказал тебя не трогать, иначе... Не знаю, что ты натворил, что из-за тебя пришлось у МакКензи неделю прятаться, да трястись тут с тобой. На выход, я сказал! — заорал служивый нечеловеческим голосом.

Парень поднялся и вывалился во двор.

Опять поволокли по коридорам, чуть просторным, но ещё более мрачным, нежели у братьев МакКензи. Джейми предполагал, что запрут в какой-нибудь камере. Так оно и случилось. Каждая комната для заключенных имела сводчатый проход, закрытый решеткой, в которой вмонтировали такую же клетчатую дверь. Фрейзер планировал было посмотреть: есть ли тут кто-нибудь ещё кроме него, но его бросили в самую первую ячейку, сразу после каморки надзирателя.

Внутри он осмотрелся. Холодный, влажный грязный камень со всех сторон и деревянные нары. На них-то Джейми завалился тут же и уснул — две поездки и а ля фуршет за одни сутки кого угодно подкосят, а силы ему ещё понадобятся.

Разбудил его лязг и скрежет железа. Он открыл глаза, но никого рядом не увидел. Полукруглое окошко под самым потолком светило солнцем.

«День уже, — потёр глаза парень. — Интересно, что он нам приготовит?»

В коридоре слышались приглушенные голоса, и через пару минут к его решетке подъехала телега с кастрюлей баланды. Толстый, что называется, жопастый солдат плюхнул на деревянный поднос, почти как в МакДональдсе, черпак какой-то вязкой, клейкой каши и, поставив «посуду» на пол перед клеткой, подтолкнул её на сторону арестованного.

Фрейзер даже не пошевелился, тем более что никакого голода пока не чувствовал.

— Вода есть? — спросил он у фигуристого надзирателя. Тот не ответил и молча проследовал дальше по коридору. А через полчаса пришел уже другой, более стройный, и с кружкой воды.

Выпив её всю до капли, (вода оказалась, кстати, очень вкусной), Джейми принялся думать.

Во-первых, к нему пожелует капитан. А то, что он к нему пожелует, ну или его самого пригласят к мистеру Рэндоллу в кабинет, это только вопрос времени.

«Н-ну, вот, собственно, и всё, — растерянно поднял брови Фрейзер. — Остальное по ходу дела».

Улёгшись навзничь на нарах, он пролежал до вечера, и даже смог забыться сном на пару часов.

— Что не весел? — Раздался высокий женский знакомый голосок, и Джейми в следующее мгновение подскочил с такой прытью, что нары заходили ходуном.

— Фея! А-а-а, фея! — сдавленным шепотом закричал парень и от радости победоносно затряс кулаками в воздухе.

— Привет, — ответила она ему грустным голоском. — Я всё знаю.

— Привет! Как же я рад тебя видеть!

— Не сомневаюсь.

— Извини, что доставляю тебе столько работы, — увидев её настроение, тоже вмиг сник Джейми и принялся оправдываться как опоздавший ученик. — Я не хотел... правда. Да и вообще, всё это уже надоело, — в конце концов, устало подытожил он.

Фея молчала.

— А ведь ещё и Клэр, наверное, подумала, что я от неё сбежал, как последняя трусливая скотина.

— Тебе не повезло завоевать внимание капитана Рэндолла.

— И что мне теперь с ним делать? Как себя вести?

— Как твоей душеньке будет угодно, — пожала плечами Вжик. — Только постарайся, чтобы он в эту неделю тебя не убил. Я уже предприняла кое-что к твоему освобождению. Нужно только немножечко подождать.

Подопечный замаялся на месте.

— Пока домой не уберусь, не видеть тебе спокойной жизни, да? — взглянул он на свою крошечную наставницу, прищурившись. Всё-таки она — женщина, и постоянно заставлять её решать его проблемы, Джейми считал ниже собственного достоинства — мужик он или так, погулять вышел!

— Брось, — махнула на него своей тоненькой ручкой фея. Сегодня она была одета в обычное матерчатое платье, странной оказалась только какая-то рыболовецкая сеть, накинутая поверх. — Ты всё правильно делаешь. Впервые у меня подопечный, который думает не только о себе.

— Ладно, что уж тут, — развёл руки в стороны Джейми. — Пока буду заигрывать с капитаном. Надеюсь, он не очень пылкий и горячий... шалунишка.

На том и расстались.

Фрейзер лежал, вперив распахнутые глаза без сна в чёрный, закопченный потолок своей камеры, и думал до утра.

Как круто повернулась его жизнь. Теперь есть Клэр, есть ответственность, есть чувства, и его бытиё там, в двадцать первом веке, казалось ему каким-то ненастоящим. Как черновик перед контрольной, как приготовление яичницы перед изысканным блюдом. Он представил себя вернувшимся назад и понял, что уже не сможет как раньше. С парнями в пабе, с «тёлочками». Секс, наркотики, рок-н-ролл. Как-то тупо всё это и... убого. Он уже привык вот так, подсел на созидание и залип на динамике. Топтание на месте уже не прокатит. Ему вдруг жутко захотелось предстать таким, каким стал, перед мамой с отцом — как бы они порадовались.

Задремал Джейми, когда окошко начало сереть.

Вообще-то, он надеялся, что его выведут хотя бы на прогулку, но не дождался. Только лишь в назначенное время опять проехала тележка с баландой. В качестве уборной была

проделана довольно внушительная дыра в углу. Видимо, всё стекало в подвал.

И только где-то уже к вечеру к его решётке подошел охранник и стал греметь ключами, отмыкая дверь.

— На выход. — Отступил он с прохода.

«Началось», — поднялся парень с твёрдых нар, на которых отлежал себе уже все бока.

Ему связали руки за спиной и повели по коридорам и лестницам и, в конце концов, доставили в какое-то, скорее всего, противоположное крыло форта. Конвоир постучал в добротную коричневую деревянную дверь три раза очень аккуратно.

— Да! — раздалось из комнаты.

Солдат открыл и заглянул.

— Арестованный номер один, мой капитан.

— Введите. — Уже вспомнил голос Рэндолла Джейми.

Его втолкнули в помещение, и дверь за ним закрылась.

Чёрный Джек стоял возле стола в красном жилете поверх сорочки с платком. На глазах у него были очки с увеличительными стёклами. Управляющий работал с бумагами.

Джейми встал у порога, не сделав ни полшага вперёд. Главной своей задачей он видел не дать солдафону начать с ним заигрывать, а сразу показать, что кроме амурных дел у Рэндолла полный рот проблем. И если он не услышит голос разума, то трудности стараниями Джейми хлынут уже из ушей и тогда — здравствуй, виселица.

— Добрый вечер, — вкрадчиво начал мистер Рэндолл с обаятельной, мягкой улыбкой.

Парень молча отвернулся к окну. Капитан приблизился к нему и, встав за спиной, развязал руки. Джейми всего передёргивало от такой близости этого человека.

— Прошу, — указал на стул хозяин форта, справившись с верёвкой.

Арестованный прошел и уселся у стола.

— Если ты приготовился к тому, что я буду тебе припоминать нашу последнюю встречу, ты ошибаешься, — проговорил ему в спину Джек.

— Что тебе нужно? — устало проговорил парень. — Только покороче, пожалуйста. У меня мало времени.

— Вот как?

— Вот так, — Фрейзер облокотился о стол и уложил на сжатый кулак свой точёный подбородок.

— А ты знаешь, что стоит мне сказать хоть слово, и тебя уже через десять минут сольют в помойную яму? — прошел на своё место и склонился над столом капитан. — О том, что ты здесь знает только Дугал МакКензи, но он будет молчать как немой, иначе я опять достану его непоседливого сынишку.

Фрейзер ухмыльнулся уголком рта.

— Если ты не сказал этого слова до сих пор, то уже не скажешь. А знаешь почему?

— Любопытно.

— Тебе до зарезу хочется узнать: откуда я прознал про твою... гхм... заднеприводность.

— Чего? — свёл брови капитан.

— Про то, что ты предпочитаешь парней и... — Джейми замялся, — ну, да впрочем, опустим это. — Махнул он рукой. — Неймётся, что про тебя могли пронюхать очень крутые священники в Кентербери? Очень крутые!

— Если я тебя уничтожу, никто об этом не узнает. Ты мог уйти с пира Колама МакКензи пьяным и упасть с моста. — В шутовской манере развёл руки в стороны и

захлопал глазами Чёрный Джек. — Ах, бедненький, он ударился головой, — сделал он руками взмахи как птицы — крыльями, — и река подхватила его и понесла в море. Да ты даже мог заблудиться в лесу, и там тебя слопал дикий вепрь, — стукнул он костяшками кулака в поверхность стола.

— Клэр будет меня искать. И найдёт.

— Не найдёт.

— Продолжай на это надеяться. Думаю, тебе не привыкать ждать мести от какого-нибудь родственника замученных тобой солдатиков, которые не захотели разделить с тобой... — Джейми смерил оппонента брезгливым взглядом насколько его было видно из-за стола, — люп-п-по-оф-ф-фь.

С лица капитана сошли все краски, поэтому арестант продолжил.

— Да-да, люди уже и об этом знают. Осталось подождать, пока ты совершишь ошибку. Давай, ускорь дело. Помоги парням.

— Ты так говоришь, будто никогда не слышал о пытках.

— Зато я видел много смерти и понимаю, что как только ты узнаешь: кто я, и кто стоит за мной, тут же меня сольёшь. Так что...

— У меня есть деньги, — выпалил капитан.

«Да! — чуть не сделал движение локтём вниз Фрейзер. — Сука, да!»

— Рад за тебя. Только не предлагай их мне. На кой они мне мёртвому.

— Ну что же, ты не оставляешь мне выбора.

А вот тут Джейми напрягся.

Капитан почесал мочку уха, снял и сложил на столе очки. Затем обогнул стол, подошел к Джейми и оперся задом о столешницу.

— Кроме всего прочего, ты мне понравился. — Его глаза восхищённо мерцали. — Пока посидишь у меня и подумаешь. Если не поумнеешь, я займусь твоей женушкой. Ты мне ничего не рассказал из-за себя, но всё выложишь, боясь за неё.

«Фея этого не допустит. — Сцепил зубы Фрейзер. О себе он не беспокоился, но вот Клэр могла сделать ошибку. Тут он уже начал надеяться, чтобы жена решила, что муж сбежал. — Послала бы меня ко всем чертям и забыла».

Капитан позвонил в колокольчик, и дверь открылась. Джейми опять связали руки и проводили в камеру.

Глава 7

1 + 1—1

Я всё соврал.

У вас обычные глаза,

И голос ваш такой же как у многих,

Я врал, что всё хотел вернуть назад,

Сплетая воедино две дороги.

И ваши безмятежные черты

Ничуть меня не душат среди ночи.

Да и в объятьях ваших глубины,

Мне кажется, не больше, чем у прочих.

Ещё я врал,

что шёл за вами по пути,

Что выдержал разлуки еле-еле.

Я так же врал, что вас когда-нибудь любил.

Я врал себе...

но так и не поверил...

Эль Твит

Он в беспокойстве провёл всю ночь и весь следующий день.

А на третьи сутки пребывания в форте уже практически не находил себе места. Извёлся весь. Есть не ел, (хоть от звуков его желудка скупую слезу сострадания роняли даже разъевшиеся тюремные крысы) не разговаривал с надзирателями, не реагировал на крики из других камер. Больше всего Джейми опасался, что Клэр узнает о предпочтениях мистера Рэндолла, и тогда этот «заднеприводный» не успокоится, пока не сживёт её со свету. Теперь парень уже жалел, что шантажировал этого «гоблина».

Через три долгих, практически бесконечных, дня его опять повели в то же крыло и завели в знакомый кабинет.

На этот раз командующий фортом был серьёзен, сдержан и без очков. Он сразу же пальцем указал арестанту на стул. Но поскольку руки не развязал, тот от «комфортных условий» отказался гордым отрицательным кивком головы.

— Ну, и что ты мне скажешь? — требовательным голосом «здесь главного» приступил к делу Чёрный Джек.

Джейми помедлил.

— Что ты конкретно хочешь узнать?

Мистер Рэндолл скрестил руки на груди и потёр пальцами подбородок.

— С чего ты взял, что я мужеложец?

— Кто? Ты мужеложец? — театрально распахнул глаза парень. — Да ну брось! — махнул он связанными руками на капитана как на никуда не годного. — Какой из тебя... сладенький. Ты же брутал! Самец!

— Угу, — кивнул «брутал». — Значит так, да? Ну что же, я тоже шутить умею. Посмотрим, понравится ли тебе моя шутка. — Он опять позвонил в колокольчик. — На мой юмор ещё никто не жаловался, — и улыбнулся.

Арестованного увели, но на этот раз не назад, в камеру, а на улицу.

Там посреди двора форта стояло лобное место с огромным толстым деревянным столбом по центру. Парня привязали к нему лицом, чем очень расстроили.

«Будет пороть», — суксился Джейми.

Его никогда в жизни не били. Никто. Отец с матерью это отвергали, а с парнями он если и дрался, то в пылу потасовки ничего кроме злости и азарта не чувствовал. Боль, которую не забыть, Фрейзер испытал лишь однажды, когда спьяну запутался в длинных ногах на высокой лестнице дома своего друга Брэна и полетел вниз головой, сильно ударившись лбом о мрамор ступенек.

Когда капитан вышел на помост, и ему подали плеть, Джейми на одну минуту сделалось действительно страшно.

— Итак! — громко объявил мистер Рэндолл. — Джеймс Фрейзер признаётся виновным в нападении на офицера Её Величества Королевы Великой Британии Анны Стюарт и приговаривается к двадцати ударам плетью.

«Не слабо берёт. — Будучи под впечатлением, скривил рот только что приговорённый. — Господи, на кой мне всё это было надо? Уже давно бы вернулся домой и пил пиво. Спал на лекциях, слушал музон, брился как человек. Какой же я дурак. — В этот момент он вспомнил, как помог викарию донести крест. — Вот и делай добрые дела, — мысленно капля за каплей разочаровывался в жизни бедолага. — Один раз проявишь слабость, и до своего гроба будешь носить чужие кресты».

А потом что-то свистнуло, и ему показалось, что его убили. Кожу на спине обожгло так, словно пуля пронзила тело. Когда плеть разрежала воздух повторно, Фрейзер догадался, что уже в аду и попробовал смириться. После третьего — перестал считать удары, расслабился и приготовился умереть. Кстати, он очень боялся, что не удержится от крика, но к счастью сил на это не оказалось. Тем более что звуком передать такую боль возможным не представлялось.

И как следствие Джейми не слышал как, примерно на восьмом ударе, кто-то начал громко колотить в ворота форта.

Не прекращая экзекуции, визитёрам открыли, и...

Рука капитана замерла, а плеть упала на камни лобного места.

— Фрэнк? — одними губами прошептал возбуждённый Рэндолл и уронил ещё не уставшую, но уже обессилившую и опустевшую руку.

Через отворённую половинку ворот въезжали его брат и преподобный Мурта на шотландских пони.

— Фрэнк... — простонал капитан и опустился на корточки, потому как ноги его держать резко перестали. Он уронил подбородок на грудь, и с его лба свесились несколько прямых длинных прядей волос, забранных сзади в хвост.

— Что вы тут устроили, капитан Рэндолл? — «с порога» вскричал падре, потрясая в воздухе кулаками. — Почему Джейми привязан к столбу и несёт наказание? За что? Что он сделал?

Чёрный Джек молчал, не сводя глаз со своего брата. Тот тоже рассматривал его с взаимным интересом.

Но ничего этого Джейми не видел. Он стоял в обнимку со столбом и, вернувшись в этот мир от звука голоса преподобного, понимал, что капитан проиграл.

«Один-ноль... мой сладкий. Такие дела», — уголки губ парня потянулись вверх, хоть

всё тело представлялось ему одним оголённым куском мяса, и болезненно ощущались даже прикосновения малейшего ветерка.

Последовавший тут же диалог начальника форта с Муртой он слышал как со дна реки.

— Он напал на меня, святой отец.

— Джейми? Ни за что не поверю! Наверняка, вы не правильно расценили его действия.

— Как вы вообще здесь оказались?

— Меня пригласили на исповедование к узникам.

— Я посылал за преподобным Викентием.

— Он поскользнулся и сломал ребро. Я вместо него. К тому же, я с самыми хорошими намерениями привёз к вам вашего брата. Он, оказывается, жив и уже неделю живёт в моём доме.

Как встретились братья, Фрейзер и подавно не понял — его отвязали и отнесли на животе в камеру. Через пару часов, а как показалось ему, где-то через пяток жизней, к нему пропустили преподобного Мурту.

— Джейми, что случилось? Как ты здесь оказался? Где Клэр? — встревожено зашептал святой отец, ощупывая бока господина Лаллиброха.

— Меня... задержали... тайно. — Парень понимал, что разговаривает голосовыми связками, но сейчас ему казалось, что они находятся где-то между лопаток.

— Вот, — поставил на пол какую-то баночку священник. — Это передаёт тебе Фрэнк. Ты ведь знаешь, что он врачеватель. Давай, я тебя намажу. Но только выпей сначала вот это. — Рядом с лекарством материализовалась бутылка виски. — Это уже от меня.

Шотландец тут же ожил и потянулся дрожащей слабой рукой к презенту. Хороший виски это почти как райский нектар, только разбавленный живой водой. Или наоборот. Пока разговаривали о Клэр, Джейми отпил довольно прилично, и когда его спину или то, что от неё осталось, падре намазывал бальзамом, почти не стонал, хоть и прикосновения казались ему массажем с крапивой или же «поцелуями» роя ос.

— Сегодня будешь ночевать в комнате со мной, а завтра поедем домой. — Мурта старался прикоснуться как можно аккуратней, но у него получалось плохо. — Только Фрэнк узнал, что ты — муж Клэр, сразу же попросил брата отпустить тебя.

— Он... жив?

— Говорит, что сидел в Бастилии, а потом его помиловал Король.

— А как же... Клэр узнала... что он умер?

— Узников Бастилии хоронят без имён. Ей указали на какую-то могилу, она возложила туда цветы, вот и всё.

Намазав Джейми спину мазью, как это ни странно с запахом Фанты и апельсина, падре отправился к другим узникам для исповеди и причастия. А когда закончил, помог Фрейзеру дойти до комнаты, которую выделил им капитан. Там была одна кровать с распятым на стене в изголовье. Джейми лёг на доски, застланные простынёй, а преподобному они стащили на пол матрац.

На следующее утро Мурта встал рано и прочитал молитву, а чуть позже их пригласили на завтрак к мистеру Рэндоллу.

Джейми заметно полегчало. Особенно после того, как он допил виски.

На столе у капитана красовался нарезной окорок, сыр, сконы, и даже имелся сахар к травяному чаю. Фрейзер уже понял, что свободен, поскольку рассекреченным для Чёрного Джека не представлял ни малейшего интереса. Кроме разве что интимного.

— Святой отец, мистер Фрейзер, прошу к нашему столу, — галантным широким движением всё той же руки, которой вчера линчевал своего узника, пригласил гостей начальник форта. — Мы с Фрэнком прошлым вечером хорошенько отметили нашу встречу. Мистер Фрейзер, познакомьтесь, это мой брат Фрэнк Рэндолл. Он лекарь.

Мужчины пожали друг другу руки. Ладонь доктора оказалась вполне мускулистой, а рукопожатие — довольно твёрдым.

Джейми сел к столу и, чего бы это ему ни стоило, оперся лопатками о спинку стула. И даже в качестве небольшого «бонусного» подвига закинул ногу за ногу.

«Главное не шевелиться», — старался, чтобы от боли не выступили слёзы на глазах.

Но как только за столом начался неспешный, почти традиционный для английского утра разговор о погоде, здоровье, лошадях, собаках, здоровье лошадей и собак, самочувствии Её Величества и её фаворитов, вниманием парня полностью завладел Фрэнк Рэндолл. Джейми был не столько удивлён тем, что тот жив — уж не ему, свалившемуся из будущего в прошлое возмущаться неразберихой средневековья — а тем, каким оказался этот лекарь при знакомстве. Сделанное открытие Фрейзера и позабавило, и насторожило.

Его новый знакомый излучал доброту и порядочность столь же явно, сколь его брат — злобу и коварство. В двадцать первом веке такие люди уже почти не встречаются. А если и попадаются, то над их головами, как правило, красуется нимб. Все его жесты, мимика, интонации, выражения глаз — от этого человека не хотелось отрываться. Так и тянуло пообщаться, побеседовать у камина, выпить чаю и даже помолчать.

«Клэр повезло с ним, — подумал парень о жене и с завистью сглотнул. — А потом ей попался я».

— Итак, мистер Фрейзер, мой брат попросил меня, отдать вас на поруки преподобному Мурте, поскольку узнал, что вы являетесь супругом бывшей Клэр фон Туарах МакКензи. Я отпускаю вас, но предупреждаю, что если вы ещё хоть раз проявите неуважение к представителю власти Её Величества, я приплюсую ваши недополученные удары к новым. Учтите это.

— Учту. — Вперился Джейми непробиваемым взглядом в капитана. — Рождённый быть повешенным, — смерил он фигуру капитана презрительным взглядом, — не утонет.

— Вы свободны! — в нетерпении дёрнулся всем телом Чёрный Джек.

«Интересно, Клэр уже уехала из Леоха или всё ещё меня ищет?» — только и успел подумать Джейми.

— Пусти! Да пусти же ты, дубина! — раздался в коридоре знакомый женский голос.

Мужчины моментально замерли, и парень подскочил первым. Затарахтев стулом и забыв про свою спину, он быстрее вихря вырвался в коридор, чуть не сорвав дверь с петель.

Какой-то солдат держал Клэр за руку, а она вырывалась.

— Джейми!

— Клэр! — Фрейзер подскочил и грубо оторвал от неё постового.

— Сначала я должен доложить о ней капитану, — нудным голосом заметил служивый.

— Не стоит. Я уже здесь. — Показался в дверях мистер Рэндолл. — Ступай на свой пост.

— Слушаюсь, мой капитан. — Солдат отдал честь и, развернувшись на пятках, зашагал прочь.

— Джейми, что он с тобой сделал? Как ты сюда попал? — ощупывала и осматривала мужа Клэр, а он улыбался, моля бога, чтобы ей не вздумалось повернуть его к себе спиной.

— Как ты меня нашла? — взял её ладошки в свои и безопасно соединил от греха подальше.

— Мне Хэмиш сказал, что его обменяли. А ты исчез. Вот я... и...

Тут в коридор вышел преподобный Мурта.

— Святой отец, и вы здесь? — тараторила дальше девушка, с улыбкой обрадовавшись своему наставнику. — Вы тоже пришли вызволять Джейми? — девушка упорно игнорировала, присутствовавшего тут же, Чёрного Джека.

— Нет, Клэр, я пришел исповедовать и причащать узников, — смиренным голосом пояснил преподобный.

И последним в коридоре показался Фрэнк Рэндолл.

Увидев его, Клэр замерла, пару раз хватанула ртом воздух и, закатив глаза, стала оседать на руках у мужа.

— Падре! — всполошился тот, не давая ей упасть на пол.

— Фрэнк! — выкрикнул священник.

Доктор Рэндолл подскочил и склонился над девушкой. Он немного потёр ей виски и похлопал по ладоням.

— Нюхательные соли у меня в комнате, — скривился с досадой.

— Бегите! — рявкнул ему Джейми.

Фрэнк кинулся вглубь коридора, а преподобный с Джейми занесли Клэр в кабинет капитана и уложили на кушетку. Тут подоспел лекарь и поднёс к носу девушки пузырёк с каким-то серым порошком.

Её ресницы задрожали, и она открыла глаза. Первое, что сделала Клэр — улыбнулась.

— Фрэ-э-энк, — потянулась она рукой к мужчине. Он тут же кратко виновато глянул на Джейми, а она поймала его движение и, увидев мужа, очнулась окончательно. Села и начала бегать глазами по фигуре доктора.

— Фрэнк, так ты... жив? — ломала пальцы из сдерживаемого желания прикоснуться.

— Извини, Клэр, — с горечью в голосе и любовью во взгляде заговорил доктор. — Видит бог, я бы хотел, чтобы всё вышло по-другому. Не знаю, почему тебе сказали, что я мёртв.

— А как тебя освободили?

— Я вылечил жену коменданта от отдышки.

— Боже мой, как же я рада, что ты жив! — всё-таки не выдержала и кинулась ему на шею миссис Фрейзер.

Но опять быстро опомнилась.

— Джейми, — отстранилась она, — познакомься, это тот самый Фрэнк, о котором я тебе рассказывала.

Парень медленно закивал головой.

— Мы уже познакомились. — Он чувствовал себя каким-то взрослым дядей на встрече двух несмышлёных подростков.

Потом последовал неловкий разговор про то, как здесь оказался Джейми, но если честно, парню было уже всё равно. Во-первых, он хотел отсюда поскорее убраться, а во-вторых, понял, что его дни в этом времени сочтены, и способ возвращения — мелочи и детали. Гроб так гроб, какая разница.

Больше всего Джейми заботила Клэр, и то, как он будет без неё там, дома. Понятно, что мозги она ему на место поставила, теперь он другой, и у него появился шанс правильно

распорядиться своей жизнью. В том числе и личной. Может быть, он даже женится и родит ребёнка или двух.

«Но буду скучать... по ней, — ему захотелось заплакать, глядя на профиль жены, когда они на лошадях возвращались из форта в Лаллиброх. — А она — по нему».

Да она уже скучала!

По прибытии домой девушка ходила какая-то задумчивая и потерянная. Нет, она не выглядела грустной, а даже наоборот, но всё равно, то и дело о чем-то задумывалась, отвлекалась, разговаривала рассеяно и иногда равнодушно.

Правда, тут же спохватывалась, старалась замять эти свои упущения, виновато улыбалась и видимо чувствовала себя чуть ли не изменщицей.

Глядя на всё это, мазь Фрэнк Джейми ещё как-то пережил — тем более что она отлично помогала — а вот «подходить» к жене ночью тень доктора ему мешала и, как оказалось, непреодолимо. Не смог. Мысль о том, что когда он соединит их тела, она вспомнит о другом, поднимала откуда-то со «дна» целые пласты залежей дури и спеси. Парня начинало разбрасывать на части. Разрушать.

Оправдывала в собственных глазах лишь мысль о возможной беременности девушки. Это было лишним, поскольку ещё сильнее всё усложняло. С одной стороны он понимал, что в таком случае ему нельзя будет бросить жену, а с другой — что оставить нужно обязательно. Каким бы отвратительным ни казался поступок на первый взгляд, но отойти в сторону всё-таки придётся. Иначе он застрянет здесь навсегда, и тем самым окончательно и бесповоротно обречёт любимую женщину на тоску по тому, кого она полюбила давно и на всю жизнь.

А он не хотел для неё своей участи.

«Она должна стать счастливой. Она может. Они этого достойны оба». — Таким образом, Фрейзер тоже сделался рассеянным и задумчивым, но в отличие от супруги — ещё и откровенно грустным и подавленным.

Однако ситуация разрешилась довольно быстро.

Как-то раз, умываясь утром с кувшина, Джейми увидел, что Клэр стягивает простынь с их постели и что-то бурчит себе под нос.

— Что случилось? — повернулся к ней.

— Да не люблю я, когда кровь начинается ночью, — хмурила брови леди Лаллиброх. — Стирать почти чистое лишний раз, да отстирывать.

Парень ничего не сказал и отвернулся.

«Мне нужна фея».

И в эту же ночь ушел спать в холл. А когда встретил Вжик на следующую, был темнее тучи.

— Привет, — услышал он тихий шепот тоненьким голоском, валяясь без сна с открытыми глазами и закинутой за голову рукой. — Э-эй, привет, говорю. Джейми, ты в порядке?

— Нет. Не в порядке, — не обрадовавшись и не удивившись, Фрейзер поднялся и сел. — Но это к делу не относится. Привет. — Посмотрел он на свою покровительницу, и его глаза тут же округлились и вспыхнули — мадемуазель Синдрилонская стояла с крошечным сотовым телефоном в руках.

Но даже это не выбило парня из горестной колеи. Он тряхнул головой и отвёл уже потухший взгляд.

— Что мне сделать, чтобы отправиться назад?

— Ты решился? — Вжик отключила аппарат и спрятала его себе под шляпку из какого-то колпачка от толстого маркера, который сидел на ней как поварской колпак.

— Да. С ним ей будет лучше.

— Не знаю. — Недоверчиво передёрнула плечиками фея, и её крылышки начали нервно соединяться и разъединяться. — Вообще-то, лучше с тем, кого любишь. А она любит тебя.

— И его тоже. А он из её времени, — отогнул мизинец Джейми, — он врач, — тут парень видимо передумал перечислять на пальцах и просто махнул рукой, — да ещё и брат этого ублюдка Рэндолла. Если я «умру», — показал кавычки, — она сможет стать счастливой, потому что он классный мужик, и капитан её больше не тронет.

Фея молчала, поэтому подопечный закончил:

— Скорее всего, он вообще её заберёт отсюда в Англию и правильно сделает. Она тоже умная и грамотная. Чего ей здесь... морковку копать.

— Ну что же, — взмахнула своими крошечными ручками Вжикки и соединила их в смиренном жесте, — хорошо. Я верну тебя домой.

— Правда? — вскинул на неё голову Фрейзер так, будто не надеялся её столь быстро уговорить. — Что я должен делать? — Он с готовностью поднялся с дивана, и тот раздраженно скрипнул.

— Ничего, — поморщилась фея от этого звука. — Заснёшь ночью, а я позабочусь о том, чтобы ты не проснулся, пока не окажешься в гробу под землёй.

Джейми молчал.

— Тебе страшно? — осторожно поинтересовалась Мерседес.

— Да я и сам не знаю, — как маленький мальчик неловко пошаркал он ногой в домашнем войлочном тапке. — Но мне... сначала нужно будет как-то... попрощаться что ли.

— Только смотри, чтобы Клэр ничего не заподозрила.

— Я постараюсь.

Помолчали оба.

— А я тебя тоже больше никогда не увижу? — грустно спросил Фрейзер. Он настолько сосредоточился на жене, что совсем не подумал о своей благодетельнице, с которой тоже придётся расстаться. А он к ней привык.

— Нет.

— А...

— Сундука в замке твоего дядюшки уже нет. Его убрали.

— Ясно. Тогда давай что ли... прощаться?

— Прощай, Джейми. Я желаю тебе найти себя в твоём времени, и очень хочу, чтобы ты был счастлив.

— Спасибо, Вжик. Я тоже желаю тебе, чтобы... — тут он понял, что так и не удосужился выяснить о своей персональной фее ничего конкретного и растерялся. — Короче, передавай привет вашей Всемогущей Албе и скажи гномам, что если будут быковать, Джеймс Фрейзер опять куда-нибудь провалится, найдёт их и надерёт им задницы! — он попробовал рассмеяться собственной шутке, но получилось плохо.

Фея понимающе кивала.

— А это тебе на память. — Сделала она на камине шаг в сторону, когда приступ «безудержного веселья» у её подопечного исчерпал себя.

И Джейми увидел жемчужину. Небольшую, но очень красивую, серебристую.

— Спасибо, — распахнул он глаза. — А мне вот... — развёл руками, — и подарить тебе нечего.

— Не стоит, — кокетливо вздёрнула подбородок Мерседес. — Я и так тебя не забуду.

— Я тебя тоже.

— Прощай, Джейми. — И на этих словах Вжик исчезла будто и не было её никогда.

Парень подошел и взял с камина презент.

— Правда что Вжик, — покатал он твёрдую, и неожиданно тяжелую, горошину между пальцами. — Вжик, и нет её. Прощай, Мерседес Синдрилонская, — двинулся из холла, на ходу вынимая серьгу из уха.

К кузнецу ходил ещё до завтрака. Весь день из последних сил старался вести себя как обычно, а после ужина не выдержал.

— Я пойду... пройду в деревню. С мужиками пообщаюсь, — сдёрнул с вешалки свой новый берет.

Клэр с утра до вечера возилась с фасолью и горохом — перебирала и сортировала. Но сейчас убирала со стола.

— Только не пей много, — с удивлением подняла она голову от посуды. — Вечером нужно будет творог отжать. Отнесу его в подвал, пусть на сыр вызреет.

Муж кивнул и направился на выход.

Вернулся он сравнительно скоро, нервно теребя в кармане жакета женский перстень с жемчужиной. На скорую руку, да ещё и у кузнеца, а не ювелира, вещица получилась довольно неказистой и грубой. Её и украшением-то язык не поворачивался назвать. Так, ободок с горошиной.

Вышагивая по дороге в Лаллиброх, Фрейзер старательно набирал полную грудь холодного воздуха и пытался успокоиться — не стоит волновать Клэр и вызывать подозрение. Ради неё же самой.

Ему показалось, что он справился. Тем более что и переживать-то особо некогда — то фасоль отнести на улицу, чтобы проветрилась немного, то творог отжать, то собак на ночь покормить.

Но укладывались они с женой в его последнюю ночь в восемнадцатом веке вместе.

Джейми очень хотелось сказать что-нибудь на прощание, поцеловать, обнять, прижать, почувствовать желанное, мягкое тело под своими ладонями, провести вдоль спинки, сгрести в жмени ягодицы, а потом войти и любить как никогда в жизни всю ночь напролёт. Чтобы она билась под ним в сладостном оргазме раз за разом, а стеночки её влагалища сносили крышу, пульсируя и сокращаясь вокруг его каменного члена, и...

«Ночь! У тебя последняя ночь, придурок. И двадцать первый век ждёт тебя!», — заскрипел зубами путешественник во времени.

К тому же, у жены месячные, поэтому пусть остаётся так, как есть. Возможно, оно и к лучшему.

Он поцеловал её в губки лёгким, райским поцелуем, с нежностью улыбнулся, провёл кончиками пальцев по упругой щёчке.

— Спокойно ночи. — Чмокнул в лоб. — Я люблю тебя.

Клэр тут же оживилась, её глаза зажглись радостью и засверкали в сумраке каминных огней.

— Я тоже люблю тебя, Джейми. — В её голосе откуда-то появились слёзы. — Ты... ты моя любовь. — Она обняла его как перед трапом самолёта — крепко-крепко за шею.

Супруг сделался очень серьёзным.

— Клэр, если я любовь, то он... кто он?

Она отстранилась.

— Он... он... — пожала плечами и жалобно заглянула в глаза.

«Не спрашивай меня, пожалуйста, ни о чём». — Примерно так прочитал её немой призыв Фрейзер.

«Да. Всё правильно, — решительно сжал он губы. — Она будет принадлежать другому. Она уже ему принадлежит».

Устав от домашней работы, девушка заснула довольно быстро. Когда она задышала ровно и размеренно, муж осторожно сдвинулся к краю кровати и пошарил рукой в кармане жакета, висевшего на стуле рядом.

Едва касаясь, чтобы не разбудить, надел жене перстень на палец и наклонился, нежно поцеловал ладошку. Когда никто не видит — можно.

Нависнув на локте Джейми ещё несколько минут смотрел на её безмятежное личико. Кроме всего прочего, он был благодарен этой девушке. За всё. Склонился к её волосам и осторожно вдохнул. По всему телу разлилась сладкая истома. Затем, испытывая себя на прочность, он чуть опустил носом вниз и повёл ноздрями за ушком.

«Сладкая. Какая же ты сладкая», — сглотнув слюну, горестно вздохнул и медленно опрокинулся на своё место.

Закрыв глаза.

Джейми думал, что не сможет заснуть, но вырубился мгновенно.

Это оказалось похожим на сон, в котором ты спишь, и тебе снится сон. И так с десятков уровней. Как в фильме «Начало» с Леонардо ДиКаприо. Будто сквозь беруши он слышал плач. Да и вообще, зачем на него надели десяток синтепоновых курток и теперь теребят за плечо. Какой-то знакомый женский голос звал по имени, но кому он принадлежит, Джейми ни как не мог вспомнить.

А потом вдруг почувствовал, что задыхается. Ему не хватало воздуха, парень очнулся и понял, что закрыт в гробу. Себя не помня, начал лихорадочно биться во все стенки этого саркофага, но тут днище под ним отвалилось, и Джейми полетел куда-то вниз.

Эпилог

Стоял погожий майский денёк. На безоблачном, белёсом небе ярко светило солнце, лаская своим теплом город Глазго и его жителей. Джейми сидел в кафе «Drugate Brewing» на Hunter street. Откинувшись на спинку стула и закинув ногу за ногу, он слепым невидящим взглядом уставился на крышку стола. Перед его глазами в это время проплывали старые деревянные корабли семнадцатого века.

И бороздили суда воды Атлантического океана. Корпуса бригантин и фрегатов покачивало на волнах, а те с ритмичными шлепками бились о днища. Плотно подогнанные доски лениво скрипели друг о друга, паруса трепал бодрый ветерок, по палубе туда-сюда перемещались пассажиры.

Все они плыли в поисках новой, лучшей жизни.

«Тоже не мешало бы побывать в Штатах», — подумал о себе парень и пригубил кофе. Он повертел на безымянном пальце серебряное кольцо. Обычное, но очень старинное. Довольно грубой работы и материала. Его, вдобавок к обручальному, Джейми обнаружил на руке вскоре, как попал назад в будущее.

Из гроба Фрейзер приземлился спиной в какую-то неглубокую лужу. Вокруг было довольно темно. Вода смягчила падение, поэтому ударился он несильно, и поскольку валяться в ледяной жиже не очень хотелось, резво подскочил на ноги.

Пахло сыростью и землёй. Глаза, привыкшие к темноте, тут же начали различать вокруг камни и почву — он попал в пещеру. Джейми покрутился на месте и в каком-то углу пространства заметил еле различимый свет. Не раздумывая, ринулся туда. С каждым шагом становилось всё светлее, пока он не выкарабкался через небольшую и весьма неудобную нору на поверхность.

— Ну, здравствуй, двадцать первый век! — выпрямился во весь рост и радостными глазами обвёл безлюдный равнинный пейзаж вокруг. И тут же в замешательстве закусил нижнюю губу — в свете последних событий уверенность, что он попал в нужное ему столетие или даже тысячелетие, оставляла желать лучшего. — А это вообще Шотландия? — посмотрел на солнечное небо над головой и довольно равнинный пейзаж под ногами. Но тут же увидел небольшую полосу шоссе вдалеке и на ней грузовик с номерными знаками Евросоюза. — Ну, уже легче, — выдохнул обрадовано и вприпрыжку побежал на встречу с цивилизацией.

Но его радость, конечно же, не шла ни в какое сравнение со счастьем мамы, увидевшей сына, после того как его подвезла какая-то семья фермеров, направлявшаяся в Глазго. У сдержанной, воспитанной, степенной, умной миссис Фрейзер случилась истерика. Пришлось давать успокоительное. А потом ещё раз, когда она увидела шрамы на спине сына.

Конечно же, он заявил, что у него амнезия. А что ещё оставалось делать. Третью истерику мама бы без последствий уже не пережила. Она и так очень сильно постарела, похудела и осунулась за время его отсутствия. Да и отец тоже. Ему, кстати, пришлось сказать, что сын путешествовал по Миру с хиппи и многое повидал, да. Конечно же, человек с мозгами и ментальностью мышления Брайана Фрезера не поверил ни в одну из легенд, но попытаться и трясти сына за грудки не стал. Пожалел. Он тоже был счастлив его возвращению.

С каким же удовольствием Джейми впервые встал под душ. Это было настоящим райским блаженством. Выпил хороший кофе, побрился. А немного освоившись и отбившись наконец-то от врачей и даже журналистов, принялся за поиски.

Как и положено сначала полез в интернет. Открывал ссылку за ссылкой, жадно читая всё подряд, выискивая в текстах хоть одно знакомое имя или фамилию. Потом заявил родителям, что хочет съездить в замок к дядюшке, который, кстати, уже выставлен на продажу.

— Да только кому нужна такая рухлядь, — с лёгкой грустью ухмыльнулся отец.

— Мне, — в шоке от самого себя, признался Джейми. — Мне нужна. Не продавайте его.

Сел в свою красавицу, которую бережно хранили к его возвращению родители, и отправился в имение Леох.

В принципе, ничего существенного со «Стоунхенджем» не произошло — для трёхсотлетнего строения полтора года — мгновение, не больше. Как замороженный ходил парень вокруг заброшенного замка, вспоминая его цветущим и полным жизни при братьях МакКензи.

«И что же произошло после смерти Колама и Дугала? Хотя, о чём это я. Война» — вспомнил он восстание Якобитов. Проехал парень и в знакомую деревню Alltbeirhe, где они венчались с его «пугалом». Так, на всякий случай, ради любопытства.

Он много раз набирал в Гугле слово «Лаллиброх», но ничего толкового и осмысленного не выскакивало. Пришлось действовать наугад. Конечно же, той дороги от Леоха до имения жены, которой они ездили, уже нет, да и не запомнил он её толком, поэтому просто катался на машине по местности, где провалился в пещеру. Заходил в пабы, спрашивал официантов, заговаривал с людьми, но никто такого названия не слышал.

И когда изъездил всё вдоль и поперёк, вымотался и отчаялся, отправился к отцу Реджинальду Уикфилду. Вспомнил, как мать ещё на похоронах дядюшки обмолвилась, что преподобный увлекается антропологией и историей края. Очень любит копаться в библиотеках и музейных архивах.

— Лаллиброх, — в задумчивости сдвинул брови и потёр средним пальцем высокий лоб святой отец. — Да, мне знакомо это слово. Где-то я его встречал. Но вот где... — поднял он виноватый взгляд на парня. — Кажется, оно мелькало в каких-то списках о налогах или наказаниях... точно не помню. Но знаете, сын мой, поезжайте-ка в музей в Инвергарри. Там такая куратор, — падре сжал кулак и с чувством потряс им в воздухе, — ничего в Лондон не отдаёт! Молодец! У них много чего сохранилось.

Сказано — сделано.

С помощью интернета Джейми нашел адрес музея, а с помощью навигатора — само здание.

Внутри всё как обычно — стенды с тартанами, волынками, палашами, прялками, в углу на невысоком подиуме небольшой ткацкий станок для килтов. Коллекция старинных бутылок из-под виски, и рядом фото счастливых владельцев заводиков. Судя по всему, не совсем трезвых. Потёртые, нечёткие снимки команд по метанию брёвен, а так же изображения побережья Атлантического океана или Северного моря с небольшими курраками на берегу и бордер-коллы с их подопечными — овцами. Одним словом — Шотландия.

Джейми продвигался вдоль стендов, рассеянно блуждая взглядом по экспонатам. Когда бутылки закончились, началась утварь и предметы быта. Как замороженный смотрел парень

на ножницы, очень похожие на огромные «секаторы» Клэр, только почерневшие от времени.

— Добрый день. Я могу вам чем-нибудь помочь? — вышла к нему из соседнего зала маленькая женщина зрелых лет с выразительными голубыми глазами и плавно изогнутыми лучиками морщинок в их уголках.

— Д-да я и сам не знаю. — Провёл пальцем по полированному контуру стенда Фрейзер и прочитал на бейджике его собеседницы имя: миссис Амалия Корди. — Мне бы хотелось узнать об одном старинном имении.

— Оу, это вам нужно к нашей миссис МакРуби. — Сложила ладони в молитвенном жесте работница музея. — Она у нас занимается архитектурой и геополитикой.

— Могу я её увидеть?

— Разумеется. Она читает лекции по истории Шотландии в местной школе и должна вернуться оттуда где-то минут через десять.

— Спасибо, — с готовностью кивнул парень. — Я её подожду.

— Можете пока посмотреть здесь всё. — Обвела круговым движением руки комнату женщина. — Экспозиция к вашим услугам. Если вы интересуетесь ещё и сражениями, обычно за этим к нам приходят представители сильного пола, — она мило улыбнулась, — то тогда вам следует обратиться к нашему мистеру Штроху. Но он сейчас в Эдинбурге, в Университете.

— Нет, спасибо. Мне нужны сведения именно об имении.

— Хорошо. Извините, — кивнула миссис Корди, сделала шаг назад и удалилась тихой, крадущейся походкой, которой умеют ходить по своим «угодьям» только охотники и работницы музеев.

А Фрейзер двинулся дальше вдоль стендов.

Опять потянулась череда ложечек, кружечек, какая-то невнятная стеклянная бутылка и, судя по тому, что рядом с ней лежит плотный пожелтевший лист бумаги, кто-то бросил её с посланием в море.

«Здравствуй, мой любимый Джейми», — машинально прочитал парень верхнюю строчку и руками схватился за край стенда.

Ноги подкосились, дыхание пошло пунктиром, а глаза наоборот — лихорадочным галопом ринулись дальше.

«Тебя не стало. Ты ушел. Надеюсь, ты благополучно попал назад к себе домой. Как же мне тебя не хватает. Нам не хватает. Я видела, что ты очень скучаешь по своему времени. Верю, что всё сделала правильно, отпустив тебя. А я вышла замуж за Фрэнка. Он очень хороший. У меня родился сын. Я назвала его Джеймс. Фрэнк не возражал. Мы переехали с ним в Оксфорд. Его брата, Чёрного Джека Рэндолла, год назад повесили за мужеложство. Он был грешником. А полгода назад Фрэнк заразился чахоткой и умер. Я приехала к Лири сюда, в Лаллиброх. Не знаю, как ещё хоть раз поговорить с тобой, поэтому пишу тебе это письмо и закопаю его в твоей бутылке из будущего под яблоней в саду. Я уезжаю в Америку с Джейми. Там возьму свою прежнюю фамилию Фрейзер. Хочу, чтобы сын носил имя родного отца. Посылаю тебе его локон. Прости, что тогда обманула тебя. Я тебя очень сильно люблю. Больше жизни. Прощай. Будь счастлив. Навсегда твоя — Клэр Фрейзер, леди Лаллиброх. 25 апреля. 1709 г.».

Кап. Кап.

Джейми закрыл глаза, и из каждого из них на стекло стенда упало по капле. Парень тут же заморгал и большим пальцем постарался убрать свидетельство своего... счастья? Горя?

Удачи? Невезения? Слабости? Силы?

«Боже». — Схватился он за голову, но тут же опять вернулся к письму.

Это казалось чем-то невероятным, странным, не имеющим объяснения, но Фрейзер понял, что уже знает его наизусть. Он буквально впитал в себя каждую букву одну за другой. На бумаге кое-где виднелись пятна, размывшие чернила, и текст, судя по всему, восстанавливали с помощью современных технологий. Края письма пообтрепались и потемнели, будто их обжигали на огне. Сверху одного из уголков лежал локон волос светло-рыжего цвета, закрученный в завиток.

В одно мгновение Джейми захотелось разбить это стекло вместе с бутылкой, а потом сжечь письмо и сравнять музей с землёй. А в следующую секунду — прижать этот листок к груди, упасть на колени и долго-долго выть и рыдать от отчаяния. В голове роилась толпа вопросов, от которых болело всё тело.

Сколько он так простоял над страницей пожелтевшей, полинявшей бумаги, Фрейзер не заметил.

— Мне сказали, вы меня ждёте. — Послышался рядом женский голос, и Джейми дёрнулся как укушенный.

Видимо видок у него был ещё тот, потому что говорившая тут же спохватилась и, с волнением округлив свои небольшие карие глазки, протянула к визитёру руку.

— Может, вам стоит присесть? На вас лица нет.

— Нет-нет, — шмыгнул носом парень и забрался пятернёй в волосы. — Я в порядке.

— Вас взволновала наша жемчужина?

— Жемчужина? — вскинул он на неё испуганный взгляд.

— Да, — улыбнулась женщина. — Это жемчужина нашей коллекции. К нам приезжали из Лондона, хотели забрать, но миссис Ауст не отдала.

— Откуда... — ткнул Фрейзер пальцем в стекло, осознавая, что дальше говорить не в состоянии — звуки застряли в глотке.

— Может, вам хотя бы воды?

Он только мотнул головой.

— Это нам принесли рабочие, которые строили ангары на ферме мистера Дортурха. Это далеко отсюда. Там, на западе. — Махнула в сторону рукой миссис МакРуби (это имя Джейми прочёл на бейджике собеседницы), где по её мнению находился Атлантический океан. — Сказали, что откопал эту бутылку экскаватор и только чудом не раздавил.

«Мда... чудом», — подумал парень. У него сейчас было такое чувство, будто его оставили без кожи, но зато с огромным сердцем. Оно заняло всё нутро и ныло, ныло, ныло. Очень сильно хотелось плакать и драться. Драться и плакать.

— Но самое интересное знаете что, — меж тем заблестели глаза миссис МакРуби. — Мы отправили бутылку на экспертизу, и оказалось, что она из нового стекла и современного литья, представляете! Этот виски ещё даже продаётся в магазинах! Да-да, вы можете в это поверить?! Это же чудо! Как бумага восемнадцатого века попала в бутылку двадцать первого? Этой загадкой заинтересовался Лондон!

«И действительно, как», — усмехнулся Джейми, сидя уже за столиком в кафе. Он полез в карман и достал свой новенький айфон. Пролистал в нём странички и нашел то, что искал — фото письма Клэр. Письма к нему.

«Хочу, чтобы сын носил фамилию родного отца», — увеличил он строчку.

«Клэр, Клэр, глупая маленькая отважная леди Лаллиброх, зачем ты так? — Парень

обнял ладонью нижнюю часть лица. — Эх, была бы со мной фея. — Оглянулся он на окружавшую его улицу Глазго: машины, автобусы, айфоны, гарнитура, Макбуки и планшеты на столике рядом у двух совсем молоденьких мальчишек-школьников. — Мда, — вздохнул мистер Фрейзер и полез дальше искать в телефоне номер Шинейд МакАлистер — он внёс его совсем недавно из старой восстановленной сим-карты. — Клэр велела стать счастливым, значит я им обязательно стану».

— Алло, кто это? — настороженно ответила на звонок девушка.

— Привет, Шин. Это Джейми Фрейзер. Помнишь меня?

Пауза. Молчание.

— Дже-е-ейми? Ты вернулся! — обрадовано вскрикнула бывшая одноклассница, но тут же поправилась уже совсем другим тоном. — Ты вернулся.

— Да. Я вернулся. — Внутри парня шелохнулось что-то от того, прежнего красавчика Джейми. — Как у тебя дела?

— Я в порядке. Эм... вот заканчиваю Универ. Сдаю тесты третьего уровня уже.

— Ну и как? Хорошо сдаёшь?

— Да, пока все сдала.

— Я помню, что ты всегда хорошо училась, поэтому, видишь ли... могу я обратиться к тебе за помощью? Я много пропустил и поэтому мне нужны консультации.

— Эм-м... я не против, но у тебя коммерческий профиль, а у меня банковский.

— Ну и что. — Джейми не планировал баловать девушку подробностями и деталями, потому как сильно смущался и чувствовал себя неловко. — Мы можем встретиться?

Шинейд опять помедлила.

— Конечно. Почему, нет? — всё-таки согласилась.

— Где и когда?

— Завтра в четыре. В «Красивом» кафе.

— Договорились. Я буду ждать тебя там. До встречи. — Парень улыбался.

— До встречи. — Радужие и смущение слышались и в голосе мисс МакАлистер.

Парень оборвал вызов, положил телефон на стол перед собой и будто в изнеможении по новой откинулся на спинку стула.

Но тут у него мигнул сигнал о сообщении по Viber. Он подумал, что это от Шин — она его уже нашла — но у нового адресата везде стояли какие-то иероглифы, похожие на китайские.

— Странно, — открыл письмо Джейми.

Там было фото. Снимок какого-то маленького мальчика. Фрейзер всмотрелся в лицо ребёнка — в нём как-то неуловимо угадывались черты Клэр — губы, разрез глаз. Но в то же время, волосики отливали красным, как у Брайана Фрейзера, а линию лба словно срисовали с миссис Фрейзер.

Парень заледенел в момент.

— Боже, — после этого слова Джейми бросило в жар. И тут он увидел в руках сына колпачок от маркера, того самого, который красовался на головке Вжик в качестве шляпки. На душе потеплело. Фрейзер не растерялся и тут же нажал на функцию «Сохранить в телефоне», которая была у него отключена по умолчанию. Только фото закачалось, письмо с адресатом исчезло, как умела это делать только мадемуазель Синдрилонская.

— Иисус твою Черчилль Христос! — Джейми улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net